

ДИАНА ГЭБЛДОН

СЕМЬ КАМНЕЙ

УСТОЯТЬ
ИЛИ УПАСТЬ

СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ -
ЧИТАЙТЕ
КНИГУ!

Чужестранка

Диана Гэблдон

Семь камней

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Семь камней / Д. Гэблдон — «Эксмо», 2017 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-04-104955-3

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Ради такой любви стоит жить и рисковать жизнью. Семь камней — это семь историй, раскрывающих неизвестные страницы судеб уже так полюбившихся нам героев мира Чужестранки. У Джейми Фрэзера неприятности — его имя попало в списки якобитов, которые вот-вот попадут не в те руки. Но благодаря хорошенькой переписчице, очарованной его обаянием, все обойдется. Лорд Джон Грей прибывает со своим полком на Ямайку с целью подавить восстание рабов, а на деле сталкивается с шаманами, ядовитыми змеями и настоящими зомби. В Лондоне его старший брат Гарольд, лорд Мэлтон и герцог Пардлоу, попадает в немилость и переживает не самые легкие времена. Мало того — и ценные бумаги из его кабинета похищает коварная молодая особа.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-104955-3

© Гэблдон Д., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие	6
Армейские традиции	10
Предисловие	10
От автора	50
Пространство между	52
Предисловие	52
Париж, март 1778 года	53
Ла-Манш	55
Париж	69
На следующий день	80
На следующий вечер	86
На следующий день	89
В ту ночь	90
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Диана Гэблдон

Семь камней

«Семь камней...» – плод авторской фантазии. Имена, персонажи, места и события придуманы автором. Всякое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, с реальными событиями или местами является чисто случайным.

Предисловие

Хронология серии «Чужестранка»

Если вы взялись за эту книгу, решив, что это девятый роман из серии «Чужестранка», то вы ошиблись. Извините.

Ну, а если это не девятый роман, тогда что же? Видите ли, это сборник из семи... э-э... вещей разного объема и содержания, но все они имеют некоторое отношение к миру «Чужестранки». Что касается названия: дело в том, что редактору не понравился мой первоначальный вариант – «Сальмагунди».¹ Нет, я понимаю ее логику. В общем, она передала через моего агента вежливую просьбу подыскать что-нибудь лучше гармонирующее со «звучными, поэтическими» названиями предыдущих романов.

Не стану описывать подробно ментальный процесс моих поисков (мне на ум приходят такие слова, как «колбасный фарш» и «шлифовка мрамора»). Мне хотелось обозначить в названии, что в этой книге несколько самостоятельных новелл (отсюда и слово «семь»), вот и вышло само собой «Семь камней». И получилось хорошо: «камень» всегда весомое, убедительное слово. Вот только теперь название было коротковато и ему не хватало ритма. И я, подумав еще, остановилась на «Устоять или упасть», что звучало вполне зловеще.

Лишь *ex post facto* я сообразила, как еще можно истолковать эти слова, но ведь если долго думать, то можно во всем найти какой-нибудь нежелательный смысл. В этом примере слова «устоять или упасть» говорят о реакции людей на горе и беды: если ты не убит сразу, у тебя есть выбор, как прожить оставшуюся жизнь: либо устоять, словно путеводный камень, хоть ты и побит временем и невзгодами, либо рухнуть и тихо вернуться в землю, из которой ты вышел, а на твоём печальном опыте будут учиться те, кто придет после тебя.

Итак, это сборник из семи новелл, причем все они входят в мир «Чужестранки» и пересекаются с основными романами.

Пять новелл, входящих в эту книгу, были написаны в последние годы для различных антологий, две новеллы новые и ранее не публиковались («Зеленая беглянка» и «Осада»).

Из-за разного подхода к публикациям в разных странах некоторые из уже опубликованных новелл выходили в свет в виде сборника (в Англии и Германии) или отдельными книгами (в США). «Семь камней» станет полным изданием для тех читателей, которые любят напечатанные на бумаге, тактильные книги.

Поскольку эти новеллы во многом перекликаются с главной серией (и в них действуют многие из ее героев), ниже мы приводим общую хронологию цикла «Чужестранка», чтобы объяснить – Кто, Что и Когда.

Серия «ЧУЖЕСТРАНКА» включает истории трех типов:

большие, даже огромные романы из основной серии, не имеющие определенного жанра;

более короткие и менее неопределенные романы, повествующие об исторических загадках (а также о сражениях, электрических угрях и различной сексуальной практике);

и

---

¹ [1] Сальмагунди (*фр. salmagundi или salmagundy*) – разговорное французское название винегрета, обильно приправленного различными специями. В XVII–XVIII веках сальмагунди пользовался популярностью у буканьеров и пиратов как в Атлантике, так и у побережья Западной Африки и на Мадагаскаре.

«балджес», «клубни» – короткие истории, которые как-то встраиваются в сюжетную линию романов, почти как извивающийся зверек, проглоченный большой змеей. Они часто – но не всегда – посвящены второстепенным персонажам, представляют собой как бы предисловие или послесловие и/или заполняют пробелы, остающиеся в основном сюжете.

Большие романы из основной серии рассказывают о жизни Клэр и Джейми Фрэзеров. Более короткие романы посвящены приключениям лорда Джона Грея, но пересекаются с большими романами (так, в «Шотландском узнике» читатель встречается с лордом Джоном и Джейми Фрэзером). Новеллы посвящены персонажам из основной серии, включая Джейми и/или Клэр.

Большинство из коротких романов и новелл о лорде Джоне (пока что) встраиваются в большую лауну, оставленную в середине «Чужестранки», между 1756 и 1761 годами. Некоторые из «балджес», «клубней», тоже относятся к этому периоду, другие нет.

Итак, для удобства читателя подробный список показывает последовательность различных элементов сюжетной линии. Однако следует отметить, что более короткие романы и новеллы написаны так, что их можно читать отдельно, без привязки к другим романам или к книгам основной серии – если вы настроены на легкое чтение, а не на трапезу из девяти блюд с вином и десертом.

«Девственники» (*новелла*). Действие разворачивается в 1740 году во Франции. В ней девятнадцатилетний Джейми Фрэзер и его друг двадцатилетний Йен Мюррей становятся молодыми ландскнехтами.

«Чужестранка» (*роман*). Если вы никогда не читали ничего из этой серии, предлагаю начать с этой книги. Если вы сомневаетесь, откройте книгу в любом месте и прочтите три страницы. Если сможете оторваться, я дам вам доллар. (1945/1743)

«Стрекоза в янтаре» (*роман*). Он начинается не там, где вы ожидаете. И заканчивается не там, где вы могли бы предположить. Просто прочтите, и вам понравится. (1968/1744-1746)

«Зеленая беглянка» (*новелла*). 1744–1745, Париж, Лондон и Амстердам. Герой новеллы Хэл (Гарольд, старший брат лорда Джона, граф Мелтон и герцог Пардлоу) и его будущая жена Минни – семнадцатилетняя дочь торговца редкими книгами, не гнушающаяся подделками, шантажом и кражами. В этой новелле появляется и Джейми Фрэзер.

«Путешественница» (*роман*). Премия журнала «Энтертейн-мент Уикли» за «Лучшее начало серии». Чтобы не искать экземпляр книги, просто прочтите ее начало: «Он умер. Почему-то, правда, болезненно дергало нос; это было странно». Если вы предпочитаете читать всю серию, а не отдельные книги, вам будет интересно прочесть этот роман и уж потом браться за новеллы. (1968/1746-1767)

«Lord John and the Hand of Devils», «Lord John and the Hell Club» (*рассказ*). Добавлю еще один слой путаницы – «*The Hand of Devils*» – сборник, состоящий из трех новелл. Первая, «Lord John and the Hell Club»; Лондон, 1756 год; к лорду Джону Грею обращается с отчаянной мольбой о помощи рыжеволосый мужчина и умирает у него на глазах.

«Lord John and the Private Matter» (*рассказ*). Лондон, 1757 год. Историческая загадка, замешанная на крови и еще менее приятных веществах. Лорд Джон встречает слугу, предателя, аптекаря, умеющего лечить сифилис, а еще самоуверенного немца и бессовестного, влиятельного торговца.

«**Lord John and the Hand of Devils**», «**Lord John and the Succubus**» (*новелла*). Во второй новелле сборника «Дьявольская рука» лорд Джон находится в Германии в 1757 году; его терзают беспокойные мысли о Джейми Фрэзере, неприятные встречи с саксонскими принцессами, ночными ведьмами. У него происходит действительно волнующая встреча с рослым и светловолосым ганноверским графом.

«**Лорд Джон и братство клинка**» (*роман*). Второй полноформатный роман о лорде Джоне (хотя там появляется и Джейми Фрэзер). 1758 год. Лорд Джон разбирается с двадцатилетним семейным скандалом. Взрыв пушки и еще более опасный взрыв эмоций.

«**Lord John and the Hand of Devils**», «**Lord John and the Haunted Soldier**» (*новелла*). Третья новелла этого сборника. Лондон, 1758 год, Вулвич Арсенал. Лорд Джон предстает перед следствием по поводу взрыва пушки и узнает, что в мире есть более опасные вещи, чем порох.

«**Армейские традиции**» (*новелла*). 1759 год. В ней лорд попадает в Лондоне на вечеринку с электрическим угрем, потом перебирается в Канаду и участвует в штурме крепости Квебек.

«**The Scottinsh Prisoner**» (*роман*). 1760 год, Лейк Дистрикт, Лондон и Ирландия. Что-то вроде гибридного романа. Сюжет делится пополам между Джейми Фрэзером и лордом Джоном Греем. Политика, коррупция, убийство, опиум, лошади и незаконнорожденные сыновья.

«**Нашествие зомби**» (*новелла*). 1761 год, Ямайка. Лорд Джон с батальоном отправляется на усмирение взбунтовавшихся рабов. Он неожиданно обнаруживает у себя симпатию к змеям, тараканам и зомби.

«**Барабаны осени**» (*роман*). Четвертый роман из основной серии. Действие начинается в 1767 году в Новом Свете, где Джейми и Клэр находят пристанище в горах Северной Каролины, а их дочь Брианна обнаруживает зловещую заметку, вырезанную из газеты, которая заставляет ее ехать на поиски родителей. (1969–1970/1767–1770)

«**Огненный крест**» (*роман*). Исторический фон этого пятого романа основной серии – война регуляторов в Северной Каролине (1767–1771), ставшая генеральной репетицией грядущей революции. В нем Джейми Фрэзер становится бунтовщиком поневоле, его жена Клэр – заклинательницей духов, а их внук Джереми напивается бренди. Гораздо худшие вещи случаются с Роджером, мужем Брианны, но я не стану рассказывать сейчас об этом. Роман получил несколько премий «Лучшая последняя строка», но об этом я тоже не хочу сейчас говорить. (1770–1772)

«**Дыхание снега и пепла**» (*роман*). Шестой роман из основной серии. Эта книга получила в 2006 году Международную книжную премию «Карина» и «Золотое гусиное перо» (она обогнала романы Джорджа Мартина и Стивена Кинга, и это было забавно, потому что ТАКОЕ случается нечасто). Все мои книги обладают внутренней «формой», которую я вижу, когда пишу. Именно эта походит на гравюру Хокуса «Большая волна в Канагаве». (1773–1776/1980)

«**Эхо прошлого**» (*роман*). Действие происходит в Америке, Лондоне, Канаде и Шотландии. Это седьмой роман основной серии. Внутренняя форма романа – шар с четырьмя острыми зубцами. Это старинное оружие, которое выглядит как детская игрушка с острыми шипами,

но римляне использовали такие против боевых слонов, а дорожная полиция до сих пор с их помощью останавливает автолихачей. В этой книге четыре основные сюжетные линии: Джейми и Клэр, Роджер и Брианна (и семья), лорд Джон и Уильям, а также Молодой Йен; все пересекаются в ходе Американской революции – и у всех историй острые сюжеты. (1776–1778/1980)

«Написано кровью моего сердца» (*роман*). Восьмая книга основной серии, начинается там, где заканчивается «Эхо прошлого», летом 1778 года (и осенью 1980 года). Американская революция в полном разгаре, а в 1980 году в Шотландии тоже происходят поистине ужасные вещи.

«Лист на ветру в канун Всех Святых» (*короткий рассказ/нет, правда!*). Действие в основном происходит в 1941–1943 годах. Это история о том, что на самом деле случилось с родителями Роджера Маккензи.

«Пространство между» (*новелла*). Действие происходит в 1778 году, в основном в Париже. Герои новеллы: Майкл Мюррей (старший брат Молодого Йена), Джоан Маккимми (младшая сестра Марсали), граф Сен-Жермен (который, оказывается, не умер), мать Хильдегарда и несколько других интересных персонажей. Пространство между ЧЕМ? Это зависит от того, с кем вы говорите.

«Осада» (*новелла*). Действие происходит в 1762 году на Ямайке и в Гаване. Лорд Джон, собираясь покинуть свой пост временного военного губернатора Ямайки, узнает, что его мать находится в Гаване на Кубе. Все бы ничего, вот только британский флот готовит осаду города. Лорд Джон, его слуга Том Берд, бывший зомби по имени Родриго с женой Азил успевают спасти герцогиню Пардлоу до начала военных действий.

ТЕПЕРЬ ЗАПОМНИТЕ

Вы можете читать короткие романы и новеллы по отдельности или в любой последовательности. Но большие романы из основной серии я советую читать по порядку. Надеюсь, вам понравится!

Армейские традиции

Предисловие

В работе над историческими произведениями приятно то, что многое не приходится выдумывать. Замысел новеллы «Армейские традиции» появился у меня, когда я прочла «Человек с ножом» – превосходную биографию доктора Джона Хантера, написанную журналисткой Венди Мур. Примерно тогда же мне попала в руки краткая факсимильная книга, изданная в «National Park Service»; в ней рассказывается о британской армии в годы Американской революции (1775–1783).

В этих двух книгах я не искала ничего конкретного. Меня интересовали скорее общий фон, общая информация об этом периоде, и, как всегда, я надеялась наткнуться на какие-то интересные детали наподобие лондонской вечеринки с электрическим угрем (эта вечеринка, а также сам доктор Хантер, который кратко появляется в этой новелле, документальные факты).

Что до реалий британской армии, тут все немного сложнее. Когда пишешь исторический роман, нужно бороться с искушением и не сообщать читателю какие-то вещи, просто потому что ты их знаешь. И все-таки в той книге тоже нашлись свои крупинки золота – например, информация, что слово «бомба» было хорошо известно и в XVIII столетии и что оно (помимо прямого значения «взрывное устройство») относилось к артиллерийскому ядру с тонкими стенками, обмазанному смолой и наполненному шрапнелью. (Впрочем, мы должны быть осторожными и со словом «шрапнель»; лейтенант Генри Шрапнель наполнил артиллерийское ядро мелкими металлическими шариками и взрывчатым веществом; такой снаряд взрывался в воздухе, поражая живую силу противника; увы, изобретение было сделано лишь в 1784 году, и это нам неудобно, поскольку «шрапнель» – очень удобное слово при описании сражений.)

Впрочем, среди других интересных мелочей меня поразило краткое описание процедуры военно-полевого суда. *«По армейским традициям, военно-полевой суд возглавлял старший офицер; несколько других офицеров составляли совет, обычно их было четверо, могло быть и больше, но, как правило, не меньше трех человек... Обвиняемый имел право вызвать свидетелей для своей защиты, и совет задавал вопросы им, а также любым другим людям на их выбор и таким образом выяснял обстоятельства преступления. Если обвинение подтверждалось, выносился приговор».*

Вот так. Никаких хитроумных процедур представления доказательств, никаких стандартов обвинения, никаких нормативов для вынесения приговора, никаких установок, кто мог или должен был входить в «совет» на военном трибунале, – просто «армейские традиции». Эта фраза – как сами видите – застряла в моей памяти.

*История посвящается
Карен Генри, Эдиль Куруле
и Чиф Бамблиби-Хедер.*

Если подумать, то, пожалуй, во всем был виноват электрический угорь. Еще Джон Грей мог винить – и некоторое время так и делал – благородную Каролину Вудфорд. И хирурга. И уж точно того самого проклятого поэта. Но все же... нет, виноват был все-таки угорь.

Вечеринка состоялась в доме Люсинды Джоффри. Сэр Ричард был в отъезде; дипломат его ранга не мог участвовать в таких фривольных развлечениях. В то время в Лондоне все были одержимы вечеринками с электрическим угрем, но из-за того, что этих существ было мало, частная вечеринка была редким событием. Обычно такие забавы устраивались в публичных

театрах, где немногие счастливики, выбранные для встречи с угрем, вызывались на сцену, где получали удар и вертелись словно кегли на потеху публики.

– Рекорд – сорок два за один раз! – сообщила ему Каролина, с трудом оторвав взгляд от аквариума с электрическим угрем. В ее широко раскрытых глазах светился восторг.

– В самом деле? – Грей, пожалуй, никогда не видел таких странных существ; впрочем, всего лишь странных, но не удивительных. Почти три фута длиной, с тяжелым, почти квадратным телом, округлой головой, которую, казалось, кто-то вылепил неумелой рукой из глины, и крошечными, тусклыми бусинками глаз. Этот угорь совсем не походил на своих извивающихся, гибких сородичей с рыбного рынка – и уж определенно не верилось, что он способен свалить одним ударом электрического заряда сорок два человека.

Угорь был полностью лишен даже намека на красоту; ну, разве что, кроме маленького, тонкого плавника, проходившего вдоль брюха, он колыхался, как колышется на ветру кисейная занавеска. Лорд Джон поделился этим наблюдением с благородной Каролиной и тотчас получил ехидное обвинение в поэтическом настроении.

– Поэтическом? – проговорил за его спиной удивленный голос. – Найдется ли предел талантам нашего галантного майора?

Грей обернулся с любезной улыбкой и, мысленно скривившись, отвесил поклон Эдвину Николсу.

– Я нечаянно вторгся в ваши угодья, мистер Николс, – вежливо сказал он. – Мне не следовало этого делать. – Николс писал ужасные стихи, в основном на любовную тему, и его обожали молодые женщины с определенным складом ума. Благородная Каролина не принадлежала к их когорте и написала весьма умную и едкую пародию на его стиль. Впрочем, Николс едва ли слышал о пародии. Грей надеялся, что он не слышал.

– О, неужели? – Николс поднял рыжеватые брови и кратко, но со значением взглянул на мисс Вудфорд. Его тон был игривый, но самому ему, казалось, было не до шуток. Интересно, сколько он уже выпил, подумал Грей. У Николса пылали щеки и блестели глаза, впрочем, причиной этого могли быть и жара в комнате, и общее возбуждение.

– Вы не думаете восславить в оде нашего друга? – поинтересовался Грей, игнорируя намек Николса, и указал на большой аквариум с плававшим в нем угрем.

Николс рассмеялся, слишком громко – да, выпил он уже немало, – и небрежно махнул рукой:

– Нет, нет, майор. Зачем мне тратить энергию на ничтожное и мерзкое существо, когда меня вдохновляют такие восхитительные ангелочки? – Он ухмыльнулся. Грей не намеревался возводить напраслину на этого человека, но поэт и в самом деле открыто ухмыльнулся. Мисс Вудфорд растянула в улыбке сжатые губы и в знак упрека слегка ударила его по руке веером.

«Где же ее дядя?» – подумал Грей. Саймон Вудфорд разделял интерес своей племянницы к естественной истории и определенно не преминул бы составить ей компанию... О, вот и он! Саймон Вудфорд увлекся беседой с доктором Хантером, знаменитым хирургом – с чего это Люсинда вздумала пригласить и *его*? Грей посмотрел на Люсинду – она, прищурившись, глядела поверх веера на доктора Хантера – и понял, что она его *не приглашала*.

Джон Хантер был знаменитым хирургом – и скандально известным анатомом. Ходили слухи, что он не остановится ни перед чем, чтобы получить особенно желанное тело – человека или животного. Его принимали в обществе, но только не в том кругу, к которому принадлежали Джоффри.

У Люсинды Джоффри были необычайно выразительные глаза, ее единственная красивая часть лица, – они были миндалевидные, ярко-серые и умели отправлять через наполненную людьми комнату замечательно грозные послания.

«Иди сюда!» – говорили они теперь. Грей улыбнулся и поднял бокал, приветствуя ее, но не двинулся с места. Глаза прищурились еще сильнее, опасно сверкнули, но внезапно отвлек-

лись на хирурга, который подбирался к аквариуму с озаренным любопытством и жадностью лицом.

Глаза стремительно вернулись к Грею.

«Убери его!» – говорили они.

Грей взглянул на мисс Вудфорд. Мистер Николс схватил ее за руку и, вероятно, что-то декламировал; у нее был такой вид, словно ей хотелось поскорее высвободить свою руку из его хватки. Грей снова посмотрел на Люсинду и пожал плечами, еле заметно кивнув на мистера Николса, как бы выразив сожаление, что правила приличия не позволяют ему выполнить ее приказ.

– Не только ангельский лик, – говорил Николс, сжав пальцы Каролины так крепко, что она вскрикнула, – но и кожа. – Он погладил ее по руке; ухмылка сделалась еще шире. – Мне интересно, как пахнут ангелы по утрам?

Грей смерил его задумчивым взглядом. Еще одно подобное замечание, и, пожалуй, он будет вынужден пригласить мистера Николса выйти на улицу. Николс был крепко сложен, высокого роста, намного тяжелее Грея и слыл задирой. Попытаюсь сразу разбить ему нос, подумал Грей, готовясь к драке, а потом толкну в живую изгородь на колючки. Если отделать его хорошенько, то сюда он уже не вернется.

– Куда вы так смотрите? – нелюбезным тоном поинтересовался Николс, поймав на себе взгляд Грея.

Громкие хлопки в ладоши избавили Грея от необходимости отвечать – хозяин электрического угря призывал публику к вниманию. Мисс Вудфорд воспользовалась этим и выдернула руку; ее щеки пылали от досады и унижения. Грей немедленно подошел к ней и подхватил ее под локоть, пронзив Николса ледяным взглядом.

– Пойдемте со мной, мисс Вудфорд, – сказал он. – Давайте найдем подходящее место, откуда можно будет наблюдать за угрем.

– Наблюдать? – раздался голос рядом с ним. – Что, неужели вы собираетесь просто наблюдать, сэр? Неужели вам не любопытно испытать этот феномен на себе?

Возле них возник Хантер собственной персоной и с усмешкой посмотрел на Грея. Его пышные волосы были небрежно стянуты на затылке. Впрочем, одет он был прилично: в лилово-красный камзол. Хирург был широкоплечим и мускулистым, но невелик ростом – на целую голову ниже Грея. Очевидно, он заметил, как Грей переглядывался с Люсиндой.

– О, я полагаю... – начал было Грей, но Хантер уже схватил его за руку и потащил к толпе, собравшейся вокруг аквариума. Каролина, бросив опасливый взгляд на распаленного Николса, поспешила за Греем.

– Мне необычайно любопытно услышать ваш отчет о полученном ощущении, – говорил Хантер. – Некоторые из тех, кто участвовал в таком эксперименте, говорят о замечательной эйфории, мгновенной дезориентации, задержке дыхания или головокружении, иногда о боли в груди. Надеюсь, сердце у вас здоровое, майор? Или у вас, мисс Вудфорд?

– У меня? – удивилась Каролина.

Хантер поклонился ей.

– Мне было бы особенно интересно увидеть вашу реакцию, мэм, – почтительно произнес он. – Лишь очень немногие леди обладают смелостью решиться на такое приключение.

– Она не хочет, – поспешно сказал Грей.

– Нет, отчего же? Пожалуй, я хочу, – объявила Каролина и, чуточку нахмутив брови, посмотрела на него, потом на аквариум с длинной, серой тенью в воде. Она еле заметно содрогнулась, и это не ускользнуло от Грея, но после долгого знакомства с этой леди он знал, что это означало скорее предвкушение, чем отвращение.

Не укрылось это и от доктора Хантера. Он еще шире усмехнулся и снова отвесил поклон, протягивая руку мисс Вудфорд:

– Позвольте занять вам место, мэм.

Грей и Николс рванулись вперед, желая остановить хирурга, столкнулись друг с другом и обменялись сердитыми взглядами, а доктор Хантер подвел Каролину к аквариуму и представил ее хозяину угря, щуплому, мрачному человечку по имени Хорас Садфилд.

Грей оттолкнул Николса и, нырнув в толпу, беззастенчиво пробился вперед. Хантер заметил его и просиял:

– Майор, в вашей груди остался металл?

– Что-что? Что осталось?

– Металл, – повторил Хантер. – Артур Лонгстрит описал мне операцию, в ходе которой он удалил из вашей груди тридцать семь кусочков металла. Я впечатлен. Впрочем, если там что-то осталось, я не советую вам экспериментировать с угрем. Дело в том, что металл проводит электричество, и шанс получить ожог...

Николс тоже пробрался через толпу и, услышав эти слова, презрительно засмеялся.

– Удобное оправдание, майор, – сказал он с ехидной усмешкой. Все-таки он очень пьян, подумал Грей. И все же...

– Нет, я не отказываюсь, – резко заявил Грей.

– Превосходно, – вежливо сказал Садфилд. – Сэр, как я понимаю, вы солдат? Смелый джентльмен. На мой взгляд, кто лучше вас сможет стать первым?

Не успел Грей возразить, как обнаружил себя рядом с аквариумом. Рука Каролины Вудфорд сжимала его руку. Другую ее руку держал, сердито сверкая глазами, Николс.

– Леди и джентльмены, встанем в цепочку! – крикнул Садфилд. – Сколько, Доббс?

– Сорок пять! – отозвался его ассистент из соседней комнаты, через которую тянулась цепь участников эксперимента. Все держались за руки и сияли от восторга. Остальные гости стояли в стороне, замерев в ожидании.

– Все крепко держат друг друга за руки, все! Крепко! – крикнул Садфилд. – Пожалуйста, леди и джентльмены, крепко держите за руки ваших друзей, очень крепко! – Он повернулся к Грею, и его маленькое лицо озарилось радостью. – Начинайте, сэр! Пожалуйста, крепко схватите его – вон там, прямо в основании хвоста!

Игнорируя собственный здравый смысл и последствия для кружевных манжет на рукавах, Грей выставил вперед челюсть и сунул руку в воду.

За долю секунды до того, как он схватился за покрытого слизью угря, он ожидал увидеть искры, электрический разряд, какой бывает, если дотронуться до лейденской банки. Ничего такого не было. Его резко швырнуло назад, все мышцы его тела свело судорогой, он очутился на полу, трепыхаясь, словно выброшенная на берег рыба, и судорожно хватая воздух в безуспешной попытке снова научиться дышать.

Хирург с живым интересом присел возле него на корточки.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он. – Голова кружится?

Грей тряхнул головой. Он открывал и закрывал рот, словно золотая рыбка, и с некоторым усилием ударил себя в грудь. После такого разрешения мистер Хантер тут же наклонился, растегнул на Грее камзол и приник ухом к его рубашке. То, что он услышал – или не услышал, – казалось, его встревожило, потому что он резко выпрямился, сжал кулаки и обрушил их на грудь Грея со стуком, отозвавшимся в его позвоночнике.

Этот удар оказался спасительным – он выпустил воздух из легких Грея; они, повинувшись рефлексу, наполнились вновь, и Грей вдруг вспомнил, как надо дышать. Его сердце тоже, казалось, вспомнило свою обязанность и стало биться. Грей сел, упредив новый удар хирурга, и, моргая, стал наблюдать за тем, что творилось вокруг него.

На полу валялись люди. Одни уже шевелились, другие лежали неподвижно, раскинув руки и ноги; некоторые приходили в себя, и друзья помогали им встать. Раздавались востор-

женные возгласы. Садфилд стоял у аквариума, сияя от гордости и принимая поздравления. Сам же угорь казался раздраженным; он кружил в аквариуме, сердито шевеля тяжелым телом.

Эдвин Николс стоял на четвереньках, но потом медленно поднялся на ноги. Оглядев-шись, он наклонился, схватил за руки Каролину Вудфорд и помог ей встать. Она сделала это, но так неловко, что пошатнулась и упала ничком на Николса. При этом он тоже потерял равновесие и с размаху сел на пол, а благородная Каролина оказалась на нем. То ли от шока и возбуждения, то ли от выпитого, то ли от обычного своего хамства, но он воспользовался моментом – и близостью Каролины – и жадно впился губами в ее губки.

Потом все происходило в каком-то тумане. У Грея осталось смутное впечатление, что он таки сломал Николсу нос. Основанием для такой догадки были распухшие костяшки на его правой руке. В любом случае, шума было много. Грея не покидало неприятное ощущение, что он не совсем уверенно находится в собственном теле и все время куда-то из него выплывает.

А то, что все-таки оставалось в пределах его плоти, было крайне спутанным. Его слух, и без того пострадавший несколько месяцев назад при взрыве пушки, полностью пропал от электрического шока. Вернее, слышать-то Грей слышал, но услышанное не обладало никаким смыслом. Отдельные слова достигали его сознания сквозь завесу шума и звона, но ему не удавалось соединить эти слова в разумном соответствии с шевелением губ, произносивших их. Грей не был уверен и в том, говорил ли его собственный голос именно то, что должен был говорить, а не что-то другое.

Его окружали голоса, лица – поток лихорадочных звуков и движений. Люди касались его, толкали, тянули куда-то. Он резко вскинул руку перед собой, то ли чтобы определить, где он находится, то ли для удара, и почувствовал, что она врезалась в живую плоть. Снова оглушительный шум. Но вот он стал узнавать окружающих: Люсинда была в шоке и ярости; у огорченной Каролины растрепались ее рыжие волосы, с них осыпалась вся пудра.

К тому же он не был уверен, бросил ли он сам вызов Николсу или все было наоборот. Конечно же, Николс должен был вызвать его. Он отчетливо помнил, как Николс прижимал к носу промокший от крови носовой платок, какая убийственная злоба горела в его прищуренных глазах. Но потом он обнаружил, что стоит без мундира и камзола, в одной рубашке в маленьком парке перед дворцом Джоффри и держит в руке пистолет. Ведь сам он не выбрал бы для дуэли чужой пистолет, не так ли?

Или, возможно, Николс как-то оскорбил его и он вызвал этого писаку на дуэль?

Ветер трепал на нем рубашку, только что прошел дождь, тянуло промозглой сыростью. Обоняние Грея удивительно обострилось; казалось, оно единственное работало в полную силу. Он ощущал запахи дыма из печных труб, влажной зелени растений, собственного пота – странно, но от его пота почему-то пахло металлом. И еще запах чего-то гниловатого, запах грязи и слизи. Подчиняясь рефлексу, он вытер о рубашку руку, которая дотрагивалась до угря.

Какой-то человек говорил ему какие-то слова. Не без усилий Грей сосредоточил внимание на мистере Хантере. Хирург стоял рядом с ним, и на его лице был написан все тот же живой интерес. «Да, конечно, хирург им нужен, – туманно подумал Грей. – На дуэли плохо без хирурга».

– Да, – кивнул он, поняв, что хирург что-то спросил, изогнув брови дугой. Потом его охватил запоздалый страх, что он только что пообещал свое тело хирургу в случае гибели, и он свободной рукой схватил Хантера за полу камзола.

– Вы... не... прикасайтесь ко мне, – сказал он. – Никакого ножа. Упырь, – добавил он для убедительности, отыскав наконец подходящее слово. Хантер кивнул; казалось, его не оскорбили слова Грея.

Небо было затянуто тучами. Единственным источником света были далекие факелы у входа во дворец. Николс казался белесым пятном, оно медленно приближалось.

Кто-то схватил Грея, насильно повернул его, и он оказался спиной к спине с Николсом; Грей ощутил тепло тела этого крупного мужчины, и это его поразило.

Черт, неожиданно подумал он. Неужели надо стрелять?

Кто-то дал команду, и он пошел – ему казалось, что он идет, – пока его не остановила вытянутая рука. Он повернулся в ответ на чьи-то настойчивые указания.

«Ох, проклятье, – мелькнула в его мозгу опасливая мысль при виде опускавшейся руки Николса. – Мне плевать».

Он моргнул от вспышки выстрела, услышал, как кто-то испуганно ахнул, и стоял мгновение, гадая, попала в него пуля или нет. Вроде все было нормально, и кто-то рядом с ним तोпил его с ответным выстрелом.

«Чертов поэт, – подумал он. – Сейчас я выстрелю в воздух, и готово. Я хочу домой». Он поднял руку, дуло пистолета уставилось в небо, но рука на миг утратила связь с мозгом, а запястье расслабилось. Он попытался снова поднять руку, и его палец нечаянно нажал на спусковой крючок. Грей не успел отвести ствол в сторону.

К его удивлению, Николс пошатнулся и упал на траву. Потом сел, опираясь на руку и запрокинув голову; другой рукой он вцепился в свое плечо.

Полил дождь. Грей сморгнул с ресниц капли и тряхнул головой. Воздух казался ему резким, острым на вкус, словно разрезанный металл, и на миг ему почудилось, что он пахнет... багряным.

– Так не бывает, это неправильно, – сказал он и обнаружил, что к нему вроде окончательно вернулся дар речи. Он повернулся к Хантеру, хотел что-то сказать ему, но хирург, конечно, бросился к Николсу и уже снимал с него рубашку. На ней была кровь, Николс отказывался лечь и размахивал здоровой рукой. Кровь текла из его носа. Возможно, она и испачкала его рубашку.

– Сэр, пойдёмте отсюда, – произнес рядом с ним чей-то голос. – Все это может скверно обернуться для леди Джоффри.

– Что? – Он удивленно посмотрел на неведомого собеседника и обнаружил, что это Ричард Тарлтон, который когда-то в Германии был его энсином. Теперь он носил мундир улана. – Ах да, верно. – Дуэли были в Лондоне вне закона. Если полиция арестует гостей Люсинды в парке перед ее дворцом, разразится скандал – и ее супруг, сэр Ричард, вряд ли будет этому рад.

Свидетели дуэли уже растаяли, словно их растворил дождь. Факелы у дверей погасли. Николсу помогали идти хирург и кто-то еще. Они скрылись за завесой дождя. Грей зябко поежился. Бог весть где остались его камзол и плащ.

– Что ж, пошли, – согласился он.

Грей открыл глаза.

– Том, ты что-то сказал?

Том Бёрд, его слуга, только что перед этим оглушительно кашлянул примерно в одном футе от уха Грея. Убедившись, что завладел вниманием хозяина, он протянул ему ночной горшок с ручками.

– Его светлость уже внизу, милорд. С ее светлостью.

Грей, моргая, посмотрел на окно за спиной Тома, где за раздвинутыми драпировками серел хмурый и дождливый день.

– С ее светлостью? Что, с герцогиней? – Неужели что-то случилось? Ведь сейчас часов девять утра, не больше. Его невестка никогда не появлялась у него раньше полудня, и он не припомнит, чтобы она вообще куда-нибудь ездила днем вместе с его братом.

– Нет, милорд, с маленькой.

– Маленькой?... О, с моей крестницей? – Он сел, чувствуя себя неплохо, но странно, и взял у Тома посудину.

– Да, милорд. Его светлость сказал, что хочет поговорить с вами насчет того, что произошло вчера вечером. – Том отошел к окну и стал придирчиво осматривать то, во что превратились рубашка и бриджи Грея, запачканные травой, грязью, кровью и пятнами пудры. Том с упреком взглянул на Грея, а тот, закрыв глаза, пытался точно припомнить – что же случилось прошлым вечером.

Он чувствовал себя как-то странно. Это было не похмелье, ведь он ничего не пил; голова тоже не болела, и с желудком все было благополучно.

– Вчера вечером, – неуверенно повторил Грей. Вчерашний вечер был весь в тумане, но он помнил его. Вечеринка с угрем. Люсинда Джоффри, Каролина... Почему Хэл так озабочен чем-то? Чем, дуэлью? Зачем брату беспокоиться из-за такой ерунды? Но если даже он и беспокоится, зачем примчался к Грею ни свет ни заря со своей шестимесячной дочкой?

Необычным было скорее время суток, чем присутствие малышки. Брат часто брал дочку с собой под неубедительным предлогом, что ребенку нужно чаще бывать на воздухе. Супруга обвиняла его в стремлении похвастаться дочкой – она и впрямь была прелестна, – но Грей считал, что причина чуть проще. Его свирепый и властный брат-диктатор, полковник его собственного полка, внушавший трепет как своим подчиненным, так и противнику, влюбился в свою дочку. Полк через месяц отправится на новые квартиры, и брату была невыносима мысль, что он надолго расстанется с ней.

Итак, он вышел к герцогу Пардлоу, сидевшему в утренней комнате. Леди Доротея Жаклин Бенедикта Грей лежала у него на руках и грызла сухарь, который держал ее отец. Ее мокрый шелковый чепчик, крошечные башмачки на кроличьем меху и два письма, одно открытое, другое все еще запечатанное, лежали на столе возле локтя герцога.

Хэл поднял на него глаза:

– Я заказал тебе завтрак. Поздоровайся с дядей Джоном, Дотти. – Он осторожно повернул дочку лицом к брату. Все ее внимание было по-прежнему направлено на сухарь, но она все же слабо гулькнула.

– Здравствуй, моя красавица. – Джон нагнулся и поцеловал ее в макушку, покрытую светлым пушком и чуть-чуть влажную. – Ты приятно прогулялась с папочкой под проливным дождем?

– Мы принесли тебе кое-что. – Хэл взял открытый конверт и, подняв бровь, вручил его брату.

Грей тоже поднял бровь и стал читать письмо.

– Что? – Раскрыв рот, он оторвался от письма.

– Да, я тоже так воскликнул, – добродушно согласился Хэл, – когда мне принесли письмо еще до рассвета. – Бережно держа дочку, он протянул руку к запечатанному письму. – Вот это письмо для тебя. Его доставили уже на рассвете.

Грей бросил первое письмо, словно оно жгло его пальцы, схватил второе и торопливо открыл.

«Ах, Джон, – начиналось оно без преамбулы, – прости меня, я не смогла остановить его, правда, не смогла, я ТАК виновата. Я говорила ему, но он не хотел ничего слышать. Я готова бежать отсюда, только не знаю куда. Пожалуйста, пожалуйста, сделай что-нибудь».

Письмо было без подписи, но она и не требовалась. Он всегда узнал бы стремительный и небрежный почерк благородной Каролины Вудфорд. Листок был в пятнах и потеках – от дававших на него слез.

Грей потрянул головой, словно хотел прочистить мозг, затем снова взял первое письмо. Да, он все понял правильно – это был формальный вызов от Альфреда, лорда Эндерби, его

сиятельству герцогу Пардлоу с требованием сатисфакции в связи с оскорблением чести его сестры, благородной Каролины Вудфорд, братом его светлости, лордом Джоном Греем.

Грей несколько раз перевел взгляд с одного письма на другое, потом посмотрел на брата:

– Какого черта?

– Как я догадываюсь, вчерашний вечер был у тебя богат событиями и ты не скучал, – буркнул Хэл, наклоняясь за сухарем, который Дотти уронила на ковер. – Нет, моя радость, ты уже не хочешь его грызть.

Дотти бурно не согласилась с отцом, и ее отвлек только дядя Джон; он подхватил ее на руки и пощекотал ей шейку.

– Да, не скучал, – повторил Грей. – Это точно. Но я ничего не сделал Каролине Вудфорд, только держал ее за руку, когда мы ждали удара электрического угля. Клянусь. Алабалалала глгглгглгглггл, – добавил он, повернув лицо к Дотти. Девочка в ответ взвизгнула и загулила. Джон поднял глаза и встретился с вопросительным взглядом брата.

– На вечеринке у Люсинды Джоффри, – пояснил Грей. – Вы с Минни тоже ведь были приглашены?

Хэл усмехнулся.

– О да, были, но я уже обещал быть в другом месте. Минни ничего не сказала мне про уго. Я слышал только, что ты дрался на дуэли из-за девушки. Это правда?

– Что? Я не... – Джон замолк и пытался вспомнить. – Ну, пожалуй. Надо подумать. Николс – помнишь, тот самый мерзавец, который написал оду... Что-то там... у ног Минни? Он поцеловал мисс Вудфорд вопреки ее желанию, и я ему врезал. Кто рассказал тебе о дуэли?

– Ричард Тарлтон. Он заглянул вчера вечером в салон к Уайту и сообщил, что только что отвез тебя домой.

– Что ж, тогда ты скорее всего знаешь об этом столько же, сколько и я. О, тебе хочется, чтобы папочка поскорее вернулся домой, правда? – Он передал Дотти брату и стряхнул с плеча влажную полоску слюны.

– Возможно, именно на это и намекает Эндерби. – Хэл кивком показал на письмо. – Что ты публично скомпрометировал честь бедной девушки, устроив из-за нее скандальную дуэль. Пожалуй, его можно понять.

Дотти, урча, теперь грызла деснами стигб отцовского пальца. Хэл полез в карман, вынул серебряное кольцо и протянул его дочке, искоса поглядев на брата.

– Ты ведь не хочешь жениться на Каролине Вудфорд, верно? А в послании Эндерби читается именно такой намек.

– Господи, нет! – Каролина была хорошим другом – умная, хорошенькая, способная на озорные выходки – но жениться?... Хм-м...

Хэл кивнул:

– Милая девушка, но через месяц ты окажешься в Ньюгейте или Бедламе.

– Или в могиле, – добавил Грей, осторожно потрогав перевязанные по настоянию Тома костяшки пальцев. – Ты не знаешь, как сегодня дела у Николса?

– А-а. – Хэл выпрямился с тяжелым вздохом. – Он... умер, вообще-то. Я получил довольно мрачное письмо от его брата; он обвиняет тебя в убийстве. Оно пришло во время завтрака. Я как-то не подумал, а ведь надо было взять и его. Ты в самом деле хотел его убить?

Грей сел от неожиданности в кресло; от его лица отхлынула вся кровь.

– Нет, – прошептал он непослушными губами. – О Господи, нет.

Хэл торопливо достал из кармана табакерку, вытряхнул из нее пузырек с ароматическими солями и протянул брату. Грей был благодарен ему за это; он не собирался падать в обморок, но волна аммиачных паров оправдывала слезы на его глазах и неровное дыхание.

– Господи, – повторил он и бурно чихнул несколько раз кряду. – Я не собирался его убивать – клянусь, Хэл. Я хотел выстрелить в воздух. Или пытался, – искренне добавил он.

Письмо лорда Эндербри стало теперь понятнее, как и приезд Хэла. То, что казалось глупой историей, которая должна была улечуться вместе с утренней росой, обернулось не просто скандалом, а чем-то похуже. Не исключено, что его могут арестовать за убийство. Неожиданно у его ног разинул пасть узорчатый ковер – пропасть, в которой могла сгинуть его жизнь.

Хэл кивнул и дал ему свой носовой платок.

– Знаю, – спокойно сказал он. – Такие вещи... случаются иногда. Помимо твоей воли – и ты готов все отдать, даже свою жизнь, лишь бы вернуть все назад.

Грей вытер лицо и посмотрел из-под руки на брата, на лице Хэла читалась тревога. Внезапно брат показался ему старше своих лет.

– Ты имеешь в виду Натаниэля Твелвтриса? – В другой ситуации он бы не упомянул о том случае, но тут нервы у братьев были на пределе.

Хэл хмуро посмотрел на него и отвернулся.

– Нет, не Твелвтриса. В тот раз у меня не было выбора. И я должен был убить его. Я имел в виду... то, что привело к дуэли. – Он поморщился. – Быстро женишься, потом долго расхлебываешь. – Он посмотрел на письма, лежавшие на столе, и покачал головой. Его ладонь нежно погладила девочку по головке. – Я не хочу, чтобы ты повторял мои ошибки, Джон, – спокойно добавил он.

Грей молча кивнул. Первую жену Хэла соблазнил Натаниэль Твелвтрис. Сам Грей, независимо от той неудачи брата, не собирался ни на ком жениться, тем более теперь.

Хэл хмурился и в задумчивости стучал конвертом по столу. Потом бросил быстрый взгляд на Джона и вздохнул. Отложил письмо в сторону, сунул руку в карман камзола и вытащил еще два документа, один, судя по печати, явно официальный.

– Твое новое звание, – сообщил он, протягивая документы Джону. – За Крефельд, – добавил он, подняв бровь, в ответ на недоуменный вопрос в глазах брата. – Тебя тогда повысили до подполковника. Не помнишь?

– Я... ну... не очень. – У Грея было смутное ощущение, что кто-то – возможно, Хэл – сообщил ему об этом вскоре после Крефельда, но тогда он был тяжело ранен и не настроен думать об армии, не говоря уж о том, чтобы беспокоиться о продвижении по службе. Позже...

– Тут не могла произойти ошибка? – Грей взял в руки конверт и открыл его, хмурясь. – Я думал, что они переменили решение.

– О, значит, ты помнишь, – сказал Хэл, все еще подняв бровь. – Генерал Уайдмен присвоил тебе его после сражения. Правда, утверждение задержалось из-за расследования по поводу взрыва пушки, а потом... э-э... истории с Адамсом.

– О-о. – Грей все еще не мог опомниться после известия о смерти Николса, но при упоминании об Адамсе его мозг снова заработал. – Адамс. Ты имеешь в виду, что Твелвтрис тормозил мое повышение? – Полковник Реджинальд Твелвтрис из Королевской артиллерии был братом Натаниэля и кузеном Бернарда Адамса, преступника, ожидавшего результатов расследования в Тауэре, после стараний Грея прошлой осенью.

– Да. Ублюдок, – бесстрастно добавил Хэл. – На днях я завтракаю с ним.

– Не ради меня, надеюсь, – сухо сказал Грей.

– О нет, – заверил его Хэл, ласково покачивая дочку, чтобы она не капризничала. – Это будет чисто личное удовольствие.

После этих слов, несмотря на беспокойство, Грей улыбнулся и положил на стол документ о повышении.

– Ладно, – сказал он, бросив взгляд на четвертый конверт, который все еще лежал на столе. На вид это было официальное письмо, и оно было вскрыто, а печать сломана. – Брачное предложение, обвинение в убийстве, новое повышение – что там, черт побери? Счет от моего портного?

– А-а, ты об этом письме. Вообще-то я не собирался показывать его тебе, – проговорил Хэл и осторожно, чтобы не уронить Дотти, наклонился вперед и отдал письмо брату. – Но в сложившейся ситуации...

Хэл спокойно ждал, когда Грей достанет письмо и прочтает его. Это был запрос – или приказ, в зависимости от того, как посмотреть, – о присутствии майора лорда Джона Грея на военно-полевом суде над капитаном Чарльзом Керратерсом в качестве свидетеля обвиняемого. В...

– В Канаде? – Возглас Джона напугал Дотти; она сморщила личико и собралась заплакать.

– Тише, доченька. – Хэл торопливо погладил ее по спинке и покачал. – Все хорошо, только дядя Джон у нас болван.

Грей пропустил его слова мимо ушей и помахал письмом:

– Какого дьявола? За что судят Чарли Керратерса? И почему меня вызывают в качестве его свидетеля?

– Не смог подавить бунт, – ответил Хэл. – А почему тебя? Кажется, по его просьбе. Когда офицеру предъявлено обвинение, он имеет право выставить собственного свидетеля. Разве ты не знаешь об этом?

Грей знал, но как-то умозрительно. Он никогда не участвовал в военно-полевом суде и не вполне представлял, как подобное проходит, ведь этот суд отличался от обычного, гражданского суда. Грей покосился на брата:

– Так ты говоришь, что не собирался показывать мне это письмо?

Хэл неопределенно пожал плечами и тихонько подул на макушку дочки; короткие, светлые волосики зашевелились, словно пшеница под ветром.

– А зачем? Я собирался написать им, что ты нужен мне здесь, ведь я твой командир. С какой стати тебе тащиться в какую-то дикую Канаду? Однако, зная твое умение влипнуть в неприятные истории... Что ты почувствовал? – с любопытством спросил он.

– Что почувствовал?... Ах, ты об электрическом угле. – Грей привык к молниеносной смене тем разговора и легко приспособивался к ней. – Знаешь, это было скорее шок.

Он посмеялся – хоть и с дрожью в голосе – над любопытством брата. Дотти барахталась в отцовских руках и тянула к дяде свои пухлые, маленькие ручки.

– Резкий толчок, – сказал он, забирая девочку у Хэла. – Нет, правда, это было примечательно. Тебе знакомо ощущение, когда ты ломаешь кость? По телу проходит рывок или удар, прежде чем ты почувствуешь боль. На мгновение ты как бы слепнешь, и тебе кажется, что тебе загнали гвоздь в кишки. Так все и было, только гораздо сильнее и продолжалось дольше. У меня остановилось дыхание, – признался он. – Буквально. Вроде и сердце тоже. Доктор Хантер – ну, знаешь, тот анатом – стоял рядом, и он ударил меня кулаком в грудь, чтобы оно снова забилося.

Хэл слушал с пристальным вниманием и задал несколько вопросов, на которые Грей отвечал машинально, потому что его голова была занята этим последним официальным запросом.

Чарли Керратерс. Они были молодыми офицерами, правда, из разных полков. Плечом к плечу бились в Шотландии, вместе шлялись по Лондону во время увольнительных. Между ними было что-то – хотя связью это не назовешь. Три-четыре кратких эпизода – потные, с прерывистым дыханием соития в темных углах, которые можно было благополучно забыть при свете дня или списать на пьянку. Впоследствии они оба даже не говорили об этом.

Все это было в Плохое время, как Грей мысленно называл годы после смерти Эктора. Тогда он искал забвение всюду, где только мог – и часто находил, – медленно приходя в себя.

Скорее всего, он вообще не вспомнил бы о Керратерсе, если бы не одна вещь.

Керратерс родился с интересным уродством – двойной рукой. Его правая рука была нормальной на вид и работала нормально, но из запястья росла еще одна рука, карликовая, и акку-

ратно лежала на большой партнерше. Возможно, доктор Хантер заплатил бы сотни фунтов за эту руку, подумал Грей, и его желудок еле заметно дернулся.

На карликовой руке были только три коротких пальца – но Керратерс мог их сжимать и разжимать; правда, при этом работала одновременно и большая рука. Шок, когда Керратерс сжал обеими кистями член Грея, был почти таким же необычным и острым, как разряд электрического угля.

– Николса ведь еще не похоронили, правда? – отрывисто спросил он. Мысль о вечеринке с угрем и докторе Хантере заставила его прервать какую-то фразу брата.

Хэл удивленно пожал плечами:

– Конечно, нет. А что? – Прищурился Грей, он посмотрел на Грея. – Ты ведь не собираешься присутствовать на похоронах, правда?

– Нет-нет, – поспешно ответил Грей. – Я только подумал о докторе Хантере. У него... хм-м... определенная репутация, а Николс ушел вместе с ним. После дуэли.

– Какая репутация? Скажи! – нетерпеливо спросил Хэл.

– Похитителя трупов, – выпалил Грей.

Последовало молчание; на лице Хэла забрезжила догадка. Он даже слегка побледнел.

– Не думаешь ли ты?... Нет! Разве он мог?

– Э-э... хм-м... камни кладут в гроб прямо перед тем, как забьют крышку – во всяком случае, я слышал такое, – сказал Грей как можно более внятно, пока кулачок Дотти колотил его по носу.

Хэл с трудом сглотнул. Грей увидел, что у брата встали дыбом волосы на запястье.

– Я спрошу у Гарри, – сказал Хэл после недолгого молчания. – Подготовка к похоронам едва ли началась, и если...

Братья содрогнулись, живо представив сцену, когда взволнованный родственник настаивает на том, чтобы открыли крышку гроба, и обнаруживает там...

– Может, лучше не надо, – со вздохом сказал Грей. Дотти уже перестала отрывать ему нос и била крошечной ладошкой по его губам, когда он говорил. Ощущение ее ручонки...

Он ласково отодвинул племянницу от своего лица и отдал Хэлу.

– Не понимаю, почему Чарльз Керратерс считает, что я могу ему помочь – но ладно, я поеду. – Он покосился на письмо от лорда Эндерби и на смятое послание Каролины. – В конце концов, полагаю, что есть вещи похуже, чем потеря скальпа при встрече с краснокожим.

Хэл строго кивнул:

– Я уже отдал все распоряжения. Ты отплываешь на «Харвуде» завтра утром. – Он встал и поднял Дотти. – Пойдем, доченька. Поцелуй на прощанье дядю Джона.

Спустя месяц Грей в сопровождении Тома Берда перебрался с «Харвуда» на одно из маленьких суденышек, которые должны были доставить их и батальон луисбургских гренадеров на большой остров в устье реки Сен-Лоран.

Никогда еще он не видел ничего подобного. Сама река была необъятна, почти полмили шириной, и глубокая; ее волны то сверкали синевой под ярким солнцем, то чернели. На обоих берегах высились утесы и волнистые холмы с такими густыми лесами, что каменные склоны скрывались под их зеленью. Стояла жара, над головой Грея сиял яркий купол неба; он был гораздо ярче и шире, чем все небеса, какие он видел раньше. Из пышной растительности доносилось громкое гудение – насекомые, предположил он. Пели птицы, шумела вода, но казалось, что поет сама эта дикая местность, поет голосом, слышимым только в его крови. Рядом с Греем вибрировал от восторга Том и таращил глаза, чтобы ничего не упустить.

– Ого, неужели это краснокожий? – прошептал он, наклонившись к Грею.

– Не думаю, что он может оказаться кем-то еще, – ответил Грей, поскольку джентльмен, стоявший у поручней, был голым, не считая набедренной повязки; через плечо у него висело полосатое одеяло, и, судя по блеску его конечностей, он весь был намазан чем-то жирным.

– Я думал, что они краснее, – сказал Том, озвучив мысли Грея. Это точно. Кожа индейца была значительно темнее, чем у самого Грея, но казалась довольно приятной, коричневатой, вроде сухих дубовых листьев. Казалось, индеец тоже нашел их не менее интересными, чем они его; особенно пристально он разглядывал Грея.

– Это все ваши волосы, милорд, – прошептал Том на ухо Грею. – Ведь не зря я уговаривал вас носить парик.

– Чепуха, Том. – В то же время Грей ощущал странное покалывание в затылке, там, где проходила граница его волосяного покрова. Гордясь своими густыми, светлыми волосами, обычно он не носил парик и на официальных церемониях предпочитал укладывать их и пудрить. Данный момент никак не был официальным. На борту «Харвуда» теперь было много пресной воды, и Том настоял на том, что Грею надо помыть голову. Волосы давно высохли и ниспадали светлой гривой на плечи.

Лодка зашуршала по гальке; индеец сбросил одеяло и стал вместе со всеми втаскивать ее на берег. Грей оказался рядом с ним настолько близко, что ощутил его необычный запах. Грей никогда еще не обонял такого: запах лесного зверя, точно, решил он, предположив с легким восторгом, что парень намазался медвежьим жиром; но еще там была легкая примесь трав и пота.

Выпрямившись над планширом, индеец поймал на себе взгляд Грея и улыбнулся.

– Будь осторожнее, англичанин, – сказал он с заметным французским акцентом и, протянув руку, провел пальцами по волосам Грея. – Твой скальп неплохо будет смотреться на поясе у гурана.

Гренадеры, тащившие лодку, рассмеялись; индеец с улыбкой повернулся к ним:

– Они не такие разборчивые, эти абенаки, работающие на французов. Скальп – это скальп, и французы платят за него хорошо, не важно, какого он цвета. – Он снисходительно кивнул гренадерам: – Пойдемте со мной.

На берегу острова был разбит небольшой лагерь – пехотное подразделение под командой капитана Вудфорда. Услышав его фамилию, Грей слегка насторожился, но, как выяснилось, этот Вудфорд не имел никакого отношения к семье лорда Эндерби.

– На этом краю острова мы живем в безопасности, – сказал капитан Грею, протягивая ему бутылку бренди. Они стояли после ужина возле его палатки. – Но на другую сторону индейцы регулярно совершают набеги – на прошлой неделе я потерял четырех человек, троих убитыми, а один был похищен.

– У вас есть индейцы разведчики, скауты? – поинтересовался Грей, шлепая на себе москитов, налетевших на лагерь в сумерках. Индейца, который привел их в лагерь, он больше не видел, но в лагере находились и другие краснокожие. Почти все они сгрудились у отдельного костра, но некоторые сидели на корточках возле луйсбургских гренадеров, прибывших вместе с Греем на «Харвуде», и с любопытством их разглядывали.

– Да, есть, и в основном надежные, – ответил Вудфорд, угадав невысказанный вопрос Грея. Он невесело засмеялся. – По крайней мере, мы надеемся, что это так.

Вудфорд накормил его ужином, они сыграли в карты, и Грей обменялся с ним новостями из дома и сплетнями о нынешней кампании.

Генерал Вулф провел много времени возле Монморанси, немного ниже крепости Квебек, но все его попытки атаковать не принесли ничего, кроме разочарования, и он оставил эту позицию, сосредоточив основную массу своего полка выше по течению в нескольких милях от Квебека. Эта неприступная цитадель, построенная на отвесных кручах над рекой, контро-

лировала своими орудиями и реку, и равнины к западу от нее, вынуждая английские военные корабли проскальзывать мимо под покровом ночи – и не всегда успешно.

– Вулф теперь закусит удила, раз прибыли его гренадеры, – предсказал Вудфорд. – Он сражался вместе с ними при Луисбурге и возлагает на этих парней большие надежды. Ах, полковник, вас скоро съедят живьем – попробуйте чуточку намазать вот этим лицо и руки. – Он порылся в своем походном сундуке и вернулся с баночкой пахучей мази.

– Медвежий жир и мята, – пояснил он. – Индейцы мажутся этим либо покрывают себя грязью.

Грей охотно намазал себя; запах был не совсем такой, как недавно у скаута, но очень похожий, и он испытывал странное смятение. Впрочем, зловредные насекомые притихли.

Он не стал держать в секрете причину своего приезда и теперь прямо спросил о Керратерсе:

– Вам известно, где его держат?

Вудфорд нахмурился и плеснул себе бренди.

– Он не за решеткой. Он на свободе под честное слово. Квартирует в Гарееоне, там, где штаб Вулфа.

– Да?! – Грей был немного удивлен – но ведь, по сути, Керратерс обвиняется не в бунте, а в неспособности подавить его – редкое обвинение. – Вам известны детали его дела?

Вудфорд открыл рот, словно собирался что-то сказать, но тяжело вздохнул, покачал головой и глотнул бренди. Грей сделал вывод, что, пожалуй, все знали подробности, но в этой истории было что-то тухлое. Что ж, времени у него достаточно. Он все узнает прямо от самого Керратерса.

Разговор перешел к общим темам, и вскоре Грей отклонялся. Гренадеры были заняты делом. На краю уже стоявшего лагеря вырос новый палаточный городок. В воздухе витали аппетитные запахи жарившегося мяса и заваренного чая.

Том наверняка уже поставил их палатку где-нибудь среди других. Впрочем, Грей не спешил ее искать; он наслаждался одиночеством после недель плавания на набитом людьми корабле и забытым ощущением твердой поверхности под ногами. Он шел мимо ровных рядов палаток с приятным сознанием, что его никто не видит за светом костра. Но все же достаточно близко к ним ради безопасности – во всяком случае, он на это надеялся. Лес начинался в нескольких ярдах; темнота еще не поглотила его, Грей различал очертания деревьев и кустов.

Глаз различил зеленую искорку, плывшую в воздухе, и его грудь наполнилась восторгом. Потом еще одну... еще... десять, дюжину... Воздух внезапно наполнился светлячками, нежными зелеными искрами; они мигали, гасли, вспыхивали, будто крошечные свечки среди темной листвы. До этого он видел светлячков только один раз в Германии, но их было совсем немного. Чистые, как лунный свет, они были волшебно прекрасны.

Он не мог сказать, долго ли смотрел на светлячков, гуляя, но в конце концов со вздохом направился в центр лагеря, приятно уставший, полный новых впечатлений и без какой-то непосредственной ответственности. Ни дивизиона под его командованием, ни необходимости писать рапорты... ничего, в самом деле. Ему нечего было делать, пока он не прибудет в Гарееон к Чарли Керратерсу.

С блаженным вздохом он опустил полог палатки и сбросил с себя мундир.

Из сна его выдернули пронзительные крики; он резко сел. Том, спавший в своем спальном мешке у ног Грея, вскочил на четвереньки, как лягушка, и лихорадочно шарил в сундуке, отыскивая пистолет и заряды.

Не дожидаясь его, Грей схватил кинжал, который повесил перед сном на колышек, и, откинув полог, выглянул наружу. Люди бегали по лагерю, натыкались на палатки, кричали приказы, отчаянно звали на помощь. Небо осветилось заревом, низкие тучи казались красными.

– Горящие лодки! Брандеры! – закричал кто-то. Грей сунул ноги в башмаки и вместе с толпой побежал к воде.

Далеко от берега на широкой, темной реке виднелся корпус «Харвуда» – корабль стоял на якоре. К нему медленно плыли одна, две, три горящие лодки, плот, нагруженный горящим хламом, маленькая лодка с ярко пылавшими на фоне ночного неба парусом и мачтой. Что-то еще – индейское каноэ с ворохом горящих листьев и травы? Они были пока еще далеко, но неуклонно приближались.

Грей посмотрел на корабль; на палубе суетились люди – слишком далеко, чтобы понять, что там творилось. «Харвуд» не мог сняться с якоря и отплыть, не было времени – но на воду уже были спущены шлюпки, матросы гребли навстречу горящим посудинам, чтобы оттолкнуть их подальше и направить мимо корабля.

Поглощенный этим зрелищем, он не замечал криков и воплей, доносившихся с другой стороны лагеря. Но потом, когда люди притихли, наблюдая за огненными лодками, они вдруг с опозданием поняли, что в лагере тоже что-то творилось.

– Индейцы, – внезапно сказал стоявший рядом с Греем человек.

И тут же чей-то отчаянный вопль пронзил воздух:

– Индейцы!

Крик подхватили другие, и все куда-то бросились.

– Стоп! Стоять! – Грей выставил руку, схватил кого-то за горло и сбил с ног. Он возвысил голос в напрасной надежде остановить панику. – Ты. Ты и ты – хватайте ваших соседей, идите ко мне!

Парень, которого он сбил с ног, снова вскочил; при свете звезд его глаза казались белыми.

– Возможно, это ловушка! – крикнул Грей. – Оставайтесь здесь! Приготовиться к бою!

– Стоять! Стоять! – Низенький джентльмен в исподнем подхватил его крик своей луже-ной глоткой и вдобавок схватил с земли сухой сук и повернул назад тех, кто пытался пробежать мимо него к лагерю.

На реке вспыхнул еще один костер, за ним еще и еще. Шлюпки плыли к ним. Если удастся повернуть брандеры в сторону, «Харвуд», возможно, будет спасен. Грей опасался, что переполох в дальнем конце лагеря был устроен нарочно, чтобы увести людей с берега и оставить корабль под защитой одних лишь моряков. Тогда французы пустят по реке баржу с порохом или абордажное судно, рассчитывая сделать это незаметно, пока все ошеломлены или заняты брандерами и нападением на лагерь.

Первую из горящих лодок прибило к дальнему берегу, и она догорала на песке, яркая и прекрасная в ночном мраке. Низкорослый джентльмен с примечательным голосом – Грей решил, что он сержант – сумел собрать небольшой отряд и привел его к Грею, отрывисто отдав честь.

– Позвольте им сбегать за мушкетами, сэр, как положено?

– Да, – сказал Грей. – Быстрее. Ступайте с ними, сержант, вы ведь сержант?

– Сержант Алоизий Каттер, сэр, – ответил коротышка, кивнув. – Приятно видеть офицера с головой на плечах.

– Благодарю, сержант. И пожалуйста, приведите сюда как можно больше людей. С оружием. И пару стрелков, если сумеете найти.

Моментально отдав приказы, он снова направил свое внимание на реку, где две шлюпки с «Харвуда» отталкивали веслами один из брандеров от транспорта; он уловил плеск воды и крики моряков.

– Милорд?

Голос возле его локтя раздался так внезапно, что Грей едва не проглотил собственный язык. Он обернулся, пытаясь совладать с нервами, и был готов упрекнуть Тома, что тот отва-

жился выйти в хаос. Но прежде чем он смог подыскать нужные слова, его молодой слуга наклонился, держа что-то в руках.

– Я принес ваши бриджи, милорд, – сообщил Том дрожащим голосом. – Подумал, что они вам понадобятся, если начнется бой.

– Очень любезно с твоей стороны, Том, – заверил он слугу, стараясь не рассмеяться. Он влез в бриджи, натянул их и заправил рубашку. – Что случилось в лагере, тебе известно?

Том нервно вздохнул.

– Индейцы, милорд, – сообщил Том. – Они с криками напали на палатки, подожгли одну или две. Убили одного, я сам его видел... и... сняли с него скальп. – Его голос дрогнул, словно к горлу подступила тошнота. – Жутко.

– Еще бы. – Ночь была теплая, но Грей почувствовал озноб. У него встали дыбом волосы на руках и шее. Леденящие душу вопли прекратились; из лагеря по-прежнему доносился шум, но его тон изменился: вместо панических воплей звучали команды офицеров, сержантов и капралов. Начался процесс сбора и подсчета людей и оценки урона.

Том молодец: принес Грею пистолет, мешочек для пуль и пороховницу, а также мундир и чулки. Памятуя о темном лесе и длинной, узкой тропе между берегом и лагерем, Грей не отправил Тома назад, а просто велел не мешаться, когда сержант Каттер, который, с его умением точно оценивать обстановку, тоже нашел время, чтобы надеть бриджи, явился с вооруженной группой.

– Все здесь, сэр, – сообщил Каттер, козырнув. – К кому я имею честь обращаться, сэр?

– Я подполковник Грей. Отправьте людей наблюдать за кораблем, сержант. Особое внимание к темным судам, плывущим по течению. Потом вернитесь ко мне и сообщите, что вам известно об обстановке в лагере.

Каттер козырнул и поспешно исчез с криками:

– Живо, живо, бездельники! Смотрите внимательно, смотрите внимательно!

Том издал сдавленный вопль. Грей повернулся, мгновенно выхватил кинжал и обнаружил рядом с собой темную тень.

– Не убивай меня, англичанин, – сказал индеец, который привел их днем в лагерь. В его голосе слышалась легкая насмешка. – *Le capitaine* послал меня отыскать вас.

– Зачем? – спросил Грей. Его сердце все еще бешено колотилось от шока. Ему не нравилось, что его застигли врасплох, а еще больше не нравилась мысль, что этот человек мог убить его прежде, чем Грей его обнаружил.

– Абенаки подожгли вашу палатку; он предположил, что они могли утащить в лес вас и вашего слугу.

Том грубо выругался и, казалось, готов был нырнуть прямо в лес, но Грей схватил его за руку и остановил:

– Стой, Том. Это не так важно.

– Как это не важно, черт побери? – сердито воскликнул Том; от волнения он забыл про хорошие манеры. – Интересно, где я найду для вас подштанники? Это будет непросто. А как же портрет вашей кухни и ее малыша, который она послала для капитана Стаббса? А ваша красивая шляпа с золотым кружевом?

Грей испытал краткий миг паники – его юная кухня Оливия поручила Грею передать миниатюру, где были изображены она и ее новорожденный сын, ее мужу, капитану Малкольму Стаббсу, служившему под началом Вулфа. Он похлопал ладонью по своему боку и с облегчением обнаружил, что овальная миниатюра, надежно завернутая, благополучно лежала в его кармане.

– С этим все в порядке, Том. Она у меня. Что до шляпы, думаю, мы потом побеспокоимся об этом. Как вас зовут, сэр? – спросил он у индейца, не желая обращаться к нему просто на «ты».

– Маноке, – ответил индеец с прежним насмешливым удивлением.

– Хорошо. Вы отведете в лагерь моего слугу? – Он увидел на тропе низенькую, решительную фигуру сержанта Каттера и, решительно отклонив протесты Тома, отправил его в лагерь под защитой индейца.

В ту ночь все пять брандеров либо проплыли мимо «Харвуда», либо их оттолкнули моряки на шлюпках. Нечто, что могло – или не могло – оказаться абордажным судном, появилось выше по течению реки, но его отпугнули отряды Грея на берегу, стрелявшие залпами – хотя дальность выстрела была, увы, очень невелика и попасть в цель не было никакой возможности.

Но все же «Харвуд» был в безопасности, и лагерь устроился на отдых в состоянии тревожной бдительности. Перед рассветом после своего возвращения Грей побывал у Вудфорда и узнал, что в результате нападения были убиты два солдата, а троих утащили в лес. Трое индейцев тоже были убиты, еще один ранен – Вудфорд собирался допросить его, пока тот был жив, но сомневался, что получит полезную информацию.

– Они никогда ничего не говорят на допросе, – сообщил он, протирая покрасневшие от дыма глаза. От усталости его лицо казалось одутловатым и серым. – Они просто закрывают глаза и поют свои проклятые песни смерти. Хоть ты что с ними делай – они все равно продолжают петь.

Грей слышал ту песню смерти, или ему казалось, что слышит, когда на рассвете устало залезал во взятую на время палатку. Слабый, словно шелест ветра в кронах деревьев, пронзительный напев взмывал ввысь и падал. Он звучал недолго, резко обрывался, чтобы вновь возобновиться. Слабый и прерывистый, он звучал в ушах Грея, балансировавшего на пороге сна.

О чем пел тот индеец? Видно, его не волновало, что никто из людей, слышавших его, не понимал смысла его песни. Разве что тот индеец-скаут – Маноке, кажется, так его звать – был где-то поблизости и мог его понять.

Том нашел для Грея маленькую палатку в конце ряда. Вероятно, он выгнал из нее какого-нибудь субалтерна, но Грей и не собирался возражать. Места там едва хватило для полотняного мешка с сухой травой, лежавшего прямо на земле, и ящика, на котором стоял пустой подсвечник. Но это было укрытие, потому что по палатке барабанил дождь. Он заморосил, еще когда Грей возвращался по тропе в лагерь. Пахло чем-то пряным и затхлым. Если песня смерти и продолжала звучать, то ее заглушал дождь.

Грей лег. Под ним мягко шуршала трава в мешке. Он повернулся на один бок, потом на другой и провалился в сон.

Проснулся он внезапно, лицом к лицу с индейцем, и невольно вздрогнул. Его реакция была встречена тихим смешком; индеец слегка отодвинулся. Что ж, это лучше, чем обнаружить нож поперек твоего горла, подумал Грей, пробиваясь сквозь туман сна и удерживая себя от нанесения серьезного урона скауту Маноке.

– Что? – пробормотал он и потер глаза основанием ладони. – В чем дело? – *И какого дьявола ты лежишь в моей постели?*

В ответ на это индеец положил руку под его затылок, привлек к себе и поцеловал. Его язык пощекотал нижнюю губу Грея, нырнул, подобно ящерице, в его рот и убрался прочь.

Исчез и сам индеец.

Грей, моргая, перевернулся на спину. Приснится же такое! Дождь все еще барабанил и даже усилился. Грей вздохнул полной грудью. В палатке пахло медвежьим жиром. Да, конечно, от его собственной кожи. И мятой. Может, чуточку и индейцем? Стало светлее – вероятно, уже настал день. По лагерю между рядами палаток ходил барабанщик и всех будил; drobный

стук палочек сливался с дробным стуком дождя, криками капралов и сержантов – но все равно было сумрачно и сыро. Грей подумал, что спал он очень мало, от силы полчаса.

– Господи, – пробормотал он, перевернулся на другой бок, накрыл голову мундиром и попытался снова заснуть.

«Харвуд» медленно полз вверх по реке; стрелки стояли на палубе, зорко высматривая французов. За последние дни случилось несколько тревожных ситуаций, включая еще один набег враждебных индейских племен. Закончился он благополучнее, чем предыдущий, – были убиты четверо нападавших, а в лагере ранен лишь кок, и то несерьезно. Какое-то время всем пришлось провести на берегу в ожидании безлунной ночи, чтобы корабль смог незаметно проскользнуть мимо крепости Квебек, грозно восседавшей на утесах. «Харвуд» все равно заметили, и одна-две пушки пальнули в них, но не попали. И вот наконец они прибыли в Гареон, где находился штаб генерала Вулфа.

Сам городок был почти полностью поглощен окружившим его военным лагерем; по берегу реки тянулись бесконечные ряды палаток. Надо всем возвышалась католическая миссия, построенная французами; ее маленькие кресты виднелись на вершине холма за городом. Французские жители, с присущей торговцам индифферентностью к политике, по-галльски пожали плечами и начали благополучно снабжать оккупантов всем необходимым.

В штабе Грею сообщили, что сам генерал вел боевые действия где-то еще, но, вне всяких сомнений, вернется в городок в течение месяца. Подполковник без полка и поручений был просто обузой; ему предоставили подходящую квартиру и вежливо выставили вон. Он не возражал и, поскольку у него не было никаких других обязанностей, решил выяснить все обстоятельства дела капитана Керратерса.

Отыскать его не составило труда. *Patron* первой же таверны, куда зашел Грей, сразу же показал место обитания *le capitaine* – комнатку в доме вдовы по фамилии Ламбер, возле католической миссии. Грею даже стало любопытно, получил бы он так же легко эту информацию в других тавернах городка. В те годы, когда Грей общался с ним, Чарли любил выпить; очевидно, он не изменил своей привычке и теперь, судя по радушной реакции *patron* на имя Керратерса. В сложившихся обстоятельствах Грей не мог его осуждать.

Вдова – молодая, с каштановыми волосами и вполне привлекательная – с большим подозрением глядела на появившегося на ее пороге английского офицера, когда он спросил про капитана Керратерса. Но потом Грей сообщил, что он старый друг капитана, и ее лицо смягчилось.

– *Von*, – сказала она, резко распахивая дверь. – Он нуждается в друзьях.

Грей одолел два пролета узкой лестницы, поднимаясь к Керратерсу. Воздух заметно потеплел. Пока еще это было приятно, но к вечеру наверняка нахлынет духота. Он постучал в дверь и ощутил легкий шок от радостного узнавания, когда услышал голос Керратерса, разрешавший ему войти.

Керратерс сидел за шатким столом в рубашке и бриджах и что-то писал. Возле локтя стояла чернильница, сделанная из тыквы. На краю стола стояла кружка пива. В первый момент Чарли безразлично посмотрел на Грея, но тут же радость залила его лицо, и он вскочил, едва не опрокинув чернильницу и пиво.

– Джон!

Грей не успел протянуть руку, как оказался в его объятьях – и ответил на них от всего сердца. В его памяти пронеслась волна воспоминаний; он почувствовал запах волос друга, царапанье его небритой щеки. Но одновременно он обратил внимание на худобу его тела, на выпиравшие под одеждой кости.

– Я даже не надеялся, что ты приедешь, – повторял Керратерс чуть ли не в четвертый раз. Он выпустил Грея из своих объятий, с улыбкой шагнул назад и быстро вытер тыльной стороной ладони глаза, мокрые от слез.

– Ну, благодари за мой приезд электрического угря, – сказал ему Грей, тоже улыбаясь.

– Кого? – Керратерс с недоумением смотрел на него.

– Долгая история – потом тебе расскажу. А пока вопрос – какого дьявола ты что-то натворил здесь, Чарли?

Радость немного померкла на худом лице Керратерса, но полностью не исчезла.

– А-а. Ну, знаешь. Это тоже долгая история. Позволь-ка мне послать Мартину за пивом. – Он махнул рукой на единственный стул в комнате и вышел, прежде чем Грей успел возразить ему.

Грей осторожно сел, опасаясь, что стул сломается под ним, но тот выдержал его вес. Мебели, кроме стола и стула, почти никакой не было; узкая койка, ночной горшок и древний умывальник с глиняным тазом и кувшином дополняли ансамбль. В комнатке было очень чисто, но в воздухе витал слабый запах чего-то сладковатого и нездорового. Грей тут же обнаружил за умывальником источник запаха – бутылку с пробкой. Лауданум.²

Но Грью и без запаха лауданума оказалось достаточно одного взгляда на изможденное лицо приятеля. Он посмотрел на лежавшие на столе бумаги. Похоже, Керратерс делал записи, готовясь к военно-полевому суду. Самый верхний листок содержал отчет об экспедиции, совершенной отрядом капитана Керратерса по приказу майора Джеральда Сайверли.

«У нас был приказ дойти до деревни под названием Больё, разграбить ее, сжечь дома и забрать весь скот, какой попадется. Мы выполнили его. Несколько мужчин в деревне, вооруженные мотыгами и другими орудиями, оказали сопротивление. Двое были застрелены, остальные бежали. Мы вернулись с двумя телегами, полными муки, сыра и мелкой хозяйственной утвари, с тремя коровами и двумя хорошими мулами...»

Дверь открылась, и Грей не успел дочитать бумагу до конца. Керратерс сел на койку и кивнул на бумаги:

– Я решил все записать. На всякий случай, если мне не суждено дожить до суда. – Он сообщил это будничным голосом и, увидев встревоженное лицо Грея, слабо улыбнулся. – Не огорчайся, Джон. Я всегда знал, что не доживу до старости. Это... – Он поднял исхудалую правую руку, и слишком свободный манжет рубашки упал до локтя. – Это еще не все мои беды. – Он похлопал себя по груди левой рукой. – Несколько докторов говорили мне про какой-то серьезный дефект в сердце. Толком я не знаю, может, у меня их два, – внезапно усмехнулся он своей очаровательной улыбкой, которую так помнил Грей, – или только половина одного сердца, или что там еще. Так было всегда. Я просто иногда падал в обморок, но теперь все стало хуже. Иногда я чувствую, что сердце перестает биться и просто трепещет в груди, все вокруг темнеет, мне не хватает воздуха. Впрочем, потом оно всегда начинало биться вновь – но рано или поздно этого не случится.

Грей впился глазами в руку Чарли; карликовая кисть примостилась возле большой подруги, и казалось, будто на ладони лежал странный цветок. Пока Грей смотрел, обе руки медленно раскрылись, и пальцы начали шевелиться в странной и прекрасной синхронии.

– Ладно, – спокойно сказал Грей. – Расскажи мне все по порядку.

Неспособность подавить бунт – редкое обвинение; его трудно доказать и, значит, маловероятно сделать основанием для военно-полевого суда, если только там не присутствовали какие-либо другие факторы. А они в данном случае несомненно имелись.

---

² [2] Лауданум (*лат. Laudanum*) – лекарство, в состав которого входит опиум.

– Ты ведь знаешь Сайверли? – спросил Керратерс, перекладывая бумаги к себе на колени.
– Совсем не знаю. Догадываюсь, что он ублюдок. – Грей показал на бумаги: – Но только какой ублюдок?

– Нечистый на руку. – Керратерс выровнял бумаги, не поднимая глаз, и тщательно поправил края. – То, что ты прочел, – это не Сайверли. Это была директива генерала Вулфа. Не знаю, то ли чтобы лишить крепость провизии в надежде, что они умрут там с голода, то ли чтобы вынудить Монкальма послать солдат для защиты населения, и там уж Вулф доберется до них – возможно, то и другое. Но генерал намеренно хотел терроризировать население на обоих берегах реки. Нет, мы делали это по приказу генерала. – Лицо Чарли слегка дернулось; он внезапно поднял глаза на Грея: – Джон, ты помнишь Шотландское нагорье?

– Ты сам знаешь, что помню. – Такое никогда не забудет никто из тех, кто участвовал в подавлении герцогом Камберлендом Якобитского восстания в Шотландии. Грей видел много шотландских деревень, таких же разоренных, как Больё, о которой писал Чарли.

Керратерс тяжело вздохнул.

– Да, вот так. Беда была в том, что Сайверли решил присвоить все награбленное, что мы привозили из деревень, под предлогом, что его надо продавать, а выручку распределять среди войск.

– Что? – Это противоречило армейским традициям, где любой солдат имел право на добычу, попавшую в его руки. – Кем он себя вообразил, адмиралом? – Военные моряки действительно делили добычу между всей командой – но море – это море; там моряки действовали скорее как отдельные группы, а не как армия, и там были специально созданы адмиралтейские суды, чтобы разбирать конфликты при продаже захваченных у противника кораблей.

Керратерс лишь рассмеялся.

– У него брат командор. Возможно, у него он и позаимствовал эту идею. В любом случае, – добавил он, хмурясь, – он так и не стал раздавать выручку. Хуже того, он начал задерживать солдатам денежное довольствие. Платил все позже и позже, удерживал жалованье при малейших проступках, заявлял, что деньги еще не привезли, – хотя многие солдаты видели собственными глазами, как их выгружали из кареты. Все это так – но солдат до поры до времени все-таки нормально кормили и снаряжали. Но со временем Сайверли зашел слишком далеко.

Этот подлец начал красть интендантские средства, он забирал часть провианта и продавал частным порядком.

– У меня были подозрения на этот счет, – объяснил Керратерс, – но не хватало доказательств. Я начал следить за ним – и он это знал, поэтому стал осторожнее. Но не мог устоять, когда к нам поступили ружья.

В армию прислали дюжину новеньких ружей, которые намного превосходили обычные мушкеты «Браун Бесс» и были большой редкостью.

– Полагаю, что их прислали нам по какой-то канцелярской ошибке. У нас не было стрелков и не было, в общем-то, острой необходимости в таком оружии. Вероятно, поэтому Сайверли и решил, что может их потихоньку украсть. Но не получилось. Два солдата выгружали ящик и, удивившись его тяжести, вскрыли. Поползли восторженные слухи – но восторг сменился недовольством, когда вместо новых ружей им раздали изношенные мушкеты. Пошли разговоры – уже сердитые.

Их подогрел бочонок рома, который мы конфисковали в таверне в Леви, – сказал со вздохом Керратерс. – Солдаты пили всю ночь – был январь, а в январе ночи чертовски длинные, – а потом решили пойти искать ружья. И нашли – под полом в квартире у Сайверли.

– Где же был сам Сайверли?

– У себя дома. Боюсь, что ему досталось по полной. – У Керратерса дернулась мышца возле рта. – Он бежал через окно и пробирался по снегу до ближайшего гарнизона. Двадцать миль. Обморозился, потерял пару пальцев на ногах, но выжил.

– Жалко.

– Да, жалко. – Мышца дернулась снова.

– Что стало с бунтовщиками?

Керратерс надул щеки и покачал головой:

– Многие дезертировали. Двоих поймали и тут же повесили, троих задержали позже, они тут в тюрьме.

– И ты...

– И я, – Керратерс кивнул. – Я был ротным адъютантом у Сайверли. Про бунт ничего не знал – один энсин прибежал за мной, когда парни двинулись к Сайверли. И я пришел до того, как все закончилось.

– Но ведь в той ситуации ты и не мог бы ничего сделать, верно?

– Я и не собирался, – прямо заявил Керратерс.

– Я тебя понимаю, – сказал Грей.

– Правда? – Керратерс лукаво улыбнулся.

– Конечно. Догадываюсь, что Сайверли до сих пор в армии, причем на командной должности. Да, конечно. Вероятно, он в ярости выдвинул против тебя изначальное обвинение. Но ты же знаешь так же хорошо, как и я, что при нормальных обстоятельствах дело, скорее всего, закрыли бы, как только стали известны факты. Ты сам настоял на военно-полевым суде, не так ли? Чтобы сделать публичными те факты, которые ты знал. – При нынешнем состоянии здоровья Керратерса не беспокоило, что он рисковал надолго попасть за решетку, если ему будет вынесен приговор.

Чарли радостно улыбнулся.

– Я знал, что выбрал того, кого нужно.

– Я бесконечно польщен, – сухо ответил Грей. – Но все-таки, почему меня?

Керратерс отложил в сторону бумаги и теперь слегка раскачивался на койке, сцепив пальцы на коленке.

– Почему тебя, Джон? – Его улыбка погасла; серые глаза оказались на одном уровне с глазами Грея. – Ты знаешь, чем мы занимаемся. Наше ремесло – хаос, смерть, разрушение. Но ты также знаешь, почему мы это делаем.

– Может, ты любезно объяснишь мне это? А то я всегда был в недоумении.

В глазах Чарли зажглись искорки юмора, но говорил он серьезно.

– Кто-то ведь должен поддерживать порядок, Джон. Парни становятся солдатами и идут на войну по всевозможным причинам, большинство из них грязный сброд. Но ты и твой брат... – Он замолк и покачал головой. Грей заметил, что в его волосах сверкала седина, хотя он знал, что Керратерс не старше его.

– Мир полон хаоса, смерти и разрушения. Но такие люди, как ты и твой брат, – вы не миритесь с хаосом и несправедливостью. И если где-то в мире есть порядок и мир – то благодаря тебе, Джон, и тем немногим, кто похож на тебя.

Грей понимал, что должен что-нибудь сказать, но не знал что. Керратерс встал, подошел к Грею, положил руку – левую – ему на плечо, а правой нежно погладил его по лицу.

– Как сказано в Библии? – тихо сказал он. – «Блаженны те, что алчут и жаждут справедливости, ибо они насытятся». Я алчу, Джон, – прошептал он. – А ты жаждешь. Не подведи меня. – Пальцы тайной руки Чарли гладили кожу Грея, ласкали ее, умоляли.

«По армейским традициям военно-полевой суд возглавлял старший офицер; несколько других офицеров составляли совет, обычно их было четверо, могло быть и больше, но, как правило, не меньше трех человек... Обвиняемый имел право вызвать свидетелей для своей защиты, и совет задавал вопросы им, а также любым другим людям на их выбор и

таким образом выяснял обстоятельства преступления. Если обвинение подтверждалось, выносился приговор».

Вот такое довольно расплывчатое постановление. Очевидно, это было все, что имелось среди директив и письменных определений, касавшихся военно-полевого суда, – либо все, что Хэл нашел за краткий срок перед отъездом Грея. Никаких официальных законодательных актов, регулирующих такие суды. Не применялись к ним и законы страны. Короче, армия была – как всегда, подумал Грей – сама себе законом.

В таком случае у него, пожалуй, будет значительная свобода действий для осуществления того, чего добивался Чарли Керратерс, – или не будет, в зависимости от личности и профессионализма офицеров, входящих в совет. И Грей должен как можно скорее узнать, кто эти люди.

Но пока ему нужно было выполнить еще одно маленькое поручение.

– Том, – крикнул он, роясь в своем сундуке, – ты нашел адрес капитана Стаббса?

– Да, милорд. И если вы перестанете мять и портить ваши рубашки, я скажу вам его. – Строго взглянув на своего господина, Том оттеснил его в сторону. – И вообще, что вы там ищете?

– Миниатюру с моей кухней и ее малышом. – Грей отошел на шаг, а Том наклонился над сундучком и заботливо расправил потревоженные рубашки. Сундук сильно обгорел, но солдаты сумели вытащить его из огня и, к радости Тома, спасли таким образом гардероб Грея.

– Вот, милорд. – Том достал сверток и протянул его Грею. – Передайте капитану Стаббсу. Уверен, что он будет в восторге. Малыш прямо вылитый отец, правда?

Грей, даже после объяснений Тома, долго искал адрес, где квартировал Малкольм Стаббс. Адрес – если его можно было так назвать – указывал на бедную часть города. Туда надо было идти по грязной улице, которая упиралась в реку. Грей был удивлен. Стаббс был необычайно общительным и добросовестным офицером. Почему же его поселили не на постоялом дворе или в хорошем частном доме поблизости от войска?

Пока Грей искал нужный адрес, в нем зашевелилось беспокойство; оно нарастало, когда он пробирался мимо ветхих хижин и стаяк грязных ребятишек с кожей всех оттенков, которые побросали свои игры и глядели на необычного прохожего. Они побежали за ним, обмениваясь между собой всяческими предположениями, но с недоумением уставились на него, раскрыв рты, когда он спросил про капитана Стаббса, показав для ясности на собственный мундир и окрестные дома.

Так он прошел всю улицу до конца; его башмаки покрылись грязью, навозом и прилипшими листьями, неторопливо падавшими с гигантских деревьев. Наконец он нашел человека, готового ответить на его вопрос. Это был древний индеец, мирно сидевший на камне возле реки, завернувшись в полосатое британское фабричное одеяло. Он удил рыбу. Старик заговорил на смеси из трех или четырех языков, из которых Грей понимал только некоторые слова, но все же понял все адекватно.

– *Un, deux, trois*, назад, – сказал старик, показывая большим пальцем на улицу, а потом резко ткнул им в сторону. Далее последовали слова на языке аборигенов. Грей решил, что он упомянул какую-то женщину – несомненно, хозяйку дома, где квартировал Стаббс. Завершающее упоминание «*le bon capitaine*», казалось, подкрепляло это впечатление, и, поблагодарив джентльмена на французском и английском, Грей вернулся по улице до третьего дома – в сопровождении детей – и обнаружил маленькую хижину; из серой каменной трубы шел дым.

День был чудесный с небом сапфирового цвета; в воздухе витали ароматы спелых плодов, ведь лето кончалось. Дверь хижины была приоткрыта для доступа свежего воздуха, но Грей не стал ее открывать. Вместо этого он вытащил из-за пояса свой кинжал и постучал рукояткой по косяку. Юная зрительская аудитория восхищенно ахнула при виде кинжала. Грей подавил в себе желание повернуться к ним и отвесить сценический поклон.

Шагов внутри дома он не слышал, но дверь неожиданно распахнулась. На пороге стояла молодая индианка с сияющим от радости лицом.

Грей озадаченно заморгал, и радость мгновенно исчезла с ее лица. Женщина схватилась за дверной косяк, ища поддержки, и прижала другую руку к груди.

– *Batirse!* – ахнула она с явным испугом. – *Qu'est-ce quis' passé?*³

– *Rien,*⁴ – ответил он, пораженный не меньше ее. – *Ne vous inquietez, madame. Est-ce que Capitaine Stubbs habite ici?* Не волнуйтесь, мадам. Здесь живет капитан Стаббс?

Ее глаза, и без того огромные, буквально вылезли на лоб. Грей схватил ее за руку, опасаясь, что она упадет в обморок к его ногам. Самый старший из сорванцов, следовавших за ним, подскочил и распахнул дверь. Грей обнял женщину за талию и потащил ее в дом.

Увидев в этом приглашение, остальные дети столпились позади него, бормоча что-то, возможно, сочувственное, а он подошел к кровати и уложил на нее женщину. Маленькая девочка, одетая в панталоны, которые поддерживались бечевкой, обернутой вокруг ее тщедушного тела, прошмыгнула мимо него и что-то сказала женщине. Не получив ответа, она повернулась и выскочила в дверь.

Грей стоял в нерешительности, не зная, что делать. Женщина, хоть и побледневшая, дышала ровно. Вот она подняла веки.

– *Voulez-vous un petit eau?*⁵ – предложил он и огляделся в комнате, отыскивая глазами воду. Возле очага он обнаружил ведро с водой, но тут его внимание переключилось на предмет, стоявший возле ведра, – на колыбельку со спеленутым младенцем, глядевшим на него большими, любопытными глазами.

Конечно, он все уже понял, но присел на корточки возле малыша и помахал пальцем у его лица. Глаза у ребенка были большие и темные, как у матери, но кожа немного светлее. А вот волосы и вовсе не черные, прямые и густые. Они были цвета корицы и окружали голову нимбом из таких же кудрей, какие Малкольм Стаббс усердно прятал под париком.

– Что случилось с *le capitaine?* – строго спросил у него за спиной властный голос. Грей молниеносно оглянулся, увидел стоявшую над ним крупную женщину, встал и поклонился.

– Ничего, мадам, – заверил он. *Пока ничего,* добавил он мысленно. – Я просто ищу капитана Стаббса, чтобы передать ему письмо.

– О! – Женщина (француженка, но явно мать или тетка молодой женщины) немного успокоилась и сменила свой тон на менее грозный. – Тогда ладно. *D'un urgence,*⁶ это письмо? – Она разглядывала его; ясно, что другие английские офицеры не имели привычку навещать Стаббса в этом доме. Вероятнее всего, у Стаббса было официальное жилье где-то еще, где он исполнял свои служебные обязанности. Неудивительно, что женщины решили, будто Грей пришел сообщить о несчастье, случившемся со Стаббсом. Что он убит или ранен. *Пока еще нет,* мрачно подумал Грей.

– Нет, не срочное, – ответил он, чувствуя тяжесть миниатюры в своем кармане. – Важное, но не срочное. – После этого он ушел. Никто из детей уже не бежал за ним.

Узнать информацию о каком-то военном служащем обычно было несложно, но Малкольм Стаббс, казалось, растворился в воздухе. Всю неделю Грей прочесывал штаб, военный лагерь и городок, но не мог найти следов своего бесчестного родственника. Что странно, никто, казалось, не беспокоился за капитана. Люди из роты Стаббса просто смущенно пожимали плечами,

³ [3] Что произошло? (Фр.)

⁴ [4] Ничего (Фр.).

⁵ [5] Хотите немного воды? (Фр.)

⁶ [6] Чрезвычайная ситуация (фр.).

а его командир, очевидно, отправился вверх по реке инспектировать состояние разных подразделений. Разочарованный Грей вернулся на берег реки, чтобы обдумать ситуацию.

Ему представлялись две логические возможности – нет, три. Первая – Стаббс услышал о приезде Грея, сообразил, что Грей обнаружит именно то, что обнаружил, запаниковал и бежал. Вторая – он повздорил с кем-то в таверне или темном переулке, был убит и сейчас спокойно разлагается в лесу под ворохом листьев. Или третья – его направили куда-то с поручением.

В первой версии Грей сильно сомневался: Стаббс не был склонен к панике и если бы узнал о приезде Грея, то первым делом отыскал бы его сам, предотвратив таким образом вероятность того, что Грей станет разыскивать его в деревне и наткнется на ту женщину. Поэтому он отбросил такое предположение.

От второй версии он отказался еще быстрее. Если бы Стаббс был убит, случайно или нет, поднялась бы тревога. В армии обычно знают, где находятся солдаты, и принимают меры, если они оказываются не там, где должны быть. То же самое касается дезертиров.

Ладно. Если Стаббс исчез и его никто не ищет, из этого следует, что командование куда-то его направило. Поскольку никто вроде бы не знал, где он, его миссия, скорее всего, была секретной. А с учетом нынешней позиции Вулфа и его одержимого желания покорить цитадель Квебек это означало почти наверняка, что Малкольм Стаббс отправился вниз по реке на поиски возможности атаковать крепость. Грей вздохнул, удовлетворенный своими дедукциями. Что, в свою очередь, означало – если Стаббса не поймают французы, не скальпируют или не похитят враждебные племена индейцев, не задерет медведь, он рано или поздно вернется. И Грегу ничего не оставалось, как ждать.

Он прислонился спиной к дереву и наблюдал, как пара рыбацких каноэ медленно плыла вниз по течению, держась возле берега. Небо было затянуто тучами, воздух слегка охлаждал кожу – приятная перемена после вчерашней жары. Пасмурное небо – хорошая рыбалка, так говорил ему отцовский егерь. Интересно, почему? Может, солнце слепит рыбу и она укрывается в темных местах на глубине, а при неярком свете дня поднимается к поверхности?

Тут он неожиданно вспомнил электрического угря; по словам Садфилда, такие угри живут в илистых водах Амазонки. У него поразительно крошечные глазки. Садфилд предположил, что угорь использует свое электричество, чтобы находить добычу и убивать ее сильным разрядом.

Грей не мог сказать, что заставило его в тот самый момент поднять голову, но он увидел, что одно из каноэ остановилось на мелководье в нескольких футах от него. Индеец, приплывший на нем, сверкнул ему белозубой улыбкой.

– Англичанин! – крикнул он. – Хочешь ловить со мной рыбу?

Разряд электричества пробежал по телу Грея, и он выпрямился. Глаза Маноке были устремлены на него; Грей вспомнил прикосновение его губ и языка, характерный запах. Его сердце учащенно забилося. Отправиться на рыбалку с индейцем, которого он едва знал? Это легко может стать ловушкой, и он окажется без скальпа или произойдет еще что-нибудь похуже. Впрочем, электрические угри не единственные существа, умеющие различать вещи с помощью шестого чувства, подумал он.

– Да! – крикнул он. – Встретимся возле пристани!

Через две недели он спрыгнул из каноэ Маноке на пристань, худой, загорелый и по-прежнему при своем скальпе. Том Берд наверняка страшно беспокоился, размышлял он. О своем отъезде он сообщил ему, но, естественно, не мог сказать, когда вернется. Наверняка бедняга Том уже решил, что его господина захватили и увели в рабство или сняли с него скальп, а волосы продали французам.

Все дни они медленно плыли вниз по реке и, когда хотели, останавливались, чтобы ловить рыбу. Ночевали на песчаных отмелях и островках, жарили свою добычу и ужинали в безмятежном покое под кронами дубов и ольхи. Иногда видели другие лодки и суда – не только каное, но и много французских пакетботов и бригов, а также два английских военных корабля, которые с полными парусами плыли вверх по реке. Отдаленные крики моряков казались ему такими же чужими, как язык ирокезов.

В летних сумерках первого дня, после еды, Маноке вытер пальцы, встал, небрежно развязал набедренную повязку, и она упала на траву. Грей тоже сбросил бриджи и рубашку.

Перед едой они плавали в реке; индеец был очень чистоплотным, его кожа больше не была покрыта жиром. И все-таки Грею казалось, что от него пахло дичью, олениной, и это был сложный, насыщенный запах. Грей даже гадал – то ли так пахнут все люди его расы, то ли один Маноке.

– Как я пахну? – спросил он из любопытства.

Маноке, поглощенный своим делом, буркнул что-то похожее на «хрен», что в равной степени могло служить проявлением легкого раздражения, и Грей решил воздержаться от дальнейших выяснений. К тому же, если бы от него действительно пахло ростбифом, бисквитом или йоркширским пудингом, разве понял бы это индеец? Да и вообще, нужно ли это ему? Не нужно, решил он, и они с удовольствием провели остаток вечера молча, без ненужных разговоров.

Он поскреб поясницу там, где ее натер ремень; его донимали москиты, а кожа облезала после загара. Он уже пытался носить набедренную повязку, увидев, как это удобно, но однажды лежал слишком долго на солнце, и у него обгорели ягодички. После этого он снова вернулся к бридгам, чтобы больше не слушать шутливых замечаний по поводу его белого зада.

Погруженный в приятные, но бессвязные мысли, он прошел уже половину пути по городу и лишь тогда заметил, что на улицах стало заметно больше военных. Стучали барабаны, вызывая солдат и офицеров из их квартир, звучал ритм военного дня. Шаги Грея сами собой подстраивались под барабанный бой. Он выпрямился и почувствовал, что армия неожиданно схватила его и выдернула из недавнего блаженства.

Он невольно направил взгляд на холм и увидел, что над большой таверной, служившей штабом, трепещут флаги. Вулф вернулся.

Грей отыскал свою квартиру, заверил Тома в своем благополучии, покорился ему и терпеливо сидел, пока его волосы распутывались, расчесывались, сбрызгивались парфюмом, а после были крепко заплетены в формальную косичку. Потом в чистом мундире, натирившем его загорелую кожу, он пошел представляться генералу, как того требовали приличия. Он видел Джеймса Вулфа и раньше, но не был знаком с ним лично. Впрочем, много о нем слышал. Генерал был почти его ровесником, сражался при Каллодене, был младшим офицером под началом герцога Камберлендского во время Шотландской кампании.

– Грей? Брат Пардлоу, не так ли? – Вулф направил свой длинный нос в сторону Грея, словно обнюхивал его, как один пес нюхает зад другого. Грей надеялся, что ему не придется вступать в долгую беседу, и вежливо поклонился.

– Сэр, я передаю вам привет и всяческие комплименты от моего брата.

На самом деле его брат говорил далеко не комплименты.

«Мелодраматичный осел» – вот что сказал Хэл, торопливо снабжая Грея информацией перед отъездом. «Любит покрасоваться, лишен здравого смысла, никудышный стратег. Впрочем, ему дьявольски везет, этого у него не отнимешь. Не ввязывайся в его глупые авантюры».

Вулф кивнул достаточно приветливо.

– И вы прибыли как свидетель... как там его – капитана Керратерса?

– Да, сэр. Уже назначена дата суда?

– Не знаю. Назначена? – спросил Вулф у своего адъютанта, высокого, тощего существа с бусинками глаз.

– Нет, сэ. Но теперь, раз здесь его светлость, мы можем ускорить дело. Я скажу бригадире Летбридж-Стюарту, он будет председательствовать на суде.

Вулф махнул рукой:

– Нет, подожди немного. У бригадира сейчас другие заботы. Так что потом...

Адъютант кивнул и сделал какую-то запись.

– Да, сэ.

Вулф поглядывал на Грея, словно маленький мальчик, которому не терпится поделиться своим секретом.

– Вы ладите с шотландскими горцами, полковник?

Грей удивленно заморгал.

– Насколько такая вещь возможна, сэ, – вежливо ответил он, и Вулф расхохотался.

– Молодец. – Генерал наклонил голову набок и оценивающим взглядом посмотрел на Грея. – У меня около сотни этих существ, вот я и думал, какой от них прок. Кажется, я нашел для них маленькое приключение.

Адъютант невольно улыбнулся, но тут же стер с лица улыбку.

– В самом деле, сэ? – осторожно спросил Грей.

– Немного опасное, – беззаботно продолжал Вулф. – Но ведь это шотландцы – невелик ущерб, если они слегка пострадают... Не желаете присоединиться к нам?

«Не ввязывайся в его глупые авантюры». «Верно, Хэл, – подумал он. – Может, посоветуешь заодно, как мне отклонить такое предложение, сделанное самим главнокомандующим?»

– Буду рад, сэ, – ответил он, чувствуя, как по его спине побежали мурашки. – Когда?

– Через две недели – в новолуние. – Казалось, Вулф махал хвостом от энтузиазма.

– Мне позволено узнать природу той... э-э... экспедиции?

Вулф переглянулся с адъютантом и сияющими от восторга глазами посмотрел на Грея.

– Мы собираемся взять Цитадель Квебек, полковник.

Значит, Вулф считал, что нашел слабое место. Или, точнее, его нашел верный скаут-разведчик Малкольм Стаббс. Грей ненадолго заскочил на квартиру, сунул в карман миниатюру Оливии и малыша Кромвеля и пошел искать Стаббса.

Он даже не обдумывал, что скажет Стаббсу. Хорошо еще, что он не нашел Стаббса сразу после того, как обнаружил его индианку-любовницу с ребенком, ведь тогда он мог просто убить его, не думая о последствиях. Но прошло время, и его гнев немного поутих. Теперь он был спокойнее.

Так думал Грей, пока не вошел в лучшую таверну – Малкольм был знатоком вин – и не обнаружил своего кузена за столом в кругу друзей, веселого и небрежного. Он был невысок, пять футов четыре дюйма, светловолосый парень с быстро красневшим лицом, если сильно выпьет или весело рассмеется.

В тот момент он, казалось, испытывал оба состояния – смеялся шуткам своих приятелей, махал пустой кружкой, требуя, чтобы барменша наполнила ее. Он оглянулся, заметил идущего по таверне Грея и засиял словно маяк. Он явно провел много времени под открытым небом и загорел почти так же сильно, как сам Грей.

– Эге, кого я вижу! Грей! – воскликнул он. – Какая нечистая сила принесла тебя в эту дыру? – Тут он обратил внимание на суровое лицо Грея, и его игривый тон пропал, а между густых бровей стала расти озадаченная складка.

Долго расти ей не пришлось. Грей бросился к столу, опрокинул кружки и схватил Стаббса за ворот рубашки.

– Ну-ка, давай выйдем, подлая свинья, – прошептал он, приблизив лицо к лицу Малкольма, – или я убью тебя прямо здесь, клянусь.

Потом он отпустил его и выпрямился. Кровь стучала в его висках. Стаббс потер грудь. Он был ошеломлен и перепуган. Грей видел это по его вытаращенным голубым глазам. Стаббс медленно встал и кивнул своим собутыльникам, чтобы они оставались на месте.

– Не беспокойтесь, парни, – сказал он, изо всех сил пытаясь держаться непринужденно. – Мой кузен – семейные дела.

Грей увидел, как двое офицеров понимающе переглянулись и с опаской посмотрели на Грея. Они все поняли.

Скупым жестом он велел Стаббсу идти первым. Они вышли на улицу, сохраняя чинный вид. Но там Грей схватил Стаббса за руку и потащил за угол в маленькую улочку. Там он резко ударил парня, тот потерял равновесие и налетел спиной на стену. Грей сбил его с ног, уперся коленом в его бедро с упругими мышцами. Стаббс сдавленно крикнул.

Дрожащей от ярости рукой Грей полез в свой карман, вытащил миниатюру и кратко показал ее кузену, потом с силой вдавил в его побледневшую щеку. Стаббс заорал, схватил ее. Грей позволил ее взять и выпрямился.

– Как ты смел? – спросил он тихим, грозным голосом. – Как ты смел обесчестить свою жену, своего сына?

Малкольм тяжело дышал, прижимая руку к ушибленному бедру, но не терял хладнокровия.

– Это все чепуха, – заявил он. – Она вообще не имеет отношения к Оливии. – Он сглотнул, вытер лицо и осторожно взглянул на миниатюру, держа ее на ладони. – Тот карапуз, да? Хороший... симпатичный парень. Похож на меня, правда?

Грей с размаху ударил его коленом в живот.

– Да, как и твой ДРУГОЙ сын, – прошипел он. – Как ты мог сделать такое?

Малкольм раскрыл рот, но не произнес ни слова, лишь хватал губами воздух, словно выброшенная на берег рыба. Грей наблюдал за ним без всякой жалости. Он был готов насадить этого негодяя на вертел и жарить на костре. Он нагнулся, забрал миниатюру из безвольной руки Стаббса и сунул в свой карман.

Наконец Стаббс со стоном вдохнул. На его лицо, только что бледное, стал возвращаться обычный цвет. В уголках рта блестела слюна; он облизал губы, сплюнул, потом сел, тяжело дыша, и посмотрел на Грея.

– Снова будешь меня бить?

– Не сейчас.

– Хорошо. – Он протянул руку, Грей схватил ее и помог кузену встать на ноги. Малкольм прислонился к стене, все еще тяжело дыша, и смотрел на него.

– Кто назначил тебя Богом, Грей? Кто ты такой, чтобы судить меня, а?

Грей едва не ударил его снова, но удержался.

– Кто я такой? – повторил он. – Кузен Оливии, черт побери, вот кто! Ближайший родственник мужского пола, который у нее есть на этом континенте! А ты, должен тебе напомнить, ты ее муж, черт побери. Судья? Суд? Какого дьявола! Что ты имеешь в виду, грязный козел?

Малкольм закашлялся и опять сплюнул.

– Да... Ну... Как я сказал, это не имеет никакого отношения к Оливии – а значит, и к тебе. – Он проговорил это с подчеркнутым спокойствием, но Грей видел, как бился пульс на его шее, как нервно остекленели его глаза. – В этом нет ничего особенного – так тут принято, ради Бога. Все так...

Грей двинул Стаббса коленом в пах. Тот упал на землю, свернулся в позу зародыша и застонал.

– Подумай хорошенько, – посоветовал Грей. – Не торопись; я тоже никуда не спешу.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, он обернулся и увидел солдат, с нерешительным видом стоявших в конце улочки. Грей все еще был в парадном мундире – немного неудобном, но ясно показывавшем его ранг, – и когда он свирепо сверкнул на них глазами, они поспешно удалились.

– Знаешь, мне надо бы убить тебя здесь и сейчас, – заявил он после молчания. Впрочем, бурлившая в нем ярость уже проходила. Стаббс тем временем пытался встать на ноги, разевая рот, словно его вот-вот стошнит. – Оливии лучше иметь мертвого мужа и то имущество, которое останется после тебя, чем такого живого блудливого козла, который будет обманывать жену с ее подружками – а то и с ее собственной горничной.

Стаббс пробормотал что-то невразумительное. Грей схватил его за волосы и повернул лицом к себе.

– Ну, что скажешь?

– Нет... все не так, как ты думаешь. – Застонав и держась руками за ушибленное место, Малкольм осторожно приподнялся с земли и сел, подтянув колени. Несколько раз осторожно вздохнул, уронил голову на руки, помолчал и лишь потом смог говорить.

– Ты ведь ничего не знаешь, правда? – Он говорил тихим голосом, не поднимая головы. – Ты ничего не видел из того, что видел я. Не делал того, что пришлось делать мне.

– Ты о чем?

– Об... убийствах. Не... в бою. Без благородства. Фермеров. Женщин... – Грей увидел, как пошевелился кадык на шее Стаббса. – Я... мы... уже много месяцев рыщем по окрестностям, сжигаем фермы, деревни. – Он вздохнул, и его широкие плечи поникли. – Солдаты... тем плевать... Половина из них жестокие ублюдки. – Он вздохнул. – Им ничего не стоит пристрелить мужа на пороге его дома и рядом с трупом поиметь его жену. – Он сглотнул. – Тут много извергов, не только Монкальм, который платит за скальпы англичан, – добавил он, понизив голос. Грей слышал дрожь в его голосе, боль, отнюдь не физическую.

– Малкольм, любой солдат видел такие вещи, – почти ласково сказал Грей после краткого молчания. – Ты офицер, твое дело держать их в узде. – *И я сам прекрасно знаю, черт побери, что это не всегда возможно*, мысленно добавил он.

– Я все понимаю, – ответил Малкольм и заплакал. – Я не мог.

Грей глядел на рыдавшего Стаббса и все больше чувствовал себя неловко и нелепо. Наконец широкие плечи Малкольма пошевелились. Через мгновение он заговорил, и его голос почти не дрожал.

– Тут все ищут и находят какой-то способ, чтобы не сойти с ума, согласен? А выбор невелик. Пьянство, карты или женщины. – Он вскинул голову, чуточку шмыгнув носом и с гримасой боли пересел в более удобную позу. – Но тебя ведь не интересуют женщины, не так ли? – добавил он, взглянув на Грея.

У Грея все сжалось внутри, но он вовремя сообразил, что кузен сказал это будничным тоном, не осуждая.

– Нет, не интересуют, – с тяжелым вздохом ответил он. – Обычно я пью.

Малкольм кивнул и вытер нос рукавом.

– А вот мне пьянство не помогало, – продолжал он. – Напившись, я засыпал, но забыть ничего не мог. Мне снились сны об... ЭТОМ. А проститутки – я... ну... я не хочу подцепить болезнь и... может... ну... заразить Оливию, – пробормотал он, опустив глаза. – В картах я не силен, – добавил он, прочистив глотку. – Но вот если я сплю в женских объятиях – мне хорошо.

Грей прислонился к стене и чувствовал себя таким же измолоченным, как Малкольм Стаббс. Бледно-зеленые листья летели по воздуху, кружились вокруг них, падали в грязь.

– Ладно, – наконец буркнул Грей. – И что ты намерен делать?

– Не знаю, – уныло ответил Стаббс. – Вероятно, придумаю что-нибудь.

Грей нагнулся и подал ему руку; Малкольм осторожно встал и, кивнув на прощанье, сделал несколько шагов. Потом схватился за живот, словно у него вываливались внутренности. Впрочем, немного отойдя, он остановился и посмотрел через плечо. На его лице читалось беспокойство, даже смущение.

– Может, ты мне... Миниатюру?... Ведь они мои... Оливия и мой сын.

Грей вздохнул, и вздох отозвался в его костях. Он чувствовал себя древним стариком.

– Да, они твои, – согласился он, достал из кармана миниатюру и сунул ее Стаббсу. – Не забывай об этом, ладно?

Через два дня прибыл конвой кораблей под командованием адмирала Холмса. Городок опять наполнился людьми, изголодавшимися по несоленому мясу, хлебу свежей выпечки, спиртному и женщинам. А на квартиру Грея прибыл вестовой с посылкой от Хэла и наилучшими пожеланиями от адмирала Холмса.

Небольшая посылка была заботливо упакована в промасленную ткань и перевязана бечевкой; узел запечатан сургучом с печатью брата. Это было так не похоже на Хэла; обычно его сообщения состояли из торопливо нацарапанных строк, где слов, необходимых для передачи смысла, всегда оказывалось чуть меньше минимального количества. Записки редко снабжались подписью, не говоря уж о печати.

По-видимому, Том Берд тоже счел эту посылку немного подозрительной; он положил ее отдельно от остальной почты и придавил большой бутылкой бренди, вероятно, чтобы не сбежала. Либо заподозрил, что Грею, возможно, потребуется бренди для подкрепления сил, ведь ему предстояло сделать огромное усилие – прочесть письмо, возможно, состоявшее из нескольких страниц.

– Весьма любезно с твоей стороны, Том, – пробормотал он, улыбнувшись про себя, и вынул перочинный нож.

На самом деле письмо занимало меньше страницы; оно было без приветствия и без подписи, абсолютно в духе Хэла.

«Минни интересуется, не голодаешь ли ты, хотя не знаю, что она предложит с этим сделать, если ты ответишь утвердительно.»

«Мальчишки хотят знать, удалось ли тебе снять с кого-нибудь скальп, – они уверены, что никакому краснокожему индейцу не удастся снять твой; я согласен с таким мнением. Когда будешь возвращаться домой, постарайся привезти три томагавка.»

«Вот твое пресс-папье; ювелир весьма впечатлен качеством камня. Еще высылаю копию признания Адамса. Его повесили вчера.»

Кроме письма, в посылке лежали также маленький, но тяжелый замшевый мешочек и официальный документ на нескольких листах качественной пергаментной бумаги; листы были сложены вчетверо и скреплены печатью – на этот раз с гербом Георга II. Грей достал из походного сундука оловянный кубок и наполнил его до краев бренди, в который раз подивившись предусмотрительности своего слуги.

Подкрепив таким образом силы, он снова сел, взял в руки замшевый мешочек и вытрянул на ладонь маленькое золотое пресс-папье в форме полумесяца с океанскими волнами. В него был вставлен ограненный – и очень крупный – сапфир, сверкавший словно вечерняя звезда. И где только Джеймс Фрэзер приобрел такую вещицу?

Грей покрутил пресс-папье в пальцах, любуясь мастерством ювелира, и отложил его в сторону. Какое-то время он потягивал бренди и глядел на официальный документ так, словно тот мог взорваться прямо на столе. У Грея были основания так предполагать.

Он взвесил пергаментные листы на ладони. В окно ворвался ветерок и слегка пошевелил их, как шевелит парус, прежде чем туго наполнить его.

Тянуть с чтением было бессмысленно. К тому же Хэл знал, о чем там говорилось, и все равно расскажет об этом Грею, хочет он того или нет. Вздыхнув, Грей поставил кубок на стол и сломал печать.

«Я, Бернард Дональд Адамс, делаю сие признание по моей доброй воле...»

– Что это? – удивился Грей. Почерк Адамса был ему не знаком, и он не мог определить, сам ли Адамс писал этот документ или продиктовал его писарю. Нет, постой... Он пролистал страницы и взглянул на подпись. Рука та же. Ладно, по-видимому, Адамс написал это собственноручно.

Грей придиричиво посмотрел на почерк. Кажется, твердый. Значит, Адамс писал не под пыткой. Возможно, написанное соответствовало действительности.

– Идиот, – негромко сказал он себе. – Прочтешь эти чертовы листы, и дело с концом.

Он залпом допил бренди, расправил листы на столе и наконец прочел историю смерти отца.

Герцог уже некоторое время подозревал о существовании группы якобитов и выявил трех предполагаемых заговорщиков. Но все же он не собирался доносить на них до тех пор, пока не появился приказ о его собственном аресте по обвинению в измене. Узнав о нем, он немедленно послал за Адамсом и вызвал его в свое загородное имение в Эрлингдене.

Адамс не знал, известно ли герцогу о его собственном участии в заговоре, но не решился остаться в стороне из опасения, что герцог донесет на него в случае ареста. Поэтому он вооружился пистолетом и с наступлением ночи поскакал в Эрлингден, прибыв туда еще до рассвета.

Он подъехал к дверям оранжереи, и герцог впустил его внутрь. После чего состоялась «некая беседа».

«В тот день я узнал, что приказ об аресте по обвинению в измене был направлен самому герцогу Пардлоу. Меня это встревожило, поскольку до этого герцог выспрашивал меня и некоторых моих друзей, и его интерес к неким темам заставил меня предположить, что он подозревал о наличии тайного заговора, целью которого являлось восстановление Стюартов на троне.

Я был против ареста герцога, поскольку не знал размеров его осведомленности или подозрений и опасался, что он, оказавшись в опасности сам, мог указать на меня или моих главных соратников – Виктора Арбетнота, лорда Кримора и сэра Эдвина Беллмена. Однако сэр Эдвин особенно рьяно настаивал на аресте, утверждая, что никакой угрозы в этом нет, а все обвинения со стороны Пардлоу будут расценены как попытка спасти себя, что за ними не будет конкретных доказательств – тогда как сам факт его ареста естественным образом вызовет у всех уверенность в его вине и отвлечет внимание, которое могло бы в данной ситуации направиться на нас.

Герцог, услышав про приказ об аресте, прислал в тот вечер за мной и срочно вызвал меня в свое загородное имение. Я не посмел его послушаться, не зная, какими он располагал фактами, и под покровом ночи поскакал к нему, прибыв почти на рассвете».

Адамс встретился с герцогом в оранжерее. Неизвестно, как проходила их беседа, но результат стал трагическим.

«Я взял с собой пистолет и зарядил его, подвезжая к дому. Я сделал это только в целях самозащиты, поскольку не знал, что задумал герцог и как он поведет себя».

Очевидно, опасно. Джерард Грей, герцог Пардлоу, тоже прибыл на ту встречу вооруженным. По словам Адамса, герцог достал пистолет из внутреннего кармана камзола – непонятно, то ли чтобы выстрелить, то ли просто пригрозить, – после чего Адамс в панике вытащил свой пистолет. Адамс считал, что пистолет герцога дал осечку, поскольку промахнуться с такого расстояния было невозможно.

У Адамса пистолет сработал без осечки, не промахнулся он и мимо цели. Увидев кровь на груди герцога, Адамс в панике убежал. Оглянувшись, он увидел, как герцог, смертельно бледный, но все с той же гордой и властной осанкой, схватился за сук персикового дерева и из последних сил швырнул в Адамса свое бесполезное оружие. И рухнул на землю.

Джон Грей неподвижно сидел, медленно теребя пальцами листы пергаментной бумаги. Он уже не видел аккуратных строчек с бесстрастным повествованием Адамса. Он видел кровь. Темно-красную, насыщенную как рубин, в том месте, где луч утреннего солнца неожиданно упал на нее сквозь стекло оранжереи. Видел волосы отца, взлохмаченные, как это бывало после охоты. И персик, упавший на каменные плиты и утративший свою совершенную форму.

Он положил бумаги на стол; их пошевелил ветер, и Грей машинально взял новое пресс-папье и придавил их.

Как там назвал его Керратерс? Человеком, который хранит порядок. *«Ты и твой брат, – сказал он в тот раз, – вы не миритесь с хаосом и несправедливостью. И если где-то в мире есть порядок и мир – то благодаря тебе, Джон, и тем немногим, кто похож на тебя».*

Возможно. Вот только знал ли Керратерс, какую цену приходится платить за мир и порядок? Но тут он вспомнил изможденное лицо Чарли. Исчезла его юношеская красота, ничего от нее не осталось, кожа да кости, да еще бульдожья решимость, поддерживавшая в нем дыхание.

Да, Чарли знал ту цену.

Почти через две недели безлунной ночью они погрузились на корабли. В конвой входили «Лоустофф», флагманский корабль адмирала Холмса, три военных корабля – «Белка», «Морской конек» и «Охотник», несколько корветов, другие суда, груженные пушками, порохом и боеприпасами, и несколько транспортов для перевозки живой силы – в общей сложности тысяча восемьсот человек. «Сазерленд» стоял на якоре ниже по течению, за пределами досягаемости пушек Цитадели, и следил за действиями противника. Река на участке под Цитаделью была усеяна мелкими французскими судами и плавучими батареями.

Грей плыл вместе с Вулфом и шотландскими горцами на борту «Морского конька». Слишком взволнованный, чтобы сидеть внизу, он весь путь простоял на палубе.

В его сознании непрерывно звучало предупреждение брата: «Не ввязывайся в его дурацкие авантюры», – но думать об этом было уже слишком поздно, и чтобы отвлечься от этих сомнений, он вызвал одного из офицеров на состязание: кто искуснее просвистит с начала до конца «Ростбиф из Старой Доброй Англии». Проиграет тот, кто рассмеется первым. В результате он проиграл, но больше не вспоминал слова брата.

После полуночи большие корабли бесшумно убрали паруса, встали на якорь и замерли на темной реке, точно спящие чайки. Л'Анс-о-Фулон, место высадки, которое Малкольм Стаббс и его скауты рекомендовали генералу Вулфу, находилось в семи милях ниже по реке у подножия отвесных утесов, сложенных из хрупкого сланца. Наверху находилось плато под названием Поля Авраама.

– Как вы думаете, они названы в честь библейского Авраама? – поинтересовался Грей, услышав это название, но ему сообщили, что там, на плато, находилась ферма, принадлежавшая бывшему лоцману Аврааму Мартину.

Грей решил, что столь прозаическое происхождение названия не делает его хуже. На этой земле разворачивались драматические события и без библейских пророков, бесед с Богом, без подсчета, сколько солдат может сидеть в Цитадели Квебек.

Стараясь не шуметь, шотландские горцы с их офицерами, Вулф со своими отборными бойцами – среди них и Грей – пересели в маленькие *bateaux*,⁷ которые бесшумно направились к месту высадки.

Шум могучей реки заглушал плеск весел; в лодках все молчали. Вулф сидел на носу первой, лицом к своим войскам, но время от времени поглядывал через плечо на берег. Неожиданно он заговорил. Он не повышал голоса, но ночь была такой тихой, что все сидевшие в лодке слышали каждое его слово. К изумлению Грея, он декламировал «Сельское кладбище».⁸

«Мелодраматичный осел», – подумал Грей, но все же не мог отрицать, что стихи звучали проникновенно. Вулф не устраивал из этого театр. Он словно говорил сам с собой. По спине Грея пробежали мурашки, когда генерал произнес последние строки:

На всех ярится смерть – царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет.
Всемогущия судьбы незыблемы уставы...⁹

– «И путь величия ко гробу нас ведет», – закончил Вулф так тихо, что его услышали лишь три-четыре человека, сидевшие ближе всего.

Грей тоже был рядом и услышал, как генерал прочистил глотку негромким «хм» и расправил плечи.

– Джентльмены, – начал Вулф, слегка возвысив голос, – я предпочел бы писать такие строки, чем брать приступом Квебек.

Люди в лодке зашевелились, послышался смех.

«Вот и я тоже, – подумал Грей. – Поэт, написавший их, вероятно, сидел перед уютным камином в Кембридже, ел пышки со сливочным маслом, а не готовился упасть с отвесных утесов или подставить свою задницу под пули».

Он не знал, была ли это просто очередная мелодрама, свойственная Вулфу. «Возможно, да, возможно, нет», – подумал он. Утром он встретил возле сортиров полковника Уолсинга, и тот обмолвился, что Вулф отдал ему накануне вечером медальон с просьбой передать его мисс Лэндрингем, с которой Вулф был помолвлен.

С другой стороны, не было ничего необычного в том, что люди перед решающим сражением отдают свои личные ценности в руки друзей. Если тебя убьют или тяжело ранят, твоё тело могут обшарить мародеры, прежде чем твои товарищи сумеют унести тебя с поля боя, и не у каждого найдется верный слуга, который сохранит твои вещи. Грей и сам часто брал перед боем у друзей табакерки, карманные брегеты или кольца – у него была репутация счастливого, вплоть до Крефельда. Сегодня его никто не просил о такой услуге.

Он инстинктивно наклонился в сторону, почувствовав, как изменилось течение. Саймон Фрэзер, его сосед, качнулся в противоположную сторону и толкнул его.

---

⁷ [7] Лодка (*фр.*).

⁸ [8] Эпиграмма английского поэта-сентименталиста XVIII века Томаса Грея.

⁹ [9] Перевод В.А. Жуковского.

– *Pardon*,¹⁰ – пробормотал Фрэзер. Накануне вечером генерал Вулф заставил всех декламировать по кругу за обеденным столом французские стихи. По общему мнению, у Фрэзера был самый аутентичный акцент; до этого он несколько лет воевал с французами в Голландии. Если их окликнет французский часовой, его дело ответить ему. Несомненно, подумал Грей, Фрэзер теперь перебирал мысленно французские фразы, стараясь зарядить свой мозг, чтобы в панике не выскочило изо рта английское слово.

– *De rien*,¹¹ – пробормотал в ответ Грей, и Фрэзер гоготнул.

Было облачно; по небу ползли ключья отступавших дождевых туч. Это было кстати. Поверхность реки была испещрена рябью, пятнами слабого света, по воде плыли стволы и ветви деревьев. Но даже при этом хороший часовой вряд ли не заметит караван лодок.

Щеки Грея онемели от холода, но ладони взмокли от пота. Он дотронулся до кинжала, висевшего на поясе, и поймал себя на том, что трогал его постоянно, словно проверяя, с ним ли он. Впрочем, его это не слишком беспокоило. Напрягая зрение, он высматривал что-нибудь – отсвет костра, шевеление камня, который вовсе не камень... Ничего.

Сколько еще плыть? Две мили, три? Сам он еще не видел те утесы и не знал, далеко ли они находились.

Шум воды и плавное движение лодки навевали дремоту, несмотря на напряжение. Грей потряхнул головой и преувеличенно широко зевнул, прогоняя сонливость.

– *Quel est ce bateau?* Что за лодка? – Окрик с берега донесся до слуха Грея и показался ему нелепым и едва ли более примечательным, чем крик ночной птицы. Но в тот же миг рука Саймона Фрэзера сдавила ему руку, чуть не раздробив кости, а сам Фрэзер набрал в легкие воздуха и крикнул:

– *Celui de la Reine!*¹²

Грей стиснул зубы, чтобы изо рта не вырвалось богохульство. Если часовой сейчас спросит пароль, то он, Грей, останется калеккой на всю жизнь. Но через мгновение часовой крикнул: «*Passez!*»,¹³ и стальная хватка Фрэзера ослабела. Саймон дышал словно кузнечные меха, но тихонько толкнул Грея локтем и снова шепнул: «*Pardon*».

– *De rien*, хрен с тобой, – пробормотал Грей, растирая руку и осторожно пробуя сгибать пальцы.

Они приближались к цели. Люди ерзали от нетерпения еще сильнее, чем Грей, – проверяли оружие, одергивали мундиры, кашляли, сплевывали за борт, готовились. Но все-таки прошла изматывающая нервы четверть часа, прежде чем они повернули к берегу и их окликнул из темноты еще один часовой.

Сердце Грея сжалось, и он едва не охнул от боли, ожившей в его старых ранах.

– *Qui etez-vous? Que sont ces bateaux?* – подозрительно спросил голос француза. – Кто вы такие? Что за лодки?

На этот раз Грей был готов и сам схватил Фрэзера за руку. Саймон наклонился в сторону берега и крикнул:

– *Des bateaux de provisions! Taisez-vous – les anglais sont proches!* – Лодки с провиантом! Тише – британцы близко!

У Грея возникло безумное желание засмеяться, но он сдержал себя. В самом деле, «Сазерленд» был где-то рядом, на расстоянии пушечного выстрела, ниже по течению, и, несомненно, лягушатники знали об этом. В любом случае, часовой крикнул уже спокойно: «*Passez!*», и вереница лодок проплыла мимо него за последний изгиб реки.

---

¹⁰ [10] Извините (фр.).

¹¹ [11] Не стоит (фр.).

¹² [12] Королевы! (фр.).

¹³ [13] Проходите! (фр.).

Под дном скрипнул песок, и половина горцев немедленно выскочила из лодки и втащила ее. Вулф то ли выпрыгнул, то ли свалился через борт от нетерпения. Сонливости как не бывало. Они пристали к маленькой песчаной косе возле берега. Подплыли и остальные лодки. Темные фигуры сгрудились словно муравьи.

Двадцать четыре шотландца должны были первыми попытаться залезть на утесы, отыскать и, насколько возможно, расчистить тропу для остальных, поскольку утес был защищен не только крутизной, но и засеками – гнездами из заостренных бревен. Могучая фигура Саймона скрылась в темноте; его французский акцент сразу сменился свистящим гэльским, когда он с пронзительным шипением расставлял людей по местам. Грею даже стало одиноко без него.

Он не понимал, почему Вулф выбрал именно шотландских горцев – то ли за их умение лазать по скалам, то ли он предпочел рискнуть ими, а не другими солдатами. Скорее последнее, решил он. Вулф смотрел на шотландцев с недоверием и даже с некоторым презрением, как и многие английские офицеры. Во всяком случае, те, которые никогда не воевали вместе с шотландцами – или против них.

Со своего места у подножия утеса Грей их не видел, зато слышал шорох ног, время от времени дикий скрежет и стук падающих камешков, громкое, натужное урчание и гэльские возгласы, поминающие Бога, его мать и всевозможных святых. Один солдат рядом с Греем достал из-за пазухи цепочку, поцеловал крошечный крестик и снова убрал за ворот, потом, схватившись за прутик, росший из скалы, ловко полез вверх; его килт развеялся, на поясе покачивался палаш; вскоре его поглотила темнота. Грей снова дотронулся до рукоятки кинжала, его собственного талисмана против зла.

Последовало долгое, томительное ожидание во мраке. Грей даже немного завидовал шотландцам, которые, с чем бы они сейчас ни столкнулись – скрежет по камню и сдавленные вопли, когда чья-то нога скользила и друг хватал друга за руку, говорили о том, что подъем вверх был таким же невозможным, каким и казался, – уж точно не ведали скуки.

Внезапно сверху послышались грохот и треск; стоявшие на берегу люди в панике бросились врассыпную, когда из темноты вылетело несколько заостренных бревен, выдернутых из засеки. Одно воткнулось острием в песок всего в шести футах от Грея и покачивалось. Не сговариваясь, все отступили к песчаной косе.

Шорох ног и натужные возгласы делались все тише и вдруг прекратились. Вулф, сидевший на камне, встал и взгляделся в темный обрыв.

– Они добрались до верха, – прошептал он и сжал в восторге кулаки. – Боже, у них все получилось!

Люди у подножия утеса затаили дыхание; наверху стоял часовой. Тишина, не считая вечного шума деревьев и реки. И потом выстрел.

Только один. Люди внизу зашевелились, взяли за оружие, готовые сами не зная к чему.

Были наверху звуки? Грей не мог понять и, нервничая, повернулся к скале и помочился. Он застегивал штаны, когда услышал голос Саймона Фрэзера, донесшийся сверху.

– Готово, клянусь богом! – сообщил он. – Вперед, парни, ночь не такая длинная!

Следующие часы пролетели в чаду самого мучительного напряжения, какое испытывал Грей, после того как прошел по Шотландскому нагорью в полку брата, доставляя пушку генералу Коупу. Нет, правда, теперь было еще хуже, думал он, когда стоял в темноте, поставив одну ногу между деревом и скалой, а внизу было тридцать футов невидимого пространства. Его ладони обжигала веревка с грузом в двести фунтов на конце.

Шотландцы оглушили часового, прострелили ногу убежавшему капитану и захватили их в плен. Это была самая легкая часть операции. Далее нужно было подняться на утес всем остальным, раз была проложена тропа – если ее можно было так назвать. Они должны были подготовить все для подъема не только остальных солдат, прибывших теперь по реке на борту транспортов, но и семнадцати пушек, двенадцати гаубиц, трех мортир и всего необходимого для

них – снарядов, пороха, лафетов. В конце этой операции, когда они все сделают, подумал Грей, вертикальная тропа на груди утеса, скорее всего, превратится в широкую дорогу, по которой смогут пройти даже коровы.

Когда небо посветлело, Грей на миг посмотрел вниз со своей позиции на верху утеса, откуда он командовал подъемом последних артиллерийских орудий, и увидел *bateaux*, снова плывшие по реке словно стая ласточек. Они пересекли реку, чтобы забрать еще тысячу двести человек, которым Вулф приказал пройти до Леви по другому берегу и прятаться в лесу до тех пор, пока не окажется, что шотландцы действовали успешно.

Над краем утеса показалась голова, изрыгавшая проклятья; принадлежавшее голове тело споткнулось и рухнуло у ног Грея.

– Сержант Каттер! – усмехнулся Грей и рывком поставил на ноги коротышку-сержанта. – Решили составить нам компанию?

– Бога душу мать! – ответил сержант, сердито отряхивая грязь с мундира. – Лучше уж нам теперь победить француза, чтоб не зря мы сюда лезли; вот все, что я могу сказать. – Не дожидаясь ответа, он повернулся и заорал, глядя вниз: – Шевелитесь, чертовы заморыши! Или вы все хотите съесть свинец на завтрак? Не обосритесь там, живее поднимайтесь сюда! Черт бы вас побрал!

В результате всех чудовищных усилий, когда рассвет пролил золотой свет на Поля Авраама, французские часовые на стенах Цитадели Квебек не поверили своим глазам при виде четырехтысячного британского войска, построившегося в боевом порядке.

В подзорную трубу Грей видел часовых. Расстояние было слишком велико, чтобы различить выражение их лиц, но то, как они носились в панике по стене, говорило обо всем. Он усмехнулся, увидев, как французский офицер схватился за голову, потом замахал руками, словно на стаю цыплят, заставляя своих подчиненных бежать во все стороны.

Генерал Вулф стоял на небольшом пригорке, подняв длинный нос, словно нюхал утренний воздух. Вероятно, подумал Грей, он считал такую позу величественной и красивой. На самом деле он напомнил ему таксу, почуявшую барсука и дрожащую от нетерпения.

Генерал не был одинок в своем желании. Несмотря на ночные тяготы, содранную на руках кожу, синяки на ногах и боках, вывихнутые лодыжки, нехватку сна и еды, восторг опьянял солдат сильнее любого бренди. Грей решил, что у них просто кружилась голова от усталости.

Ветер донес до него еле слышный рокот барабанов: французы спешно били сбор. Через считанные минуты он увидел, как от крепости поскакали всадники, и мрачно улыбнулся. Монкальм хотел призвать в крепость все войска, какие были у него поблизости. При мысли об этом у него все сжалось внутри.

Ситуация складывалась понятная: сентябрь, на носу зима. Вследствие тактики выжженной земли, применявшейся Вулфом, город и крепость не прокормятся в случае долгой осады. Французы сидели в крепости, англичане стояли перед ними, как и факт, очевидный обоим сторонам, что французы умрут от голода намного раньше англичан. Значит, Монкальм примет бой; выбора у него не было.

Многие солдаты захватили с собой фляжки с водой, некоторые немного еды. Им позволили отдохнуть, перекусить, расслабить мышцы – хотя никто из них не отрывал глаз от французов, собиравшихся перед крепостью. Грей, неотрывно глядя в подзорную трубу, видел, как росла их масса; далеко не все там были закаленными в боях солдатами. Монкальм вызвал из окрестных деревень свое ополчение – фермеров, рыбаков и *coureurs du bois*, охотников; а также, судя по их виду, и своих индейцев. Грей с опаской разглядывал намазанные маслом пучки волос на голове и боевую раскраску лиц, но после знакомства с Маноке индейцы уже не казались ему ужасными и пугающими – и на открытом пространстве против пушек они не будут такими эффективными, как в привычном лесу.

Монкальм на удивление быстро собрал свои войска. Солнце не прошло и половину своего пути к зениту, когда ряды французов пошли в наступление.

– Не стрелять, болваны, мать вашу! Если кто выстрелит до команды, башку тому оторву и пальну ею вместо пушечного ядра! – Грей услышал знакомый луженый бас сержанта Алоизиуса Каттера, слышный издалека. Такой же приказ, только менее выразительный, эхом пронесся по строю британцев; каждый офицер одним глазом глядел на французов, а другим на генерала Вулфа, который, горя нетерпением, стоял на пригорке.

У Грея забурилась кровь; он беспокойно переступил с ноги на ногу, пытаясь справиться с судорогой в икрах. Наступавший строй французов остановился; солдаты опустили на колени и разом выстрелили. Еще один залп прозвучал из цепи, стоявшей за ними. Слишком далеко, слишком, чтобы был какой-то эффект. От британских войск понесся низкий рокот – нутряной и голодный.

Грей так долго сжимал рукоять кинжала, что намотанная на нее проволока оставила отпечатки на его пальцах. Другой рукой он держал саблю. В этом сражении у него не было отряда, но его распирало желание поднять над головой саблю, чтобы на нее были устремлены глаза его солдат, и вести их в бой. Он передернул плечами, расслабляя их, и взглянул на Вулфа.

Еще один залп, на этот раз довольно близко, – и несколько британских солдат из переднего ряда упали, поверженные пулями мушкетов.

– Не стрелять, не стрелять! – приказ снова пронесся по рядам. Запах серы от запального фитиля, густой и едкий, перекрывал запах порохового дыма. Артиллеристы тоже выжидали.

Французские пушки дали залп, и убийственные ядра полетели по полю, но они казались жалкими, неэффективными, несмотря на весь причиненный урон. «Сколько там французов? – подумал Грей. – Возможно, они вдвое превосходят нас по численности. Но это не важно. Это будет не важно».

Пот лился по его лицу, застилал зрение, и он вытер глаза рукавом.

– Не стрелять!

Ближе, ближе. Многие индейцы ехали верхом на лошадях; он видел их группу в левой части французского строя. Эгих нельзя выпускать из виду...

– Не стрелять!

Рука Вулфа медленно поднялась кверху, она сжимала саблю, и британская армия затаила дыхание. Гренадеры, любимцы генерала, стояли рядом с ним поротно, окутанные серным дымом от фитилей на их поясах.

– Идите сюда, пидоры, – бормотал рядом с Греем солдат. – Давайте подходите.

Над полем плыл дым, похожий на низкие белые облака. Сорок шагов. Эффективное расстояние.

– Не стрелять, не стрелять, не стрелять... – повторял кто-то нараспев, борясь с паникой.

Солнце сверкало на поднятых саблях в рядах британцев; офицеры эхом передавали приказ Вулфа.

– Не стрелять... не стрелять...

Сабли резко опустились.

– ОГОНЬ! – И земля вздрогнула.

Крик вырвался из глотки Грея, слился с ревом всей британской армии. Грей бросился вперед вместе с другими; всей своей мощью он взмахивал саблей, находя живую плоть.

Залп был сокрушительный, поле усеяли тела. Грей перепрыгнул через упавшего француза, рубанул саблей между плечом и шеей другого, застигнутого за перезарядкой мушкета, выдернул клинок и ринулся дальше.

Британская артиллерия выдавала залп за залпом, расчеты с лихорадочной быстротой забивали в пушки новые заряды. Каждый залп сотрясал плоть Грея. Он скрипел зубами, отшат-

нулся от острия полузамеченного штыка и внезапно обнаружил, что стоит один, тяжело дыша, со слезящимися от дыма глазами.

Он огляделся по сторонам, отыскивая ориентиры. Из-за густого дыма он даже не мог понять, в какой стороне от него была крепость.

Мимо него с пронзительными воплями неслось огромное пятно. Инстинктивно он метнулся в сторону и упал на землю. Мелькнули конские копыта, до его слуха донесся рык индейца, свист томагавка, пролетевшего мимо его головы.

– Дьявол, – пробормотал он и вскочил на ноги.

Где-то рядом бились гранатеры. Грей слышал команды их офицеров, грохот и хлопки взрывов их гранат, когда они сплоченно пробивались сквозь строй французов, словно маленькая мобильная батарея.

Граната упала на землю в нескольких футах от него, и он почувствовал острую боль в бедре. Осколок металла рассек его бриджи, потекла кровь.

– Господи, – пробормотал он, запоздало сообразив, что от роты гранатеров надо держаться подальше; тряхнул головой, приходя в себя, и отбежал от них.

Он услышал знакомый звук, на миг заставивший его вздрогнуть от силы нахлынувших воспоминаний, – дикие крики шотландских горцев, полные необузданной, кровожадной ярости. Шотландцы орудовали своими палашами – двое из них вынырнули из дыма, преследуя кучку убежавших французов. Голые ноги мелькали под килтами. Во вздымавшейся от азарта груди Грея забурился смех.

Он бежал сквозь дым, и тут его нога ударилась о что-то тяжелое. Он упал, распростершись на теле лежавшего на земле человека. Тот закричал, и Грей поспешно отполз от него.

– Виноват. Эй... Господи. Малкольм!

Стаббс ловил ртом воздух и в отчаянии хватался за мундир Грея.

– Господи! – Правая нога у него была оторвана; ниже колена торчали обломки белой кости, висела бахрама мышц, хлестала фонтаном кровь. Нет, нога не исчезла. Она – во всяком случае, ступня – валялась рядом, в башмаке и разорванном чулке.

Грей отвернулся, и его стошнило.

В горле бурлила желчь; он задохнулся и сплюнул. Снова повернулся к Малкольму и схватился за свой ремень, выдергивая его.

– Не надо... – проговорил Стаббс, отводя руку Грея, когда он стал заводить пояс вокруг бедра. Его лицо было блее, чем кость, торчащая из ноги. – Не надо. Будет лучше, если я умру.

– Пошел к дьяволу, – буркнул Грей.

Его руки, скользкие от крови, дрожали. Лишь с третьей попытки он продел сквозь пряжку конец ремня и затянул его так туго, что Стаббс заорал от боли.

– Эй, – раздался возле его уха незнакомый голос. – Давай его вынесем. Я... Дьявол! – Грей удивленно поднял глаза и увидел, как высокий британский офицер метнулся вперед, блокируя приклад мушкета, намеревавшийся выбить мозги из головы Грея. Не раздумывая, Грей схватился за кинжал и ударил француза в ногу. Тот заорал, дрыгнул ногой, и в это время незнакомый офицер опрокинул его на землю, пнул ногой в лицо и, наступив на горло, сломал ему шею.

– Я помогу, – спокойно сказал он Грею, нагнулся и подхватил Малкольма под руку. – Берись с другой стороны; мы отведем его в тыл.

Они подняли Малкольма, велели ему схватить их за плечи и потащили, не обращая внимания на французов, хрипевших и извивавшихся на земле. На краю поля, в тылу британского войска, уже работал армейский хирург. Когда Грей с офицером принесли к нему Стаббса, битва была закончена.

Грей повернулся и увидел, как деморализованные французы в панике бежали к крепости. Британские войска, ликуя, заполнили поле и захватили брошенную французскую пушку.

Все сражение продолжалось меньше четверти часа.

Грей обнаружил, что сидит на земле. В голове была пустота. Он не знал, долго ли так просидел, хотя и догадывался, что недолго.

Он заметил стоявшего рядом офицера и смутно подумал, что лицо ему знакомо. Кто... О да. Адьютант Вулфа. Он так и не узнал его имени.

Он медленно встал; тело было жестким, словно недельный пудинг.

Адьютант просто стоял там. Его взгляд был обращен на крепость и бегущих французов, но Грей догадался, что он ничего не видел. Грей оглянулся через плечо на пригорок, где только что стоял Вулф, но генерала нигде не было видно.

– Генерал Вулф? – спросил он.

– Генерал... – непослушными губами проговорил адъютант и с трудом сглотнул. – В него попали.

«Конечно же, безмозглый осел, – непочтительно подумал Грей. – Встал там во весь рост. На что он надеялся? Конечно же, его ранили». – Но тут он увидел слезы на глазах адъютанта и все понял.

– Так он убит? – глупо спросил он, и адъютант – почему он так и не сообразил узнать его имя? – кивнул и вытер лицо грязным от дыма и копоти рукавом.

– Он... сначала в кисть руки. Потом в тело. Он упал и полз – потом снова упал. Я перевернул его... сообщил, что мы победили... что французы бежали.

– Он понял?

Адьютант кивнул и тяжело, со всхлипом, вздохнул.

– Генерал сказал... – Он замолк и кашлянул, потом продолжал уже более твердо: – Он сказал, что умирает счастливым, зная, что он победил.

– В самом деле? – пробормотал Грей. Он видел, как умирали солдаты, часто видел и подумал, что, вероятнее всего, если бы Джеймс Вулф мог вымолвить что-то кроме мучительных стонов, то его последним словом было бы либо «дерьмо», либо «о боже», в зависимости от его религиозных предпочтений, о которых Грей ничего не знал.

– Да, хорошо, – бессмысленно пробормотал он и повернулся в сторону крепости. Люди бежали к ней, подобно муравьям, и среди одной из таких «муравьиных дорожек» он различил флаг Монкальма, трепещущий на ветру. Под ним, маленький на таком расстоянии, скакал на коне человек в генеральском мундире, без шляпы, горбясь и покачиваясь в седле; его офицеры ехали рядом с ним по обе стороны, беспокоясь, что он упадет.

Британцы перестраивали свои ряды, хотя было ясно, что больше воевать не придется. Во всяком случае, не сегодня. Неподалеку Грей увидел высокого офицера, который спас ему жизнь и помог тащить Малкольма Стаббса с поля битвы. Хромая, он шел к своим солдатам.

– Тот майор, – спросил он, подтолкнув адъютанта. – Вы знаете его имя?

Адьютант заморгал и пожал плечами:

– Да, разумеется. Это майор Сайверли.

– Сайверли? Неужели?

Адмирал Холмс, третий по рангу после генерала Вулфа, через пять дней подписал акт о капитуляции Квебека. Вулф и его помощник, бригадир Монктон, погибли в сражении. Монкальм тоже был мертв; он умер на следующее утро. У французов не было выбора: надвигалась зима, и в случае осады обитателям крепости грозила голодная смерть.

Через две недели после сражения Джон Грей вернулся в Гареон и обнаружил, что в городке, словно осенний ветер, свирепствовала оспа. Молодая женщина, мать сына Малкольма Стаббса, умерла; ее мать предложила Грею купить младенца. Грей вежливо попросил ее подождать.

Чарли Керратерс тоже умер: оспа забрала его ослабленное тело. Грей сжег его труп, не желая, чтобы кто-нибудь украл необычную руку Керратерса, поскольку индейцы и местные

*habitants*¹⁴ суеверно относились к таким вещам. Он взял каноэ и рассеял прах своего приятеля на пустынном островке посреди реки Святого Лаврентия.

Вернувшись из этой экспедиции, он обнаружил письмо от доктора Джека Хантера, хирурга и анатома, которое переслал ему Хэл. Проверив уровень бренди в графине, Грей вздохнул и распечатал его.

«Дорогой лорд Джон.

В последнее время я слышал разговоры по поводу гибели мистера Николса, в том числе комментарии, свидетельствующие о том, что общественное мнение считает вас виновником его смерти. В случае, если вы тоже разделяете это мнение, я подумал, что это, возможно, облегчит вашу совесть, когда я сообщу, что на самом деле вы ни при чем».

У Грея подкосились ноги, он медленно сел на табурет, и его взгляд впился в неровные строчки.

«Ваша пуля все же попала в мистера Николса, но это мало что изменило в его участи или даже совсем ничего не изменило. Я видел, как вы выстрелили в воздух – я и сказал об этом тем, кто присутствовал на той дуэли, хотя многие из них, кажется, оставили мои слова без внимания. Пуля, очевидно, пролетела кверху под углом и потом упала на мистера Николса сверху. К этому моменту она потеряла свою убийную силу и, поскольку сама по себе незначительная по величине и весу, она едва задела кожу мистера Николса выше ключицы, где и уперлась в кость, не причинив дальнейшего вреда.

Истинной причиной его обморока и смерти была аневризма аорты, слабость стенки одного из важнейших сосудов, идущих от сердца; такая слабость часто бывает врожденной. Стресс от электрического разряда и эмоции, вызванные дуэлью, очевидно, привели к разрыву аневризмы. Такие случаи не поддаются лечению и неизбежно заканчиваются смертью. Его ничто не могло спасти.

*Ваш преданный слуга,
Джон Хантер, хирург»*

Грей испытал самую экстраординарную гамму чувств. Облегчение – да, там было чувство глубокого облегчения, словно он пробудился от кошмара. А еще чувство несправедливости, окрашенное даже негодованием: боже, его чуть не женили! Конечно, он и сам мог быть покалечен или убит в результате этого недоразумения, но это казалось ему сравнительно безобидным. В конце концов, он солдат, и такие вещи случаются в его ремесле.

Его рука слегка дрожала, когда он отложил письмо. Под облегчением, благодарностью судьбе и негодованием росло чувство ужаса.

«Я подумал, что это, возможно, облегчит вашу совесть...» Грей представил лицо Хантера, говорящего эту фразу: сочувственное, умное и радостное. Прямолинейное замечание, но при этом абсолютно не скрывающее собственной иронии.

Да, он был рад узнать, что не виновен в смерти Эдвина Николса. Но каким путем получено это знание... Его руки покрылись гусиной кожей, и он невольно содрогнулся, представив себе...

– О боже, – пробормотал он. В доме Хантера он был один раз – на поэтических чтениях, состоявшихся под эгидой миссис Хантер с ее знаменитыми салонами. Доктор Хантер на них не присутствовал, но иногда спускался из своих покоев, чтобы поздороваться с гостями. В тот раз он так и сделал и разговорился с Греем и еще несколькими джентльменами, проявившими

---

¹⁴ [14] Жители (фр.).

интерес к науке. Он предложил им подняться к нему и взглянуть на кое-какие интересные экспонаты из его знаменитой коллекции: на петуха с трансплантированным человеческим зубом, который рос в его гребне, на ребенка с двумя головами, человеческий зародыш с ногой, торчащей из живота.

Хантер ничего не сказал про стеллажи со стеклянными сосудами, а они были наполнены глазами яблоками, пальцами, печеночными долями... или про два-три человеческих скелета, прикрепленных к потолку болтом, вставленным в череп, с суставами на шарнирах. В тот раз Грею даже не пришло в голову, где – или как – Хантер их приобрел.

У Николса во рту отсутствовал глазной зуб, а соседний был наполовину отколот. Если Грей когда-нибудь снова окажется в доме Хантера, возможно, он увидит там череп с отсутствующим зубом.

Он схватил графин, вынул пробку и глотнул бренди прямо из горлышка. Пил медленно и долго, пока не исчезла та зловещая картина.

Маленький столик был завален бумагами. Среди них, под сапфирным пресс-папье, лежал аккуратный пакет, который вручила ему вдова Ламберт с воспаленным от рыданий лицом. Он накрыл его ладонью, чувствуя на своем лице нежное двойное прикосновение руки Чарли, и у него потеплело на сердце.

«Не подведи меня».

– Нет, – тихо проговорил он. – Нет, Чарли, я не подведу.

С помощью Маноке, ставшего его переводчиком, Грей после долгой торговли купил ребенка за две золотых гинеи, яркое одеяло, фунт сахара и маленький бочонок рома. Лицо бабки было мрачным, не от горя, подумал он, а от усталости и недовольства. После смерти дочери ее жизнь станет тяжелее. Англичане, сообщила она Грею через Маноке, жадные сволочи; французы были гораздо щедрее. Он поборол в себе желание дать ей еще одну гинею.

Осень была в разгаре, деревья сбросили листву. Голые ветви напоминали ему черные чугунные узоры на фоне бледно-голубого неба, когда он шел по городку к французской миссии. Крошечную церковь окружали несколько домиков, возле них играли дети; некоторые замерли и глядели на него, но другие даже не подняли головы – британские солдаты не были для них новостью.

Отец Ле Карре осторожно принял у него сверток, откинул край одеяла и посмотрел на лицо малыша. Мальчик проснулся и махал ручонками, и священник дал ему свой палец.

– А-а, – сказал он, увидев явные признаки смешанной крови, и Грей не сомневался, что священник счел его отцом ребенка. Он стал было объяснять, но потом передумал – разве это важно?

– Разумеется, мы крестим его по католическому обряду, – сказал отец Ле Карре, взглянув на Грея. Это был молодой мужчина, довольно пухлый, темноволосый и чисто выбритый, но с кротким лицом. – Вы не возражаете?

– Нет. – Грей вынул кошелек. – Вот деньги на его содержание. Я стану присылать по пять фунтов каждый год, если вы будете сообщать мне раз в году о его благополучии. Вот адрес, по которому мне писать. – Внезапно ему пришла в голову новая мысль – не то чтобы он не доверял доброму священнику, заверил он себя, вот только... – Присылайте мне локон его волос, – сказал он. – Каждый год.

Он повернулся, собираясь уйти, но священник окликнул его с улыбкой:

– Как зовут младенца, сэр?

– Э-э... – Он замер. Мать мальчика наверняка дала ему имя, но Малкольм Стаббс не сообразил сообщить его Грею, перед тем как отбыл в Англию. Как же назвать ребенка? Малкольмом, в честь отца, который бросил его? Не стоит.

Может, Чарльзом, в память о Керратерсе...

«... оно начинало биться вновь – но рано или поздно этого не случится».
– Его зовут Джон, – отрывисто сообщил он и прокашлялся. – Джон Синнамон.
– *Mais oui*, – кивнул священник. – *Bon voyage, Monsieur – et voyez avec le Bon Dieu.*¹⁵
– Благодарю, – вежливо ответил он и, не оглядываясь, пошел к берегу, где ждал его Маноке, чтобы попрощаться с ним.

---

¹⁵ [15] Хорошо. Счастливого пути, сэр, и да хранит вас Господь (*фр.*).

От автора

Битва при Квебеке по праву считается триумфальной победой британской армии в восемнадцатом столетии. Если вы сегодня побываете там, где произошло сражение, на Полях Авраама (несмотря на такое поэтическое звучание, на самом деле поле было названо так, потому что оно принадлежало некому фермеру Аврааму Мартину; пожалуй, название «Поля Мартина» казалось бы нам менее интересным), у подножия утеса вы увидите памятную табличку, увековечившую героический подвиг шотландских горцев, которые вскарабкались на отвесный утес с берега реки, расчистив дорогу для целой армии – с пушками, мортирами, гаубицами и прочим снаряжением. За одну ночь армия совершила опасный и тяжелый подъем и на рассвете предстала перед ошеломленным французским генералом Монкальмом.

Когда же вы подниметесь на сами Поля Авраама, то увидите еще одну табличку, принадлежащую уже французам. Там (по-французски) объясняется, какой грязный, неспортивный трюк позволили себе коварные британцы в отношении благородных французских солдат, защищавших Цитадель. Вот две точки зрения.

Генерал Джеймс Вулф вместе с Монкальмом, конечно, были реальными историческими фигурами, как и офицер Саймон Фрэзер (которого вы уже встречали – или еще встретите – в романе «Эхо прошлого»). Включая исторические персоны в контекст своих романов, я придерживаюсь собственного правила – не заставлять их делать на страницах моих книг что-либо хуже того, что, как я точно знаю из исторических хроник, они делали при жизни.

В случае с генералом Вулфом мнение Хэла о его характере и способностях разделяли многие современные ему военные историографы. Имеется и документальное подтверждение отношения генерала к шотландским горцам, которых он использовал для этой операции, – в форме письма, процитированного в этой истории: «...невелика потеря, если они сорвутся». (Позвольте порекомендовать вам превосходный роман Алистера Мак-Леода под названием «Невелика потеря». Речь в нем идет не о Вулфе; это история шотландской семьи, перебравшейся в Новую Шотландию в начале восемнадцатого столетия, прослеженная на протяжении десятков лет. Но название книги взято из письма генерала Вулфа, и он там упоминается.)

Политика Вулфа в отношении *habitant* деревень в окрестностях Цитадели (террор населения, грабежи, поджоги) – документальный факт. Для вторгшейся в чужую страну армии в этом не было ничего необычного.

Последние слова умирающего генерала Вулфа – тоже исторический факт, однако, как и лорд Джон, я оставляю за собой право усомниться, что генерал произнес их на самом деле. Хотя в нескольких источниках действительно сообщается, что в лодке, направляясь на битву, он декламировал «Сельское кладбище» Грэя. Я считаю, что это достаточно странный поступок, но что сообщения, вероятно, нас не обманывают.

Что касается Саймона Фрэзера, то, по многим свидетельствам, это тот самый британский офицер, который обманывал французских часовых, отвечая им по-французски, когда лодки проплывали мимо них в темноте, – и он, вне всяких сомнений, прекрасно владел французским, поскольку до этого несколько лет воевал во Франции. Что до точных деталей того, что он говорил, – тут нет единства, да это и не слишком важно, поэтому я предложила собственную версию.

Теперь о французском языке... Саймон Фрэзер превосходно владел французским. Я нет. Я могу читать на этом языке, но не могу разговаривать или писать, абсолютно не владею грамматикой и ненавижу диакритические знаки. Так что я поступила, как всегда в таких случаях.

Я попросила нескольких человек, для которых французский является родным языком, перевести французские диалоги, которые встречаются в новелле. То, что вы видите в тексте, написано с любезной помощью тех людей. Я не сомневаюсь – поскольку это бывает всякий раз, когда я включаю французский в текст, – что получу негодующие письма от рафинированных знатоков французского. Если французские фразы писал для меня парижанин, кто-нибудь из Монреаля сообщит мне, что там все неправильно; если писал носитель французского из Квебека, негодующие крики прозвучат из Франции. А если фразы позаимствованы из учебника или (*quelle horreur*)¹⁶ академического источника... ну, тогда *bonne chance*.¹⁷ Добавлю еще, что очень трудно заметить типографские ошибки в языке, которого толком не знаешь. Но мы стараемся. И я заранее приношу извинения.

Еще, возможно, вы заметили, что Джон Хантер называется в разных местах новеллы то «мистер Хантер», то «доктор Хантер». По давней традиции, к английским хирургам обращаются (и обращались) «мистер», а не «доктор» – вероятно, из-за их происхождения от цирюльников, пускавших кровь, помимо своей основной работы. Однако Джон Хантер, как и его брат Уильям, был врачом с университетским образованием, а также крупным ученым и анатомом, поэтому имел право на почетное обращение «доктор».

---

¹⁶ [16] Какой ужас (*фр.*).

¹⁷ [17] Удачи (*фр.*).

Пространство между

Предисловие Граф Сен-Жермен

Под таким именем существовал исторический персонаж (вполне возможно, даже не один). Имеются также многочисленные свидетельства (чаще неподтвержденные) о некоем графе Сен-Жермене, который появлялся в разных местах Европы в течение двух столетий. На их основе возникли догадки, что этот граф (или некий граф с таким именем) был оккультистом, мистиком или даже обладал способностью путешествовать во времени.

Давайте скажем так: изобразив в этой новелле графа Сен-Жермена, я не имела в виду никаких подтвержденных документально исторических персон с таким именем.

Париж, март 1778 года

Он так и не понял, почему Гренуй-Лягушка не убил его в тот раз. Поль Ракоши, граф Сен-Жермен, вынул пробку и в третий раз осторожно понюхал содержимое фиала, но тут же заткнул его пробкой, все еще неудовлетворенный. Возможно, да. Возможно, нет. Запах темно-серого порошка в фиале будил в памяти призрак чего-то знакомого – но ведь прошло тридцать лет.

Он присел и, нахмутив брови, обвел взглядом разнообразные кувшинчики, флаконы и бутылки. День заканчивался, и мартовское парижское солнце было как мед, теплый и липнувший к щекам, оно горело в округлых стеклянных колбах и, в зависимости от их содержимого, бросало красные, зеленые, бурые лужицы цвета на деревянную столешницу. Единственной диссонансной нотой в этой мирной цветовой симфонии была крупная крыса, лежавшая на спине, и рядом с ней карманные часы с поднятой крышкой.

Граф осторожно положил два пальца на грудь крысы и терпеливо ждал. На этот раз это не заняло много времени; он привык к холоду, когда мысленно проникал в тело. Ничего. Его мысленный взор не заметил ни теплого красного цвета пульсирующего сердца, ни намека на свет. Он взглянул на брегет: полчаса.

Покачав головой, он убрал пальцы.

– Мелизанда, о коварная, – пробормотал он не без нежности. – Неужели ты думала, что я испробую все, что *ты* прислала мне, на себе самом?

Но все же... сам он был мертвым гораздо дольше, чем полчаса, когда Гренуй дал ему кровь дракона. Вечерело, когда тридцать лет назад с восторженно бьющимся сердцем он вошел в Звездную палату Людовика, предвкушая предстоящую дискуссию – дуэль магов, где ставкой была благосклонность короля, рассчитывая стать победителем. Он вспомнил чистоту и прозрачность неба, красоту еле заметных в тот час звезд, яркую Венеру над горизонтом и радость, бурлившую в крови. Все обретает особенную интенсивность, когда ты знаешь, что твоя жизнь может оборваться в ближайшие минуты.

А через час он подумал, что его жизнь в *самом* деле оборвалась, чаша выпала из его онемевшей руки, холод с поразительной быстротой сковал члены, заморозив слова «я пропал» и оставив в центре его мозга ледяную корку недоверчивого удивления. Он не глядел на Лягушку, последняя, кого он видел меркнувшим взором, была женщина – *La Dame Blanche*, – ее лицо над чашей, которую она протянула ему, испуганное и белое как кость. Но что он сейчас вспоминал вновь и вновь все с тем же чувством изумления, так это яркое голубое сияние, интенсивное, как вечернее небо вокруг Венеры, которое струилось от ее головы и плеч, когда он умирал.

Он не помнил даже крупиц сожаления или страха, только удивление. Впрочем, оно не шло ни в какое сравнение с тем изумлением, какое он испытал, когда пришел в себя, нагой, на каменной плите в отвратительном подземном помещении возле трупы утопленника. К счастью, в том ужасном гроте не было никого из живых, и он выбрался – пошатываясь, полуслепой, натянув на себя мокрую и вонючую рубашу утопленника, – в рассветный мир, прекраснее которого он еще не видел. Вот так – десять-двенадцать часов от момента очевидной смерти до возвращения к жизни.

Он посмотрел на крысу, потом приподнял пальцем ее маленькую, аккуратную лапку. Почти двенадцать часов. Обмякшая, окоченение уже прошло. Здесь, на самом верху дома было тепло. Тогда он повернулся к полке, шедшей вдоль дальней стены лаборатории, где лежали в ряд крысы, то ли без чувств, то ли мертвые. Он медленно прошел мимо них, трогая каждую пальцем. Мягкая, мягкая, окоченевшая. Окоченевшая. Окоченевшая. Все мертвые, несо-

мненно. Каждая получила меньшую дозу, чем последняя, но все умерли – хотя насчет последней он не был уверен. Тогда надо подождать еще немного, чтобы убедиться.

Ему надо это знать. Потому что во Дворе Чудес ходили слухи. И они говорили, что Гренуй-Лягушка вернулся.

Ла-Манш

Говорят, рыжие волосы – знак дьявола. Джоан задумчиво смотрела на огненные волосы ее спутника. На палубе гулял сильный ветер, он резал глаза так, что из них текли слезы; он вырывал из-под повязки пряди волос Майкла Мюррея, и они плясали вокруг его головы словно пламя. Хотя, будь он посланником дьявола, у него и лицо было бы безобразным как смертный грех, но ведь оно не такое.

К счастью для него, он был похож на свою мать, придирчиво подумала она. Его младшему брату Йену повезло меньше, даже и без его языческой татуировки. У Майкла было весьма приятное лицо, хоть и обветренное, хоть и со следами горя; да что удивляться, ведь он только что потерял отца, а за месяц до этого во Франции у него умерла жена.

Но она стояла на палубе в такую непогоду не для того, чтобы разглядывать Майкла Мюррея, если бы даже он заливался слезами от горя или внезапно обернулся нечистой силой. Только она подумала об этом, как тотчас дотронулась до крестика, на всякий случай. Крестик благословил самолично их священник, а ее мать вдобавок ходила с ним пешком к источнику святого Ниниана и там окунула его в воду, прося у святого защиты и покровительства. Джоан хотелось как можно дольше смотреть на свою мать.

Она сорвала с головы платок и помахала им, крепко зажав в кулаке, чтобы его не вырвал ветер. Мать тоже неистово махала ей; ее фигурка, стоявшая на пристани, все уменьшалась. Рядом с матерью стоял Джой; он обнял ее за талию, чтобы она не упала в воду.

Джоан тихонько фыркнула при виде ее нового отчима, но тут же одернула себя и опять дотронулась до крестика, бормоча в наказание молитву о прощении. В конце концов, она ведь сама способствовала этому браку, и это было правильно. Иначе она по-прежнему торчала бы дома в Балриггане, а не плыла во Францию, чтобы стать там невестой Христовой.

Толчок в бок заставил ее оторвать глаза от берега; Майкл протягивал ей носовой платок. Ладно, что ж. Если у нее текли слезы из глаз – ой, и из носа тоже течет, – чему тут удивляться при таком свирепом ветре? Она взяла лоскут ткани, кратко кивнула в знак благодарности, быстро обтерла щеки и еще сильнее замахала головным платком.

Никто из семьи Майкла не пришел его провожать, даже Дженет, его сестра-близнец. И неудивительно, ведь они были заняты хлопотами после смерти старого Йена Мюррея. Да и зачем провожать Майкла? Майкл Мюррей торговал вином в Париже и был на удивление самостоятельным джентльменом. Ей было приятно сознавать, что он знал, что делать и куда идти, и обещал в целости и сохранности доставить ее в монастырь Ангелов, потому что прежде она с боязнью думала о том, как пойдет одна через весь Париж по многолюдным улицам, где все говорили по-французски – хотя, конечно, знала французский неплохо. Учила его всю зиму, а мать Майкла ей помогала – хотя, впрочем, лучше она не скажет в монастыре преподобной матери-наставнице про то, какие французские романы стояли на полке у Дженни Мюррей, потому что...

– *Voulez-vous descendre, mademoiselle?*¹⁸

– Э? – Джоан повернула к Майклу лицо и увидела, что он жестом показывал ей на люк, который вел вниз. Она снова повернулась к берегу, моргая, – но пристань уже растаяла в дымке, и мать вместе с ней.

– Нет, – ответила она. – Не сейчас. Я просто... – Ей хотелось стоять и до последнего глядеть на удалявшийся берег. Возможно, она в последний раз видела Шотландию, и при мысли об этом все внутри нее сжималось в тугий комок. Она махнула рукой на люк: – А вы ступайте. Я тут и одна постою.

¹⁸ [18] Вы не могли бы спуститься, мадемуазель? (Фр.)

Он не ушел, а встал рядом с ней, взявшись за поручень. Она немного отвернулась от него, чтобы он не видел, как она плачет, но в целом не жалела, что он остался.

Никто из них не говорил; берег медленно погружался в воду, как будто море проглатывало его, и вскоре вокруг уже ничего не осталось, кроме открытого моря под мчавшимися тучами, серого и покрытого мелкой рябью волн. Внезапно у нее закружилась голова, закрыв глаза, она сглотнула.

«Милый Господи Иисусе, только бы меня не стошнило!»

Шорох рядом с ней заставил ее открыть глаза. Она обнаружила, что Майкл Мюррей глядел на нее немного озабоченно.

– Все в порядке, мисс Джоан? – Он улыбнулся. – Или мне надо называть вас сестра Джоан?

– Нет, – ответила она, взяв под контроль свои нервы и свой желудок. – Я ведь еще не монахиня, правда?

Он окинул ее с ног до головы откровенным взглядом, как это всегда делают шотландские горцы, и улыбнулся еще шире.

– Вы когда-нибудь *видели* монахинь?

– Нет, – ответила она как можно суше. – Но я также не видела Господа или Пресвятую Деву, но верю в них.

К ее немалой досаде, он расхохотался. Но, увидев выражение ее лица, сразу замолк и посерьезнел, хотя она видела, как подрагивали его губы.

– Простите, мисс Маккимми, – сказал он. – Я не сомневаюсь в существовании монахинь. Я видел собственными глазами много этих созданий. – Его губы скривились, и Джоан сердито сверкнула глазами.

– Созданий? Как это?

– Фигура речи, не более того, клянусь! Простите меня, сестра, я не нарочно! – Он поднял руки, изображая испуг. Чтобы не рассмеяться, он нарочито нахмурился, но она ограничилась лишь неодобрительным «хм-м».

Впрочем, любопытство пересилило, и через несколько мгновений, потраченных на созерцание пенистого следа за кормой, она спросила, не глядя на него:

– Когда вы видели монахинь, что они делали?

Он уже справился со смешливостью и ответил ей серьезно:

– Я, к примеру, видел сестер из конгрегации Нотр-Дам, они постоянно ходят по улицам и помогают бедным. Всегда по двое, и обе монахини идут с огромными корзинами, полными еды – может, и лекарств. Правда, они закрытые, те корзины, так что я не могу сказать наверняка, что в них. Может, они тайком проносят в доки бренди и кружева... – Смеясь, он повернулся в сторону от ее занесенной для удара руки.

– Ой, да-а, вы будете редкой монахиней, сестра Джоан! *Terror daemonium, solatium miserorum...* Ужас для демонов, утешение несчастным.

Она сжала изо всех сил губы, чтобы не рассмеяться. Ужас для демонов – какой наглец!

– Нет, я не сестра Джоан, – сказала она. – Кажется, в монастыре мне дадут новое имя.

– О-о, правда? – заинтересовался он. – И вы сможете сами выбрать себе имя?

– Я не знаю, – призналась она.

– Ну и какое имя вы бы выбрали, если бы вам было позволено? – спросил он, откидывая волосы со лба.

– Ну-у... – Она пока никому не говорила об этом, но, в конце концов, что тут такого? После приезда в Париж она больше не увидит Майкла Мюррея. – Сестра Григори, – выпалила она.

К ее облегчению, он не засмеялся.

– О-о, какое хорошее имя, – сказал он. – В честь святого Григория Великого?

– Ну... угу. Вам это не кажется дерзким? – с легким испугом спросила она.

– Нет-нет! – удивившись, ответил он. – Ведь скольких монахинь зовут Мэри? Раз не дерзость брать себе имя Божьей Матери, как можно считать самонадеянным желание взять имя простого священника? – Он улыбнулся так весело, что она улыбнулась ему в ответ.

– А что, многих монахинь зовут Мэри? – из любопытства спросила она. – Так бывает часто, правда?

– О-о, угу, вы сказали, что не видели ни одной монахини. – Он перестал шутить над ней и ответил серьезно: – Около половины монахинь, которых я встречал, по-моему, звали сестра Мэри такая-то – ну, например, сестра Мэри Поликарп, сестра Мэри Иосиф... в этом роде.

– И вы встречали так много монахинь, занимаясь вашим бизнесом, да? – Майкл Мюррей был виноторговцем, младшим партнером «Фрэзер *et Cie*» – и, судя по покрою его одежды, жил достаточно неплохо.

Его губы дернулись, но он серьезно ответил:

– Что ж, пожалуй, да. Не каждый день, конечно, но сестры довольно часто заглядывают ко мне – или я к ним. «Фрэзер *et Cie*» поставляет вино в большинство монастырей Парижа, и некоторые из них присылают к нам пару монахинь, чтобы оставить заказ или забрать что-нибудь особенное – либо, конечно, мы сами доставляем заказ. Но вино для своих храмов заказывают даже те ордены, которые сами не пьют вина, – а большинство парижских орденов пьют его, ведь они французы, верно? А уж нищенствующие ордены каждый день заглядывают к нам и просят пожертвования.

– Правда? – Она была поражена – настолько, что отбросила свои опасения показаться невежественной. – Я и не знала... ну-у... значит, разные ордены делают совсем разные вещи, вы так сказали? А что еще?

Он взглянул на нее, но тут же отвернулся и прищурил глаза от ветра, задумавшись.

– Ну-у... есть монахини, которые все время молятся, – кажется, их называют созерцательными. Я вижу их в соборе в любое время дня и ночи. Впрочем, таких орденов несколько; одни носят серые одежды и молятся в храме святого Иосифа, а другие одеваются в черное, и их можно увидеть чаще всего в храме святой Марии на Море. – Он с любопытством взглянул на нее. – Вы хотите стать такой монахиней?

Она покачала головой, радуясь, что ветер обжигал ее лицо, маскируя румянец смущения.

– Нет, – ответила она с некоторым сожалением. – Вероятно, это самые святые монахини, но я провела большую часть жизни, созерцая пустоши, и мне это не очень нравится. Думаю, у меня не годится душа для того, чтобы хорошо это делать, даже в храме.

– Угу, – сказал он и убрал от лица трепещущие пряди волос, – я знаю, что такое пустоши. Чуть там поживешь – и ветер выдувает тебе мозги. – После секундных колебаний он продолжил: – Когда мой дядя Джейми – ну, ваш отец, – вы знаете, что он прятался в пещере после Каллодена?

– Целых семь лет, – ответила она с легким нетерпением. – Эй, все знают эту историю. И что?

Он пожал плечами:

– Только подумал. Я был тогда совсем еще мальцом, но иногда ходил с матерью туда, носил ему еду. Он радовался, увидев нас, но говорил мало. И мне делалось страшно, когда я видел его глаза.

По спине Джоан пробежали мурашки, вовсе не от резкого и холодного ветра. Она увидела – внезапно *увидела*, мысленно – худого, грязного мужчину с торчащими на лице скулами, как он лежал, съезжившись, в сырой, холодной тени пещеры.

– Неужели? – насмешливо фыркнула она, скрывая дрожь в голосе. – Как можно было его бояться? Он хороший и добрый.

У Майкла дернулись уголки его широкого рта.

– Пожалуй, это зависит от того, видели вы его когда-нибудь в бою или нет. Но...

– А вы видели? – перебила она его. – Видели, как он дрался?

– Угу, видел. Но... – сказал он, не желая отвлекаться, – я не имел в виду, что *он* пугал меня. Просто мне казалось, что он боялся призраков. Ветер приносил ему голоса.

От *этих* слов у нее пересохло во рту, и она чуточку облизала губы, надеясь, что сделала это незаметно. Но она зря беспокоилась; он не глядел на нее.

– Мой отец говорил, что все это оттого, что Джейми провел так много времени один; голоса залезли ему в голову, и он слышал их и не мог прогнать оттуда. Когда он чувствовал себя в безопасности и являлся к нам домой, иногда проходили часы, прежде чем он начинал слышать *нас*, – мать не позволяла нам говорить с ним, пока он не съест чего-нибудь и не согреется. – Он улыбнулся с легкой грустью. – Она говорила, что до этого он не был человеком, – и, оглядываясь назад, я не думаю, что она говорила это просто так, как фигуру речи.

– Ну... – протянула она и замолчала, не зная, что и сказать. Она ужасно жалела, что не знала этого раньше. Отец и его сестра потом приедут во Францию, но она, возможно, его не увидит. А ведь она, пожалуй, могла бы поговорить с отцом, спросить, что за голоса были у него в голове, что говорили. Интересно, похожи ли они на те голоса, которые слышала она.

Уже смеркалось, а крысы все еще были мертвыми. Граф услышал колокола Нотр-Дама, отбивавшие *sept*,¹⁹ взглянул на карманные часы и нахмурился – колокола пробили на две минуты раньше семи часов. Он не любил неряшливость. Он встал, потянулся и застонал, когда его позвоночник затрещал, словно нестройные залпы солдат. Сомнений не было, он старел, и от этой мысли у него пробежал холодок по телу.

Если. Если он сумеет найти способ и продвинуться вперед, тогда, возможно... но ведь никогда не знаешь... вот в чем дело... Совсем недавно он думал – надеялся, – что путешествие назад, в прошлое, остановит процесс старения. Поначалу это казалось логичным, вроде перевода часов. Но потом все опять оказалось *нелогичным*, потому что он всегда уходил назад дальше, чем его собственное время жизни. Только однажды он попытался вернуться назад лишь на несколько лет, в то время, когда ему было двадцать с небольшим. *Это* была ошибка, и он до сих пор содрогался, когда вспоминал об этом.

Он подошел к высокому стрельчатому окну, выходившему на Сену.

Этот вид на реку почти не изменился за последние две сотни лет; он видел его несколько раз в разные времена. Этот дом не всегда принадлежал ему, но он стоял на этой улице с 1620 года, и ему всегда удавалось ненадолго попасть в него, хотя бы для того, чтобы восстановить собственное ощущение реальности после прыжка во времени.

В этом виде на реку менялись только деревья, а порой появлялось какое-нибудь странное на вид судно. Но остальное было всегда таким же и, вне всяких сомнений, будет всегда: старые рыбаки, в угрюмом молчании ловившие себе ужин на берегу, каждый охранял свое место растопыренными локтями; молодые, босые, с поникшими от усталости плечами, раскладывали для просушки сети, голые мальчишки ныряли с набережной. Вид на реку давал ему утешительное ощущение вечности. Возможно, даже не имело значения, что когда-нибудь ему суждено умереть?

– Ну и черт с ним, – пробормотал он под нос и взглянул на небо. Там ярко сияла Венера. Ему пора идти.

Дотрагиваясь пальцами до каждой крысы и убеждаясь, что в них не осталось ни искры жизни, он прошел вдоль полки, а потом побросал их в сумку из мешковины. Если он придет во Двор Чудес, то, по крайней мере, не с пустыми руками.

---

¹⁹ [19] Семь (*фр.*).

Джоан все еще не хотела идти вниз, но сгущались сумерки, а ветер усиливался; безжалостный порыв поднял ее юбки кверху и схватил холодной рукой за попу; от неожиданности она взвизгнула самым постыдным образом. Тогда она торопливо поправила юбки и пошла к люку в сопровождении Майкла Мюррея.

Увидев, как он кашлял и тер руки, спустившись по трапу, она пожалела, что заставила его мерзнуть на палубе; он был слишком вежливым, чтобы пойти вниз и бросить ее на произвол судьбы, а она слишком эгоистичной, чтобы заметить, что он замерз, бедняга. Она поскорей завязала узелок на своем носовом платке, чтобы не забыть и произнести венец покаяния еще на десяток четоков.

Майкл посадил ее на скамью и сказал по-французски несколько слов сидевшей рядом с ней женщине. Очевидно, он представил ее, она это поняла, – но когда женщина кивнула и что-то ответила, Джоан только сидела, раскрыв рот. Она не поняла ни слова. Ни слова!

Майкл разгадал ситуацию, потому что сказал что-то мужу женщины, это отвлекло ее внимание от Джоан, и она включилась в разговор, а Джоан прислонилась к деревянной стенке, вспотев от смущения.

Ладно, она вслушивается, вникнет, заверяла она себя. Никуда не денется. Полная решимости, она стала прислушиваться к французской речи, вылавливая иногда странные слова. Понимать Майкла было проще; он говорил медленнее и не проглатывал окончание каждого слова.

Она пыталась отгадать, как выглядело на письме слово, которое *звучало* как «пвуфгвеммиарньер», но наверняка не могло быть таким. И тут ее глаз уловил чуть заметное движение на скамье, что напротив, и журчащие гласные застряли в ее глотке.

Там сидел парень, возможно, ее ровесник, лет двадцати пяти. Симпатичный, разве что лицо немного худое, прилично одет – и собирался умирать.

На нем лежал серый покров, такой, словно его окутал туман, и сквозь него виднелось только лицо. Она уже видела такую вещь – серый туман на лице, – видела два раза и сразу поняла, что это тень смерти. Один раз это был старик, и это видели все, потому что Ангус Мак-Уин был болен; но второй раз, всего через несколько недель после первого, она видела это на ребенке Вэйри Фрэзера, розоволицем мальчугане с милыми, пухлыми ножками.

Ей не хотелось верить этому. Ни тому, что она видела, ни тому, что это означало. Но через четыре дня кроху раздавил на дороге вол, обезумевший от укуса шмеля. Ее стошнило, когда ей сообщили об этом, и потом она долго не могла ничего есть от горя и ужаса. Ведь если бы она сказала родителям, может, несчастье можно было бы предотвратить? И что, милый Боженька, *что*, если это случится снова?

Теперь это случилось, и у нее все сжалось внутри. Она вскочила на ноги и двинулась в сторону трапа, оборвав неторопливую беседу французов.

«Только не это, только не это!» – мучительно думала она. – *Зачем мне показывают такие вещи? Что я могу сделать?»*

Хватаясь за поручень, она с лихорадочной быстротой взлетела по трапу и вышла на палубу, хватая воздух и стремясь оказаться подальше от умирающего человека. Сколько еще это будет продолжаться, милый Боженька? Когда же она наконец доберется до монастыря и почувствует себя в безопасности?

Луна вставала над островом Ситэ, сияя сквозь дымку облаков. Ракоши посмотрел на нее, прикидывая, который час. Не было смысла идти в дом мадам Фабьен, пока девочки еще не вынули папильотки из волос и не натянули красные чулочки. Впрочем, пока он мог пойти в другие места: в мрачные питейные заведения, где профессионалы Двора подкреплялись перед грядущей ночью. В одном из них он и услышал впервые то самое известие – и решил посмотреть, широко ли расползлись слухи, и взвесить, насколько безопасно спросить открыто про мэтра Раймонда.

Он предпочитал прятаться в прошлом, а не уезжать в Венгрию или Швецию. Не так много людей при дворе знали его в лицо либо его историю, хотя истории остаются. Париж держался за свои *histories*. А жизнь при этом дворе обычно была короткой. Он нашел знакомые железные ворота – более ржавые, чем раньше, на его ладонях остались рыжие пятна – и распахнул их со скрипом, который услышат все, кто теперь жил в конце этой улицы.

Он должен *увидеть* Гренуя-Лягушку. Нет-нет, не встретиться с ним – он сделал краткий знак против зла, – но взглянуть на него. Помимо всего прочего, ему было необходимо узнать, постарел ли тот человек – если это человек?

– Он определенно человек, – нетерпеливо пробормотал он. – Кто же еще, в конце-то концов?

Он может быть кем-то вроде тебя, ответил он сам себе, и дрожь пробежала по его спине. «*Страх?* – удивился он. – *Предвкушение интригующей философской тайны? Или, может... надежда?*»

– Пропадает зря такая замечательная попка, – сказал по-французски месье Брешен, глядя из дальнего конца каюты вслед поднимавшейся по ступенькам Джоан. – И, *mon Dieu*,²⁰ какие ножки! Представьте, как они обхватят вашу спину, э? Вы бы попросили ее не снимать полосатые чулочки? Я бы попросил.

Прежде Майклу даже в голову такое не приходило, но теперь ему было нелегко избавиться от этой картины. Он поднес к лицу носовой платок и покашлял в него, чтобы скрыть покрасневшее лицо.

Мадам Брешен двинула супруга в бок локтем. Он что-то пробурчал, но не придал этому значения; вероятно, это была у них нормальная форма супружеского общения.

– Бесстыдник, – сказала она без заметного возмущения. – Так говорить о Христовой невесте. Радуйся, что Боженька не поразил тебя ударом молнии.

– Ну, пока еще она не его невеста, – возразил ее супруг. – И вообще, кто создал такую попку? Наверняка Богу будет лестно услышать такое искреннее признание его мастерства. Да еще от человека, который знает толк в подобных вещах. – Он нежно ухмыльнулся мадам, и та смущенно фыркнула.

Тихий смех молодого человека, сидевшего напротив, показал, что месье Брешен не одинок в своей оценке, и мадам направила на него укоризненный взгляд. Майкл тщательно вытер нос, стараясь не встречаться взглядом с месье. Внутри него все дрожало, причем не от шутки попутчика и не из-за шока от неожиданной похоти. Он чувствовал себя ужасно.

Полосатые чулки Джоан исчезли в люке. Месье вздохнул.

– Христос не согреет ей постель, – сказал он, качая головой.

– Зато Христос не будет пердеть в ее постели, – заявила мадам, вынимая вязание.

– *Pardonnez-moi*²¹... – сказал Майкл сдавленным голосом и, прижав платок к губам, торопливо бросился к лестнице, словно застигнутый морской болезнью.

Впрочем, его терзала не *mal de mer*.²² Он увидел Джоан, ее фигурка смутно виднелась в вечернем свете возле релинга, быстро повернулся и ушел на другой край судна, а там вцепился в поручень, словно от этого зависла его жизнь, и позволил мощным волнам горя захлестнуть его, накрыть с головой. Только так он сумел пережить эти последние недели. Держался, сколько мог, ходил с веселым лицом, пока какая-нибудь неожиданная мелочь, обломок эмоционального мусора не ударял его прямо в сердце, словно стрела охотника, и тогда он поспешно упол-

---

²⁰ [20] Господи (*фр.*).

²¹ [21] Извините меня (*фр.*).

²² [22] Морская болезнь (*фр.*).

зал в какое-то укрытие и извивался от бесконечной боли, пока ему не удалось взять себя в руки.

На этот раз такой стрелой стало неожиданное замечание мадам Брешен, и его лицо искажилось болезненной гримасой: он смеялся, несмотря на лившиеся по его щекам слезы, вспоминая Лили. Она съела на обед угрей под чесночным соусом – от них она всегда потом пукала, беззвучно, но смачно. Когда его окутали ужасные миазмы, похожие на ядовитый болотный газ, он стремительно сел на кровати и обнаружил, что она смотрит на него и на ее лице написаны ужас и негодование.

– Как ты *посмел!* – заявила она с видом оскорбленного величия. – *Правда, Мишель.*

– Ты ведь *знаешь*, что это не я!

Она открыла рот, и к ее ужасу и осуждению добавилось еще и негодование.

– О! – воскликнула она, прижимая к груди своего мопса Плонпона. – Ты не только пукаешь словно гниющий кит, ты еще пытаешься свалить вину на моего бедного песика! *Cochon!*²³ – После чего она принялась деликатно трясти свободной рукой простыню, направляя отвратительный запах в его сторону, а песик лицемерно посмотрел на Майкла, повернулся и с большим энтузиазмом лизнул в лицо свою хозяйку.

– О, Иисусе, – прошептал он и, поникнув, прижался лицом к поручню. – О Господи, девочка моя, как я люблю тебя!

Он уронил голову на руки, его тело беззвучно сотрясалось от рыданий; иногда мимо проходили матросы, но никто не замечал его в темноте. Наконец его немного отпустило, и он тяжело вздохнул.

Ладно. Теперь он продержится некоторое время. И он с опозданием поблагодарил Господа, что ехал с Джоан – или сестрой Грегори, если ей нравится, – и должен был немного присматривать за ней. Он не знал, как он смог бы пройти по улицам Парижа до своего дома один. Как он войдет в дом, поздоровается с прислугой, – Джаред тоже будет там? – увидит огорчение на их лицах, выслушает их слова сочувствия в связи с кончиной отца, закажет еду, сядет... все это время желая просто рухнуть на пол их пустой спальни и рыдать словно пропащая душа. Рано или поздно ему придется пройти через это – но только не теперь. И прямо сейчас он с облегчением воспользуется предложенной отсрочкой.

Он решительно высморкался, убрал смятый носовой платок и спустился за корзиной, присланной матерью. Ему самому не лез кусок в горло, но он покормит Джоан и, возможно, еще хоть на минуту отвлечется от своих грустных мыслей.

– Вот как надо делать, – посоветовал ему Йен, его младший брат, когда они стояли вдвоем, опираясь на перекладины загона для овец и подставив лица холодному зимнему ветру, пока их отец безуспешно боролся со смертью. – Старайся, ищи возможность прожить еще одну минуту. Потом еще. И еще одну. – У Йена тоже умерла жена, и он знал, что говорил.

Он утер лицо – при младшем брате он мог рыдать не стесняясь, чего не мог делать при старшем или девочках и, уж конечно, при матери.

– И тогда со временем станет лучше? Ты об этом мне говоришь?

Брат повернулся к нему; с искаженного татуировкой могавков лица смотрели спокойные глаза.

– Нет, – тихо ответил он. – Но через некоторое время ты обнаружишь, что оказался уже в другом месте. И что ты стал не таким, каким был раньше. Тогда ты оглядишься по сторонам и поймешь, что с тобой. Может, найдешь себе дело. Вот *это* помогает.

– Ладно, ничего, – тихо пробормотал Майкл и расправил плечи. – Посмотрим.

---

²³ [23] Свинья! (Фр.)

К удивлению Ракоши, за грубоватой барной стойкой он увидел знакомое лицо испанского карлика. Если Максимилиан Великий и удивился при его появлении, то виду не показал. Другие посетители – пара фокусников, оба однорукие (но у одного отсутствовала правая рука, у другого левая), беззубая карга, которая, шамкая, что-то бормотала над кружкой арака, и нечто, похожее на десятилетнюю девочку, но точно не девочка, – повернулись и уставились на него, но, не увидев ничего примечательного в его поношенной одежде и сумке из мешковины, вернулись к своему занятию – стремлению напиться настолько, чтобы делать потом ночью то, что нужно делать.

Он кивнул Максу, выдвинул расколотый бочонок и сел.

– Что желаете, *señor*?

Ракоши прищурил глаза. Макс никогда не наливал ничего, кроме арака. Но времена изменились; рядом с бочонком грубого бренди стояла хризолитовая бутылка с чем-то еще, возможно, пивом, и бутылка из темного стекла с какой-то надписью мелом.

– Макс, пожалуйста, арак, – ответил он, решив, что лучше выбрать знакомое зло, и с удивлением увидел, как карлик прищурил глаза.

– Как я вижу, вы знали моего почтенного отца, *señor*, – сказал карлик, ставя кружку на стойку. – Вас давно не было в Париже?

– *Pardonnez*, – сказал Ракоши, взял кружку и опрокинул ее содержимое в глотку. Если ты можешь купить больше одной кружки, не позволяй ей скучать в твоей руке. – Ваш почтенный... покойный отец? Макс?

– Максимилиано эль Максимо, – твердо поправил его карлик.

– Конечно. – Ракоши заказал жестом еще одну порцию. – И с кем я имею честь беседовать?

Испанец – впрочем, его акцент был не таким заметным, как у Макса, – с гордостью представился:

– Максим лё Гран, к вашим услугам, *a su servicio!*

Ракоши сдержанно махнул ему рукой и опрокинул в глотку вторую кружку, жестом заказал третью и пригласил Максима присоединиться к нему.

– Давно я тут не был, – сказал он. И не солгал. – Мне интересно, жив ли еще один мой старый знакомый – *мэтр* Раймонд по прозвищу Лягушка!

По воздуху пронеслась легкая дрожь, еле ощутимая вспышка внимания, и тут же пропала, едва он это заметил.

– Что за лягушка? – спросил Максим, неторопливо наливая себе арак. – Сам я не знаю никаких лягушек, но, если услышу о какой-нибудь, что мне сказать? Кто спрашивал про нее?

Надо ли ему назвать свое имя? Нет, пока не надо.

– Это не важно, – ответил он. – Но весточку можно оставить у мадам Фабьен. Вам известно то место? На рю Антуан?

Карлик поднял брови и скривил уголок рта.

– Да, известно.

Несомненно, он знал, подумал Ракоши. «Эль Максимо» не сочетался с ростом Макса, как, впрочем, и «Ле Гран». Бог не лишен чувства справедливости, как и чувства юмора.

– *Bon.*²⁴ – Он вытер губы рукавом и положил на стойку монету, на которую можно было бы купить целый бочонок. – *Merci.*²⁵

Он встал – горячий вкус бренди бурлил на стенке его гортани – и рыгнул. Пожалуй, он побывает еще в двух местах, прежде чем пойдет к Фабьен. Больше двух он уже не потянет, свалится; *все-таки* он *постарел*.

---

²⁴ [24] Хороший (*фр.*).

²⁵ [25] Благодарю (*фр.*).

– Приятного вечера. – Он поклонился компании и осторожно распахнул потрескавшуюся деревянную дверь; она висела на одной кожаной петле, готовой оборваться в любую минуту.

– *Ква-ква*, – сказал кто-то очень тихо, прямо перед тем как за ним закрылась дверь.

Лицо Мадлен озарилось радостью при виде него, и он был растроган. Она была не очень умной, бедняжка, но зато хорошенькой и приветливой, и достаточно давно продавала свое тело, чтобы быть благодарной за доброту к ней.

– Месье Ракоши! – Она обвила руками его шею и страстно прильнула к нему.

– Мадлен, моя дорогая. – Он взял ее за подбородок и нежно поцеловал в губы, крепко прижав к себе. Потом так долго целовал ее веки, лоб, уши – а она пищала от удовольствия, – что сумел почувствовать, как проникает в нее, мысленно оценивая вес ее матки, оценивая ее созревание.

Она казалась теплой, цвет в сердцевине был темно-красно-розовый, такой цвет называют «кровь дракона». Неделю назад она была плотной, твердой, словно сжатый кулак; теперь она становилась мягче, слегка полой, готовилась. Сколько еще дней нужно? Четыре?

Он отпустил ее и, когда она мило надула губки, засмеялся и поднес ее руку к губам, ощущая такой же восторг, какой испытал, когда впервые нашел ее, когда в ответ на его прикосновение между ее пальцами появилось слабое голубоватое сияние. Она этого не видела. Он даже поднес к ее лицу их сцепленные пальцы, а она просто удивленно хлопала глазками, – но оно там было, это сияние.

– Ступай и принеси еще вина, *ma belle*, – сказал он, ласково сжав ей руку. – Мне надо поговорить с мадам.

Мадам Фабьен не была карлицей, но она была маленькой, коричневой и пятнистой, словно жабий гриб мухомор, и такой же зоркой и настороженной; ее круглые, желтые глаза редко моргали и никогда не закрывались.

– Месье граф, – любезно сказала она, кивком приглашая его сесть в обитое штофом кресло в ее *salon*. В воздухе пахло свечным воском и юной плотью – гораздо лучшего качества, чем та, что предлагалась при дворе. Даже так, мадам пришла из того двора и поддерживала свои связи, не делая из этого тайны. Она не скривила лицо, глядя на его одежды, но ее ноздри раздувались, словно она уловила запах закоулков и дешевых пивных, откуда он пришел.

– Добрый вечер, мадам, – сказал он, улыбаясь ей, и поднял свою сумку. – Я принес маленький презент Леопольду. Он не спит?

– Не спит и раздражен, – ответила она, с интересом поглядывая на сумку. – Он только что сбросил кожу – так что не советую делать резких движений.

Это был замечательно красивый – и замечательно большой – питон-альбинос, что бывает очень редко. Мнения насчет его происхождения разделились; половина клиентов мадам Фабьен считала, что змею ей подарил знатный клиент, которого она излечила от импотенции, – некоторые говорили, что даже покойный король. Другие утверждали, что питон и сам когда-то *был* знатным клиентом, который отказался заплатить за оказанные услуги. У Ракоши имелось собственное мнение на этот счет, но ему нравится Леопольд, обычно ручной как кошка и готовый иногда приползти на зов – если у тебя в руке было что-нибудь такое, что он мог принять за корм.

– Леопольд! Месье граф принес тебе угощение! – Фабьен потянулась к огромной плетеной клетке, открыла дверцу и тут же поспешно отдернула руку, словно показывая, что она имела в виду под словом «раздражен».

Почти тут же на свет высунулась огромная желтая голова. У змей прозрачные веки, но Ракоши готов был поклясться, что питон раздраженно заморгал, свернув кольцом свое чудовищно огромное тело, но тут же выскочил из клетки и пополз по полу с поразительной для такого великана быстротой; его язык выскакивал и убирался, словно швейная игла.

Он двигался прямо к Ракоши и, когда подполз, разинул пасть. Ракоши успел схватить сумку, прежде чем Леопольд попытался проглотить целиком ее – или самого графа. Он отскочил в сторону, торопливо схватил крысу и бросил подальше от себя. Леопольд метнул свое тело на крысу со стуком, от которого задрожала ложечка в чашке мадам, и обхватил ее тугим узлом.

– Я вижу, что он раздраженный и голодный, – заметил Ракоши, пытаясь держаться непринужденно. На самом деле у него встали дыбом волосы на руках и шее. Обычно Леопольд ел неторопливо, и такой неистовый аппетит питона, находившегося совсем близко, потряс его.

Фабьен беззвучно смеялась; ее крошечные, покатые плечи вздрагивали под зеленой шелковой китайской туникой.

– На миг я подумала, что он вас проглотит, – сообщила она наконец, утирая слезы. – Тогда мне не надо было бы кормить его целый месяц.

Ракоши оскалил зубы, изобразив на лице выражение, которое можно было при желании принять за улыбку.

– Мы не должны допускать, чтобы Леопольд голодал, – сказал он. – Я хочу договориться насчет Мадлен – и тогда вы какое-то время сможете набивать этого червяка крысами до его желтой задницы.

Фабьен положила платочек и с интересом посмотрела на него.

– У Леопольда два пениса, но я что-то не заметила у него задницы. Двадцать экю в день. Плюс еще два, если ей понадобится одежда.

Он небрежно махнул рукой:

– Я имел в виду нечто более долгое. – Он объяснил свои намерения и с удовлетворением увидел, как лицо Фабьен окаменело от изумления. Но лишь на несколько мгновений; когда он договорился, она уже изложила ему свои начальные требования.

Наконец они пришли к соглашению, выпив полбутылки приличного вина. Леопольд проглотил крысу, и она превратилась в маленькое вздутие на мускульной трубе змеиного тела, но не оказала заметного действия на его поведение; кольца, сверкая золотом, беспокойно скользили по разрисованной ткани, покрывавшей пол, и узоры на его коже под чешуей показались Ракоши похожими на попавшие в ловушку облака.

– Красавец, правда? – Фабьен заметила его восхищение и купалась в нем. – Я вам никогда не рассказывала, откуда он у меня?

– Рассказывали, и не раз. Историй тоже было несколько. – Мадам очень удивилась, а он сжал губы. В этот раз он посещал ее заведение считанные недели, не больше. Он знал ее за пятнадцать лет до этого – хотя тогда лишь пару месяцев. Тогда он не сообщал свое имя, а мадам видела у себя столько мужчин, что вряд ли могла его вспомнить. С другой стороны, едва ли она не поленится припомнить, кому какую историю когда-то рассказывала. Казалось, так и было, потому что она удивительно грациозно пожала плечом и рассмеялась.

– Да, но эта правдивая.

– О, тогда ладно. – Он улыбнулся и, сунув руку в сумку, швырнул Леопольду новую крысу. На этот раз змея двигалась медленнее и не стала душить безжизненную добычу – просто разинула пасть и проглотила ее без лишних хлопот.

– Леопольд – мой старинный друг, – сказала она, нежно глядя на змею. – Я привезла его с собой много лет назад из Вест-Индии. Знаете, он дух-посредник, *Mystère*.²⁶

– Не знаю, нет. – Ракоши выпил еще вина; он просидел с мадам так долго, что чувствовал, как опять трезвеет. – И что же это значит? – Ему было интересно – не столько из-за питона, сколько потому, что Фабьен упомянула про Вест-Индию. Он уже забыл, что она, по ее словам, приехала оттуда много лет назад, задолго до того, как он познакомился с ней впервые.

---

²⁶ [26] Мистерия (*фр.*).

Афиле, любовный порошок, ждал его в лаборатории, когда он вернулся назад; неизвестно, сколько лет он пролежал – слуги не могли вспомнить. Короткая записка Мелизанды – «*Попробуй это. Возможно, это именно его использовал Гренуй-Лягушка*» – была без даты, но наверху листка виднелись каракули: «Роуз Холл. Ямайка». Если у Фабьен сохранились какие-то связи с Вест-Индией, возможно...

– Некоторые люди называют их «лоа», – ее сморщенные губы выпятились вперед, словно она поцеловала это слово, – но те африканские. А *Mystère* – это дух, который выступает посредником между Бонди и нами. Бонди – это, разумеется, *le bon Dieu*, – объяснила она. – Африканские рабы говорят по-французски очень плохо. Дайте ему еще одну крысу, он все еще голодный и напугает девочек, если я позволю ему охотиться в доме.

Еще две крысы – и змея стала похожа на толстую нить жемчуга и теперь была не прочь полежать тихо, чтобы работал только пищеварительный тракт. Язык все еще мелькал, пробуя на вкус воздух, но уже лениво.

Ракоши снова взялся за сумку, взвешивая риски – но, в конце концов, если из Двора Чудес придут новости, его имя будет в любом случае скоро известно.

– Вот я подумал, мадам, поскольку вы знаете в Париже всех, – он поклонился ей, и она милостиво ответила тем же, – знакомы ли вы с неким человеком, известным как мэтр Раймонд? Некоторые называют его Гренуй-Лягушка, – добавил он.

Она моргнула, потом улыбнулась с легким удивлением.

– Вы ищете Лягушку?

– Да. Вы находите это смешным? – Он полез в мешок, нащупывая крысу.

– Немного. Вероятно, я не сказала бы вам это, но раз вы так любезны, – она благодушно посмотрела на кошелек с щедрым платежом, который он положил возле ее чайника, – *мэтр Гренуй ищет вас*.

Он так и замер, сжимая в кулаке мохнатую тушку.

– Что? Вы его видели?

Она покачала головой и, недовольно фыркнув на свой остывший чай, позвонила в колокольчик, вызывая служанку.

– Нет, но я слышала об этом от двух человек.

– Меня спрашивали по имени? – Сердце Ракоши учащенно билось.

– Месье граф Сен-Жермен. Это вы? – Она спросила об этом с легким интересом, не больше. В ее бизнесе ложные имена – дело обычное.

Он кивнул – у него внезапно пересохло во рту, мешая говорить, – и вытащил из сумки крысу. Внезапно она дернулась в его руке, и пронзительная боль в большом пальце заставила его отшвырнуть от себя грызуна.

– Проклятье! *Sacrebleu!*²⁷ Она укусила меня!

Крыса, оглушенная падением, шатаясь, будто пьяная, побежала по полу в сторону Леопольда, язык змеи стал высовываться чаще. Фабьен с криком отвращения бросила в крысу щетку для волос с серебряной ручкой. Крысу испугал стук, она подпрыгнула, упала на лапы и промчалась прямо по голове изумленного питона. Потом прошмыгнула через дверь в вестибюль, где – судя по паническому визгу, – очевидно, встретилась со служанкой, и наконец выскочила на улицу.

– Господи Иисусе и святая Дева Мария, – пробормотала мадам Фабьен, набожно перекрестясь. – Чудесное воскресение. Причем за две недели до Пасхи.

²⁷ [27] Святотатство! (Фр.)

Плавание благополучно завершалось; на рассвете следующего дня показался берег Франции. Джоан увидела его – узкую темно-зеленую черточку на горизонте – и, несмотря на усталость, испытала легкий восторг.

Она совсем не спала, хотя накануне вечером неохотно спустилась вниз с наступлением темноты, завернувшись в плащ и накидку, стараясь не смотреть на молодого мужчину с тенью смерти на лице. Она лежала всю ночь, прислушиваясь к храпу и стонам попутчиков, жарко молилась и в отчаянии думала, неужели молитва – это все, что она могла сделать?

Она часто гадала, неужели во всем, что с ней творилось, виновато ее имя? В детстве она гордилась им; имя было героическое, имя святого, но также имя воина. Ее мать часто говорила ей это. Едва ли мать ожидала, что это имя может принести несчастье.

Конечно, такое случается не со всеми, кто носит имя Джоан, правда? Жалко, что она больше не знала ни одной Джоан, так что спросить не могла. Хотя, если такое действительно случается со всеми, остальные тоже будут помалкивать, как и она сама.

Ты ведь не станешь ходить по улице и сообщать людям, что ты слышала голоса, которых там не было. И уж тем более что ты видела вещи, которых тоже там не было. Ясно, что *не станешь*.

Разумеется, она слышала про ясновидящих; кто же не слышал про них на Шотландском нагорье? И почти все ее знакомые утверждали, что видели странные знамения или предчувствовали, что Ангус Мак-Уин умер, когда прошлой зимой не вернулся домой. И никого не останавливал тот факт, что Ангус Мак-Уин был старым пьянчужкой, грязным и сумасшедшим и что неизвестно, когда он умер, в тот день или нет, не говоря уж о том, что тогда стояли морозы, даже озеро замерзло, и он не мог провалиться под лед.

Но сама она никогда не *встречала* ясновидящих – вот в чем загвоздка. Да и как узнаешь? Разве кто-нибудь станет говорить людям: «Вот какое дело... я ясновидящий», – а они кивнут и скажут: «О, ага, конечно; а что случится со мной в следующий вторник?» – Важнее, впрочем, то, какого дьявола...

– Ой! – В наказание за нечаянное сквернословие она больно прикусила язык и ударила ладонью по губам.

– Что такое? – спросил позади нее встревоженный голос. – Вам больно, мисс Маккимми? Э-э... то есть сестра Грегори?

– М-м! Нет. Нет, я прошто... прикусила язык. – Она повернулась к Майклу Мюррею и осторожно дотронулась пострадавшим языком до нёба.

– Что ж, такое случается, когда говоришь сам с собой. – Он вынул пробку из бутылки, которую держал в руке, и протянул ей бутылку. – Вот, прополощите рот вот этим; хорошо помогает.

Она набрала полный рот жидкости и погоняла ее между щеками; укушенное место на языке болело, но не очень сильно. Потом проглотила, как можно медленнее, чтобы подольше лечить язык.

– Иисусе, Мария и святые ангелы, – испугалась она. – Это что, *вино*? – Вкус во рту так мало походил на жидкость, которую она знала и считала вином, – как яблоко с яблони обладает весьма отдаленным сходством с конскими яблоками.

– Эге, и оно очень хорошее, – скромно ответил он. – Из Германии. Хм-м... хотите еще чуточку?

Она не возражала и с удовольствием выпила еще, почти не слушая его рассказ об этом вине, как оно называется, как его делают в Германии, где он взял его... и все такое. Наконец она пришла в себя настолько, что вспомнила про хорошие манеры, и с неохотой отдала бутылку, теперь наполовину пустую.

– Благодарю вас, сэр, – чопорно сказала она. – Любезно с вашей стороны. Но вам не стоит тратить время и опекать меня; я сама со всем справлюсь.

– Эге, ну... вообще-то я это делаю не для вас, – возразил он и сам сделал приличный глоток. – А для себя.

Она подставила лицо ветру и заморгала. Он покраснел, но не от вина и не от ветра, подумала она.

– Как это?... – удивилась она.

– Ну, я вот о чем хочу вас попросить, – выпалил он и отвел взгляд в сторону. У него ярко горели скулы. – Вы помолитесь за меня? Сестра? И за мою... мою жену? За упокой ее...

– О! – воскликнула она, убитая тем, что она была так поглощена своими собственными страхами и не замечала его горя.

«Господи, считаешь себя ясновидящей, а сама не видишь, что у тебя под носом; дура ты, больше никто, эгоистичная дура». Она накрыла ладонью его руку, лежавшую на поручне, и крепко сжала, пытаясь направить в его плоть чувство Божьей милости.

– Конечно, непременно! – сказала она. – Клянусь, я буду помнить о вас каждую мессу! – На миг она задумалась, уместно ли клясться в таких случаях, но, в конце концов... – И за душу вашей бедной жены, конечно, тоже! Как... э-э... как ее звали? Чтобы я знала, что говорить, когда буду молиться на нее, – торопливо пояснила она, видя, как прищурились от боли его глаза.

– Лилиана, – ответил он так тихо, что она еле расслышала из-за ветра. – Я звал ее Лили.

– Лилиана, – старательно повторила она, стараясь выговаривать слоги так, как он. Какое нежное, милое имя, течет будто вода по камешкам в ручье. Но ты больше никогда не увидишь ручья, с болью подумала она, но прогнала эту мысль и повернула лицо к росшему впереди берегу Франции. – Я запомню.

Он благодарно кивнул, и они стояли так какое-то время, но потом она спохватилась, что ее рука все еще лежит на его руке, и резко отдернула ее. Он с недоумением посмотрел на нее, и она выпалила – потому что как раз думала об этом:

– Какая она была? Ваша жена?

На его лице отразилась невероятная смесь эмоций. Джоан даже не могла определить, чего было больше – горя, смеха или крайнего удивления, – и внезапно поняла, как мало его истинного «я» она видела до этого.

– Она была... – Он пожал плечами и сглотнул. – Она была моя жена, – с нежностью сказал он. – Она была моя жизнь.

Ей бы надо было знать, что сказать ему в утешение, но она не знала.

Она теперь в раю, с Богом? Это была правда, Джоан надеялась на это, но все-таки понимала, что для этого молодого мужчины важно было лишь одно – что его жена сейчас не с *ним*.

– Что с ней случилось? – прямо спросила она вместо этого, только потому что ей показалось, будто надо что-то сказать.

Он тяжело вздохнул и вроде чуточку качнулся; он допил вино, она взяла из его руки пустую бутылку и швырнула ее за борт.

– Инфлюэнца. Все говорят, что все случилось быстро. Мне это быстрым не показалось – но все же так и было, думаю, так и было. За два дня, и Господь свидетель, что я помню каждую секунду тех страшных дней, – но все-таки мне кажется, что я потерял ее между одним биением сердца и следующим. И я – я все время ищу ее там, в том пространстве между. – Он сглотнул. – Она... она была... – Слова «с ребенком» слетели с его губ так тихо, что она еле их услышала.

– Ой, – нежно сказала Джоан, тронутая его словами. – Ой, *chuisse*. – «Кровь сердца» – вот что это означало, и Джоан искренне считала, что именно кровью сердца и была для Майкла его жена. Господи, она надеялась, что он не подумал, будто она имела в виду... нет, не подумал, наоборот, с благодарностью посмотрел на нее, и тугая пружина в ее позвоночнике немного расслабилась. Он все же знал, что она хотела сказать, и, казалось, был рад, что она все поняла.

Заморгав, она отвела взгляд – и увидела молодого мужчину с тенью на лице; он стоял чуть дальше, у фальшборта, опираясь на планшир. При виде него у нее перехватило дыхание в глотке.

При утреннем свете тень казалась еще темнее. Солнце уже нагревало палубу; хрупкие белые облака плыли в голубом и прозрачном французском небе, но туман все же кружился и густел, закрывая лицо молодого человека, окутывая его плечи своим серым покровом.

«Господи, подскажи, что мне делать?» По ее телу пробежал ток, она хотела подойти к молодому человеку и заговорить с ним. Но что она могла сказать? «Вы в опасности, будьте осторожны»? Он примет ее за ненормальную. Но если та опасность такая, где она не может помочь, вот как было с маленьким Ронни и волком, то какая разница, скажет она ему или нет?

Она смутно сознавала, что Майкл с любопытством глядел на нее. Он сказал ей что-то, но она не слушала его, а вместо этого пыталась понять, что творилось в ее голове. Где же эти проклятые голоса, когда тебе срочно *нужен* хоть один?

Но голоса упрямо молчали, и она повернулась к Майклу; у нее даже задергались мышцы на руке, так крепко она держалась за корабельные снасти.

– Простите, – сказала она. – Я слушала невнимательно. Просто задумалась об одной вещи.

– Сестра, если я могу вам чем-то помочь, вам стоит только сказать об этом, – проговорил он со слабой улыбкой. – О! Кстати, об этом, я вот что хотел сказать – я сказал вашей матушке, что, если она захочет писать вам на адрес «Фрэзер *et Cie*», я прослежу, чтобы вы получали письма. – Он пожал плечами: – Я ведь не знаю, какие там правила в монастыре, правда? Насчет писем из мирской среды.

Джоан тоже не знала этого и тревожилась. Услышав слова Майкла, она испытала такое облегчение, что ее лицо засветилось широкой улыбкой.

– Ой, как любезно с вашей стороны! – воскликнула она. – И если бы я могла, может, отвечать?...

Он тоже улыбнулся, обрадовавшись, что может ей чем-то помочь, и следы горя немного стерлись.

– В любое время, – заверил он. – Я прослежу. Вероятно, я мог бы...

Пронзительный крик рассек воздух. Джоан удивленно подняла глаза, решив, что это была одна из морских птиц, которые прилетели с берега и кружили над судном. Но она ошибалась. Молодой человек стоял на планшире, держась за снасти, и прежде чем она успела ахнуть, он разжал руки и исчез.

Париж

Майкл тревожился за Джоан; она сидела в карете поникшая, не глядя в окно, пока ее лица не коснулось слабое дуновение холодного ветра. Запах был такой неожиданный, что он вырвал ее из раковины, слепленной из испуга и несчастья, в которую она спряталась, оказавшись на берегу.

– Матерь Божия! – воскликнула она, зажимая нос ладонью. – Что это такое?

Майкл порылся в кармане, достал грязную тряпку, в которую превратился его носовой платок, и с сомнением посмотрел на него.

– Это городское кладбище. Извините, я не подумал...

– *Moran taing*.²⁸ – Она выхватила у него влажный платок и прижала его к лицу; ей было все равно. – Неужели французы не *хоронят* умерших на кладбищах?! – воскликнула она. Судя по запаху, тысячи трупов были выброшены из сырой земли и разлагались, а кружащие в небе стаи черных воронов никак не улучшали впечатление.

– Они хоронят. – Майкл обессилел – утро было ужасным, но старался держать себя в руках. – Тут повсюду болота; даже если гроб опускают в глубокую яму – хотя так бывает нечасто, – он через несколько месяцев все равно поднимается вверх. И если кладбище затапливается – а это бывает всегда при дождях, – остатки гроба разваливаются, и... – Он сглотнул, радуясь, что не завтракал. – В городе давно ведутся разговоры, что надо перенести хотя бы кости, сложить их в оссуарий, как они это называют. За городом есть старые каменоломни – вон там, – он кивнул головой, – и, возможно... но с этим так ничего и не сделали, – торопливо добавил он, зажав нос и дыша ртом. Но это ничего не меняло – дышишь ты носом или ртом, все равно воздух был такой густой, что хоть ножом режь.

Джоан выглядела больной, так же как и он, а может, и хуже; ее лицо было цвета скисшего крема. Когда матросы наконец достали из моря самоубийцу с опутавшими его ноги водорослями и вылили из него воду, Джоан стошнило, и на ее плаще так и остались следы. Длинные темные волосы были влажными и выбились из-под шляпки. Разумеется, она совсем не спала – как и он.

Он не мог взять ее в монастырь в таком виде. Возможно, монахини и не стали бы возражать, но она сама не захочет. Он протянул руку и постучал в крышу кареты.

– *Monsieur?*

– *Au château, vite!*²⁹

Сначала он отвезет ее домой. Крюк небольшой, в монастыре ее не ждут в какой-то определенный день или час. Она вымоется, поест и придет в себя. И если это к тому же избавит его от необходимости войти в дом одному, что ж, как говорится, доброе дело не останется без награды.

Когда они доехали до рю Тремуленс, Джоан позабыла – немного – свои многочисленные причины для огорчений. Ее захлестнул восторг – ведь она ехала по Парижу. Она еще никогда не видела так много людей в одном месте и в одно время – да и то прежде это были люди, выходявшие из приходской церкви после мессы! За углом началась мостовая, сложенная из ровных, хорошо пригнанных булыжников; она была шире, чем вся река Несс, и на тех камнях стояли с обеих сторон тележки, телеги и лотки, ломившиеся от фруктов и овощей, и цветов, и рыбы, и мяса... Джоан вернула Майклу грязный носовой платок, учащенно дышала как собачка, крутила головой в разные стороны, вдыхая разом все чудесные, соблазнительные запахи.

---

²⁸ [28] Спасибо большое (*гэльск.*).

²⁹ [29] Домой, быстро! (*Фр.*)

– Вы уже выглядите чуточку лучше, – улыбнулся Майкл. – Сам он все еще был бледный, но тоже повеселел. – Вы голодная?

– Я умираю с голода! – Она бросала голодные взгляды на рынок. – Может, мы остановимся и купим яблоко? У меня есть немного денег... – Она полезла за монетами в свой чулок, но Майкл остановил ее:

– Нет, дома полно еды. Меня ждут на этой неделе, так что там все будет.

Она с тоской посмотрела на рынок, потом послушно повернула голову туда, куда он показывал, и высунулась из окна кареты, разглядывая дом, к которому они подъезжали.

– Я таких больших домов в жизни не видела! – воскликнула она.

– Нет-нет, – засмеялся он. – В Лаллиброхе он больше.

– Ну... этот зато выше, – ответила она. Так и было – добрых четыре этажа и огромная крыша из сланца, с зелеными медными швами, в которую вставлено больше дюжины стеклянных окон, и...

Она все еще пыталась сосчитать окна, когда Майкл помог ей выйти из кареты и предложил руку, чтобы вести ее к двери. Она гладела на большие тисовые деревья в бронзовых кадках и думала, сколько же сил надо потратить, чтобы содержать их в чистоте, когда почувствовала, что его рука внезапно застыла и стала словно деревянная.

Она удивленно взглянула на Майкла, потом посмотрела туда же, куда и он, – на дверь его дома. Дверь распахнулась, и по мраморным ступенькам, улыбаясь и что-то крича, спускались три человека.

– Кто это? – шепнула Джоан, наклонившись ближе к Майклу. Невысокий парень в полосатом фартуке был, должно быть, дворецким; она читала про дворецких. Но другой мужчина, джентльмен, гибкий словно ива, был одет в аби и сюртук с лимонными и розовыми полосами, а его шляпу украшало... ну, она предположила, что это перо, но готова была заплатить деньги, чтобы взглянуть на птицу, у которой такие перья. Как ни странно, она почти не обратила внимания на женщину в черном. Но теперь она заметила, что Майкл смотрел только на ту женщину.

– Ле... – начал он и сглотнул. – Ле – Леония. Леония ее имя. Сестра моей жены.

Тогда Джоан пристально посмотрела на нее, потому что, судя по виду Майкла Мюррея, он только что увидел призрак жены. Но Леония была вполне земной, стройной и хорошенькой, хотя на ее лице были заметны те же следы горя, что и у Майкла, оно казалось очень бледным под маленькой изящной треуголкой с крошечным голубым перышком.

– Мишель! – воскликнула она. – О, Мишель! – И со слезами, наполнившими ее миндальные глаза, она бросилась в его объятия.

Чувствуя себя ужасно лишней и ненужной, Джоан немного отошла и смотрела на джентльмена в сюртуке с лимонными полосами. Дворецкий тактично удалился в дом.

– Шарль Пепен, мадемуазель, – представился джентльмен, взмахнув шляпой. Взял ее руку, низко склонился над ней, и теперь она увидела на его ярком рукаве черную траурную ленту. – *A votre service.*³⁰

– О, – сказала она, слегка зардевшись. – Хм. Джоан Маккимми. *Je suis...* э-э... хм...

– Скажи ему, чтобы он так не делал, – сказал внезапно тихий, спокойный голос в ее голове, и она отдернула руку, словно джентльмен укусил ее.

– Рада познакомиться. Ой, извините, – ахнула она и отвернулась. Тут ее стошнило в одну из бронзовых кадок с тисом.

Джоан опасалась, что будет неловко, если она явится в осиротевший и пустой дом Майкла, но подбадривала себя, говоря, что предложит ему утешение и поддержку, как дальняя

³⁰ [30] К вашим услугам (*фр.*).

родственница и Божья дочь. Поэтому она была раздосадована, обнаружив себя целиком и полностью вытесненной из сферы утешения и поддержки и низведенной до ничтожного положения гостыи. Да, ее вежливо обслуживали и периодически спрашивали, хочет ли она еще вина, ломтик окорока, корнишоны... но в остальном игнорировали, тогда как прислуга Майкла, свояченица и... – она не знала положение в доме Шарля Пепена, казалось, у него какие-то личные отношения с Леонией – вроде кто-то сказал, что он ее кузен? – крутились вокруг Майкла как ароматическая вода в ванне, внимательные и проворные, касались его, целовали – ну, правда, она и раньше слышала, что во Франции мужчины целуют друг друга, но невольно вытаращила глаза, когда Пепен смачно расцеловал Майкла в обе щеки и вообще суетился вокруг него.

Впрочем, она испытывала облегчение оттого, что ей не надо поддерживать беседу на французском, можно лишь говорить время от времени просто *merci* и *s'il vous plait*.³¹ Это давало ей шанс справиться с нервами – и с желудком, и она была готова сказать, что вино творило чудеса, – и пристально рассмотреть месье Шарля Пепена.

«Скажи ему, чтобы он так не делал». – «А что ты имеешь в виду?» – спросила она голосом. Ответа не получила, и это ее не удивило. Ее голоса не вникали в детали.

Она не могла сказать, это были женские или мужские голоса; казалось, ни те, ни другие, и еще она гадала – может, они принадлежали ангелам – ведь у ангелов нет пола, и, несомненно, это избавляет их от многих проблем. Голоса Жанны д'Арк имели обыкновение представляться, в отличие от ее голосов. С другой стороны, если голоса действительно ангельские, какой им прок говорить ей свои имена, она все равно их не поймет; так что, пожалуй, поэтому они и не трудились это делать.

Ну, так вот. Неужели нынешний голос имел в виду, что Шарль Пепен невежа? Она пристально посмотрела на него. Нет, не похож. Энергичное, приятное лицо, да и Майклу он вроде нравится – в конце концов, Майкл должен хорошо разбираться в людях, подумала она, ведь он торговец и постоянно общается с людьми.

Но что же не должен делать месье Шарль Пепен? Неужели у него на уме коварство или даже преступление? Или он собирался свести счеты с жизнью, как тот бедный дурачок, их попутчик? На ее руке до сих пор остался след от морских водорослей.

Она незаметно вытерла руку о подол платья, надеясь, что в монастыре голоса оставят ее в покое. Об этом она молилась каждый вечер перед сном. Но если этого не случится, то, по крайней мере, она сможет рассказать об этом, не боясь, что ее упекут в дурдом или побьют камнями на улице. У нее будет исповедник, насколько она знала. Может, он поможет ей понять волю Господа, наделившего ее таким даром без объяснений, что ей с ним делать.

Тем временем за месье Пепеном надо понаблюдать; может, она скажет что-нибудь Майклу перед отъездом. Но что?

Все же она с радостью видела, что Майкл был уже не такой бледный; все суетились вокруг него, кормили лакомыми кусочками, наполняли его бокал, рассказывали последние сплетни. Еще она с радостью обнаружила, что, расслабившись, в основном понимала их разговоры. Они сообщили, что Джаред – должно быть, Джаред Фрэзер, старший кузен Майкла, который основывал их компанию и кому принадлежал этот дом – все еще в Германии, но его ждут в любой момент. Он прислал письмо и Майклу; где же оно? Ничего, найдется... А у мадам Нель де ля Турей была истерика, настоящая *истерика*, при дворе в прошлую среду, когда она столкнулась лицом к лицу с мадемуазель де Перпиньян и на той было платье такого же цвета зеленого горошка, какой носила только де ля Турей – бог весть почему, ведь она всегда выглядела от этого как сыр с плесенью, и она ударила свою служанку за то, что та сказала об этом, да так сильно, что бедная девушка отлетела и ударилась головой о зеркальную стену и разбила ее –

³¹ [31] Пожалуйста (*фр.*).

очень дурной знак, но все разошлись во мнениях, для кого это дурной знак: для де ля Турей, служанки или де Перпиньян.

«Птицы, – сонно думала Джоан, потягивая вино. – Они похожи на веселых крошечных птичек на дереве, чирикающих все разом».

– Дурной знак для белошвейки, сшившей платье для де Перпиньян, – сказал Майкл, и слабая улыбка тронула его губы. – Когда де ля Турей выяснит, кто это. – Его глаза направились на Джоан, сидевшую с вилкой – настоящей вилкой, да еще из серебра! – в руке; ее рот был приоткрыт от стараний следить за беседой.

– Сестра Джоан – то есть сестра Грегори, – простите, что я оставил вас одну. Если вы достаточно поели, вы не хотите принять ванну, прежде чем я отвезу вас в монастырь?

Он уже приподнялся, протянул руку за звонком, и не успела она опомниться, как одна из служанок потащила ее наверх, ловко раздела и, сморщив нос от запаха снятой одежды, завернула Джоан в халат из потрясающего зеленого шелка, легкого как воздух, втокнула в маленькую комнату, отделанную камнем, с медной ванной и потом исчезла, проговорив что-то, из чего Джоан уловила лишь слово «eau» – «вода».

Она сидела на деревянном стуле, прижимая халат к голому телу, а ее голова кружилась от выпитого вина. Она закрыла глаза и вздохнула полной грудью, пытаясь настроиться на молитву. Господь, он всюду, заверила она себя, но смутилась при мысли о том, что он сейчас тут с ней, в парижской ванной. Она еще крепче закрыла глаза и решительно начала читать молитвы по четкам, начав с «Тайны радостные».

Она закончила «Посещение Девой Марией святой Елисаветы» и только тогда немного пришла в себя. Первый день в Париже оказался совсем не таким, как она ожидала. Но все же ей надо что-то написать домой маме, непременно. Если в монастыре ей позволят писать письма.

Служанка вернулась с двумя огромными ведрами горячей воды и с чудовищным плеском опрокинула их в ванну. Следом за ней пришла еще одна, тоже с ведрами. Они подхватили Джоан, раздела и поставили в ванну, не успела она сказать первое слово «Воскресения Господа» для третьей декады.

Они говорили ей что-то по-французски, чего она не понимала, и показывали не очень понятные предметы. Она узнала маленький горшочек с мылом и показала на него, и одна из служанок тут же вылила воду ей на голову и принялась мыть ее волосы!

Она прощалась со своими волосами уже несколько месяцев, когда расчесывала их, смирившись с предстоящей потерей; то ли она сразу пожертвует ими, став новициаткой, или позже, уже послушницей, но все равно ясно, что с ними она расстанется. Шок от умелых и ловких пальцев, растиравших кожу на голове, чувственный восторг от теплой воды, лившейся по волосам, мягкая, влажная их тяжесть на груди – может, это Господь спрашивал, хорошо ли она все продумала? Знала ли она, с чем расстается?

Что ж, она знала. И она *продумала*. С другой стороны... она не могла остановить служанок, правда; это сочли бы за дурные манеры. Тепло воды и выпитое вино заставили кровь быстрее течь по венам; ей казалось, что ее разминают, словно ириску, растягивают, вытягивают, блестящую и падающую упругими петлями. Она закрыла глаза и пыталась припомнить, сколько «Аве Мария» ей надо прочесть в третьей декаде.

Лишь когда служанки подняли ее, розовую и распаренную, из ванны и завернули в удивительно огромное и пушистое полотенце, она резко вынырнула из своего чувственного транса. Холодный воздух напомнил ей, что вся эта роскошь – козни дьявола; наслаждаясь всем этим чревоугодием и грешным купанием, она совсем забыла про молодого мужчину, бедного, отчаявшегося грешника, который бросился в море.

Служанки ушли. Она тут же опустилась на колени на каменный пол и сбросила уютные полотенца, подставив в наказание свою голую кожу холодному воздуху.

– *Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa*,³² – шептала она, стуча кулаком в грудь в пароксизме боли и сожаления. Перед глазами был утонувший молодой парень, его тонкие каштановые волосы, прилипшие к щеке, полузакрытые незрячие глаза – о какой ужасной вещи он подумал, перед тем как прыгнуть в море, раз так закричал?

Она подумала о Майкле, о выражении его лица, когда он говорил о своей бедной жене – возможно, тот самоубийца потерял дорогого ему человека и не мог жить без него?

Ей надо было поговорить с ним. В этом была бесспорная, ужасная правда. Не имело значения, что она не знала, что сказать. Она должна была довериться Богу, и он послал бы ей слова, как сделал это, когда она говорила с Майклом.

– Прости меня, Отче! – страстно проговорила она вслух. – Пожалуйста, прости меня, дай мне силы!

Она предала того бедного парня. И себя. И Господа, который дал ей этот ужасный дар предвидения зря. И голоса...

– Почему вы не сказали мне? – воскликнула она. – Вам нечего и сказать в свое оправдание? – Вот, она принимала их за голоса ангелов, а они были лишь клочками тумана, проникавшими в ее голову, бессмысленными, бесполезными... бесполезными, как и она сама, ох, Господи Иисусе...

Она не знала, долго ли стояла так на коленях, голая, полупьяная, в слезах. Она слышала приглушенный, неодобрительный писк французских служанок, которые сунули головы в комнату и так же быстро отпрянули, но не удостоила их внимания. Она не знала, правильно ли молиться за бедного самоубийцу – ведь это смертный грех, конечно же, он попал прямо в ад. Но она не могла оставить его, не могла. Почему-то она чувствовала, что отвечала за него и так беззаботно позволила ему пасть... конечно же, Господь не сочтет его полностью виноватым, раз это она должна была присмотреть за ним.

Так она и молилась, со всей энергией тела, рассудка и духа просила о милосердии. О милосердии к этому парню, к маленькому Ронни и старому пьянице Ангусу, милосердии к бедному Майклу и душе Лили, его дорогой жены, и нерожденному ребенку. И о милосердии к себе самой, недостойному сосуду Божьего промысла.

– Я исправлюсь! – обещала она, шмыгая носом и вытирая его пушистым полотенцем. – Правда, исправлюсь. Я стану храбрее. Правда.

Майкл взял подсвечник у лакея, пожелал спокойной ночи и закрыл дверь. Он надеялся, что почти-сестра-Грегори удобно устроилась; ведь он распорядился, чтобы ее поместили в главной гостевой комнате. Он был уверен, что она хорошенько выспится. Он лукаво улыбнулся: непривыкшая к вину и явно нервничавшая в незнакомой компании, она выпила почти весь графин хереса, прежде чем он заметил, и сидела на углу с рассеянным взглядом и загадочной улыбкой, напомнившей ему картину, недавно увиденную им в Версале, которую дворецкий назвал тогда «Джоконда».

Конечно же, он не мог взять ее в монастырь в таком виде и отдал ее в руки горничных. Они обе глядели на нее с опаской, словно подвыпившая монахиня – особенно опасное существо.

Он и сам выпил немало в течение дня, особенно за обедом. Они с Шарлем беседовали и пили ромовый пунш. Не говорили ни о чем конкретно, просто он не хотел остаться один. Шарль позвал его в игровые комнаты – Шарль был отъявленным игроком, – но кротко принял его отказ и просто составил ему компанию.

---

³² [32] *Моя вина, моя вина, моя величайшая вина (лат.)* – формула покаяния и исповеди в религиозном обряде католиков с XI века.

Только он подумал о доброте Шарля, как пламя свечи на миг затрепетало и расплылось. Майкл заморгал и тряхнул головой, как оказалось, зря; его желудок взбунтовался, протестуя против такого неожиданного движения. Майкл еле успел донести его содержимое до ночного горшка. Избавившись от выпитого и съеденного, он без сил лег на пол и прижался щекой к холодным доскам.

Нет, конечно, он мог встать и дойти до кровати. Но он не мог смириться с мыслью о холодных, белых простынях, о таких круглых и гладких подушках, словно на них никогда не лежала голова Лили, а кровать никогда не знала тепла ее тела.

Слезы текли по его переносице и капали на пол. Послышался цокот коготков, из-под кровати вылез Плонплон, лизнул его в лицо и заскулил. Майкл сел, прислонившись плечом к кровати, с мопсом на одной руке, и потянулся к графину с портвейном, который оставил дворецкий – по его просьбе – рядом на столике.

Запах был ужасный. Ракоши закрыл нижнюю половину лица шерстяным шарфом, но вонь все равно просачивалась, липла к гортани, ему даже не помогало то, что он дышал ртом. Стараясь вдыхать как можно меньше воздуха, он осторожно пробирался по краю городского кладбища, светя себе под ноги узким лучом темного фонаря. Каменоломня находилась далеко от погоста, но при восточном ветре вонь долетала и туда.

Известняк не добывали здесь уже много лет; ходили слухи, что тут водилась нечистая сила. Так и было. Ракоши знал это точно. Чуждый религии – он был философом и естествоиспытателем, верил в силу разума, – он все-таки невольно перекрестился, ступая на ступени лестницы, которая вела вниз, в шахту, в зловещие недра каменоломни.

Но слухи о призраках, демонах и ходячих мертвецах, по крайней мере, отпугивали всех желающих исследовать странный свет, мерцавший в подземных штольнях каменоломни, если его вообще кто-либо замечал. Хотя на всякий случай... Ракоши раскрыл сумку из мешковины, все еще вонявшую крысами, и вытащил пучок уранинитовых факелов и шелковую клеенку, содержащую несколько локтей ткани, пропитанной селитрой, солями поташа, голубого купороса, ярь-медянкой, маслом сурьмы и еще несколькими интересными веществами из его лаборатории.

Голубой купорос он нашел по запаху и плотно намотал ткань на головку одного факела, затем – тихонько насвистывая – сделал еще три факела, каждый пропитанный разными солями. Он любил эту часть ритуала, такую простую и удивительно прекрасную.

С минуту он постоял, прислушиваясь, но уже давно стемнело, и единственным шумом были сами звуки ночи – кваканье лягушек в далеких болотах возле кладбища и шелест весенней листвы. Несколько хибарок стояли в полумиле от него, и только в одной из дыры для дыма в крыше тускло мерцал огонь. Даже жаль, что никто, кроме него, не увидит этого. Он достал из упаковочного тряпья маленький глиняный тигель и коснулся углем факела, обмотанного тканью. Замигало крошечное зеленое пламя, словно змеиный язык, и тут же вспыхнул яркий шар призрачного цвета.

Он усмехнулся при виде такого зрелища, но нельзя было терять времени; факелы горят не вечно, надо сделать работу. Он привязал сумку к поясу и, держа в одной руке тихо потрескивавший зеленоватый огонь, стал спускаться в темноту.

Внизу он постоял у лестницы и глубоко вздохнул. Воздух был чистый, пыль осела. Тут давно никого не было. Тусклые белые стены отсвечивали под зеленым пламенем мягким, уютковатым светом; перед ним открылся зев штольни, черный, как душа убийцы. Даже хорошо зная это место, даже с факелом в руке, он все равно с трудом заставил себя войти.

«*Может, смерть выглядит именно так?*» – подумал он. Черная пустота, в которую тыходишь с крошечной крупницей веры в руке? Он сжал губы. Что ж, он делал это и раньше,

хоть и не так долго. Но ему не нравилось, что в эти дни мысль о смерти постоянно сидела в уголках его сознания.

Штольня была широкая, тут могли идти рядом два человека, а кровля достаточно высокая. Грубо вырубленный известняк лежал в тени, и факел едва его касался. Боковые штольни были более узкими. Он стал считать штольни с левой стороны и невольно ускорил шаги, когда проходил четвертую. Там *это* и лежало, в боковом туннеле, поворот налево, потом еще налево – или это «*widdershins*», как это называют англичане, движение против часовой стрелки, против солнца? Он вспомнил, что так это называла Мелизанда, когда привела его сюда.

Шестая. Факел уже начал мигать, он вытащил из сумки другой и зажег от первого, а тот бросил на землю у входа в боковой туннель, оставив его гореть и дымиться, от дыма у него запершило в горле. Он знал дорогу, но даже при этом было полезно оставлять заметки тут, в царстве вечной ночи. В шахте были глубокие залы. В одном, дальнем, на стенах были странные рисунки несуществующих животных, изображенных с поразительной живостью, как будто они могли спрыгнуть со стены и убежать в любой момент. Иногда – редко – он проходил весь путь до потрохов земли, просто чтобы посмотреть на них.

Новый факел горел теплым светом природного огня, а белые стены теперь стали розоватыми, как и грубоватый рисунок на сюжет Благовещения в конце этого коридора. Ракоши не знал, чья рука создала рисунки, встречавшиеся в разных местах каменоломни – большинство были на религиозную тему, немногие подчеркнута *нет*, – но все были полезными. В стене возле Благовещения было железное кольцо, и он вставил туда факел.

Повернись спиной к Благовещению, потом три шага... Он топнул ногой, вслушиваясь в слабое эхо, и нашел его. В сумке он принес совок и через считанные минуты откопал лист олова, закрывавший его тайник.

Тайник был квадратный, три фута шириной и три глубиной – всякий раз, глядя на этот совершенный куб, Ракоши испытывал удовлетворение, потому что любой алхимик был заодно и нумерологом. Тайник был обшит досками и заполнен наполовину, лежавшие там вещи были завернуты в мешковину или полотно, все они были такие, которые не понесешь открыто по улицам. Ему пришлось немного повозиться, развертывая и завертывая упаковку, пока он искал то, что ему нужно. Мадам Фабьен выставила жесткие, но справедливые условия: по двести экю в месяц сроком на четыре месяца за гарантированное эксклюзивное пользование услугами Мадлен.

Четырех месяцев наверняка хватит, размышлял он, нащупывая сквозь ткань круглые предметы. Вообще, он думал, что и одной ночи будет достаточно, но его мужская гордость отступала перед благоразумием ученого. И если даже... всегда существует шанс раннего выкидыша; он хотел быть уверенным, что ребенок будет, прежде чем выполнять новые эксперименты с пространством между временами. Если он будет знать, что часть его самого – кто-то с его странными способностями – останется, просто на всякий случай, в *этом* времени...

Он мог чувствовать *это* тут, где-то в давящей тьме за его спиной. Он понимал, что сейчас не мог это слышать; оно безмолвствовало, кроме дней солнцестояния и равноденствия, когда ты действительно входил в него... но он ощущал звук его своими костями, и поэтому его руки дрожали, когда он возился с тряпьем.

Блеск серебра, золота. Он выбрал две золотые табакерки, филигранное ожерелье и – после некоторых колебаний – маленький серебряный поднос. «Почему пустота не воздействует на металл?» – удивился он в тысячный раз. Действительно, если с тобой золото или серебро, тебе легче путешествовать во времени – или, по крайней мере, ему так казалось. Мелизанда говорила ему, что это так. Но драгоценные камни всегда разрушались в пути сквозь время, хотя и давали максимальный контроль и защиту.

Отчасти это было понятно; все знали, что самоцветы обладают специфической вибрацией, которая соотносится с небесными сферами, а сами сферы, конечно, влияют на землю.

Как наверху, так и внизу. Но все же он не понимал, как вибрации влияли на пространство, портал... на это. Мысли об этом вызвали в нем желание, потребность потрогать их, убедить самого себя, и он отложил в сторону свертки, стал рыть в левом углу тайника, где, если нажать на определенную шляпку гвоздя, одна доска отделялась и плавно поворачивалась на шпindelях. Он сунул руку в темную щель, нащупал маленький замшевый мешочек, и, как только прикоснулся к нему, чувство неуверенности немедленно рассеялось.

Он развязал мешочек и высыпал на ладонь его разноцветное содержимое, сверкавшее в темной тени: яркую белизну бриллиантов, лавандовые и фиолетовые аметисты, золотое сияние топазов и цитринов. Достаточно?

Достаточно, чтобы перенестись назад, – это точно. Достаточно, чтобы с некоторой точностью управлять собой, выбрать, насколько далеко он окажется. Но достаточно ли, чтобы перенестись вперед?

Он взвесил на ладони сверкающую пригоршню и осторожно высыпал их назад. Нет, еще не пора. Но у него пока было время на поиски; он никуда не собирался как минимум четыре месяца. Пока он не убедится, что у Мадлен все хорошо и что она носит в своем чреве его ребенка.

– Джоан, – Майкл взял ее за локоть, удерживая, чтобы она не выпрыгнула из кареты. – Вы уверены? Ну, если вы не вполне чувствуете себя готовой, оставайтесь в моем доме, пока не...

– Я готова. – Она не глядела на него, а ее лицо было бледным, словно брусок свиного жира. – Пожалуйста, позвольте мне уйти.

Он с неохотой отпустил ее руку, но настоял, что пойдет с ней и позвонит в колокольчик у ворот, а там все объяснит привратнице. Но все это время он чувствовал, как она дрожала словно бланманже. Что это, страх или вполне понятные нервы? Он и сам чувствовал себя немного странно, ведь произошли такие перемены, начало новой жизни, так отличающейся от всего, что было прежде.

Привратница ушла за монахиней, отвечающей за новициаток, новеньких, и оставила их в маленьком дворике возле ворот. Оттуда он видел освещенный солнцем двор с аркадой вдоль дальней стороны, а справа обширный сад и огород. Слева высилось здание больницы, которую содержал орден, а за ним другие монастырские постройки. Место красивое, подумал он, надеясь, что ее страхи рассеются при виде такого благолепия.

Она всхлипнула. Он встревожился, увидев, что по ее щекам текло что-то, похожее на слезы.

– Джоан, – тихо сказал он и протянул ей свой свежий носовой платок. – Не бойтесь. Если я вам понадоблюсь, пошлите за мной в любое время, и я приеду. И насчет писем я говорил серьезно.

Он хотел добавить что-то еще, но тут вернулась привратница с сестрой Евстасией, которая встретила Джоан с материнской добротой. Кажется, это утешило девушку, потому что она всхлипнула, выпрямилась и, сунув руку в карман, вынула маленький, сложенный квадратик, очевидно, заботливо сохраненный во время поездки.

– *J'ai une lettre*,³³ – сказала она на неуверенном французском. – *Pour Madame le... pour...* мать-настоятельница? – еле слышно сказала она. – Мать Хильдегарда?

– *Oui*?³⁴ – Сестра Евстасия взяла записку с такой же бережностью, с какой она была отдана.

– Это от... нее, – сказала Джоан Майклу. У нее иссяк запас французских слов. Она по-прежнему не смотрела на него. – От папиной... э-э... жены. Ну, вы знаете. Клэр.

---

³³ [33] У меня есть письмо (фр.).

³⁴ [34] Да? (Фр.)

– Господи Иисусе! – выпалил Майкл, заставив привратницу и сестру Евстасию с укором посмотреть на него.

– Она сказала, что была подругой матери Хильдегарды. И если она еще жива... – Она бросила взгляд на сестру Евстасию, вероятно, понимавшую ее слова.

– О, мать Хильдегарда, конечно, жива, – завершила она Джоан по-английски. – И ей, несомненно, будет интересно поговорить с вами. – Она сунула записку в свой вместительный карман и протянула руку. – Итак, моя дорогая девочка, если вы готовы...

– *Je suis prêt*,³⁵ – ответила Джоан дрожащим голосом, но с достоинством. Так Джоан Маккимми из Балриггана вошла в ворота монастыря Ангелов, сжимая в кулаке чистый носовой платок Майкла Мюррея и ощущая запах душистого мыла его умершей жены.

Майкл отпустил карету и беспокойно бродил по городу. Ему не хотелось возвращаться домой. Он надеялся, что монахини будут добры к Джоан, надеялся, что она приняла верное решение.

Конечно, утешал он себя, какое-то время она еще не будет монахиней. Он не знал, сколько проходило времени от поступления в монастырь до пострига в монахини, когда произносился обет бедности, целомудрия и послушания, но уж не меньше нескольких лет. У нее еще будет время убедиться, что она хочет этого. И она была, по крайней мере, в безопасном месте. Взгляд, полный ужаса и огорчения, который она бросила через ворота монастыря, все еще преследовал его. Он шел к реке, где вечерний свет отражался в воде словно в бронзовом зеркале. Рыбаки устали, дневные крики затихли. При таком освещении отражение лодок, скользивших домой, казалось более реальным, чем сами лодки.

Он удивился тому письму и гадал, имело ли оно какое-то отношение к огорченному состоянию Джоан. Он и не знал, что жена его дяди была как-то связана с монастырем Ангелов – хотя теперь он порылся в памяти и вспомнил, как Джаред упоминал, что дядя Джейми недолго, еще до Восстания, работал в Париже в винной торговле. Он предположил, что Клэр тогда, возможно, и познакомилась с матерью Хильдегардой... но все это было еще до его рождения.

При мысли о Клэр он ощутил странное тепло; вообще-то он не мог думать о ней как о своей тетке, хотя она была ею. Он провел с ней в Лаллиброхе не так много времени – но не мог забыть тот момент, когда она встретила его в дверях, одна. Кратко поздоровалась и, повинуясь импульсу, обняла. И он мгновенно почувствовал облегчение, словно она сняла тяжесть с его сердца. Или, может, вскрыла нарыв в его душе, как могла вскрыть на его заднице.

При мысли об этом он невольно улыбнулся. Он не знал, кто она – в Лаллиброхе кто-то считал ее ведьмой, а кто-то ангелом, но в большинстве мнения осторожно склонялись к определениям «фейри» – «фея», поскольку Старый народец был опасным, и все старались не говорить о нем слишком много, – но она ему нравилась. Отцу и Молодому Йену тоже, а это много значило. И дяде Джейми, конечно, – хотя все говорили, что дядя Джейми околдован. Майкл усмехнулся. Эге, если любить собственную жену было следствием колдовства.

Если бы кто-нибудь за пределами их семьи знал, что она им говорила... Он прогнал эту мысль. Этого он не мог забыть, но думать не хотел. Про кровь, текущую по сточным канавам Парижа. Он невольно посмотрел вниз, но каналы были полны обычным ассортиментом отбросов, дохлыми крысами и кусками пищи, слишком испорченными, чтобы на них позарились даже уличные попрошайки.

Он шел, медленно пробираясь по многолюдным улицам, мимо Нотр-Дама и Тюильри. Если он много ходил, то иногда ему удавалось заснуть без дюжины бокалов вина.

Он вздохнул и, работая локтями, пробрался сквозь группу бродячих музыкантов, толпившихся у таверны, потом повернул к рю Тремулен. В иные дни его голова была похожа на

³⁵ [35] Готова (фр.).

тропу среди ежевики: колючки впивались в него, куда бы он ни повернул, и невозможно было выбраться из зарослей.

Париж – небольшой город, но сложный, в нем есть места, где всегда можно погулять. Майкл пересек площадь Согласия, думая о том, что говорила им Клэр, и мысленно видя высокую тень от ужасной машины.

Джоан обедала рядом с матерью Хильдегардой, такой древней и святой, что девушка боялась даже дышать слишком сильно, а то вдруг преподобная мать-настоятельница рассыплется на крошки словно черствый круассан и душа ее полетит на небо прямо у нее на глазах. Впрочем, мать Хильдегарда невероятно обрадовалась письму, которое привезла Джоан, у нее даже слегка порозовело лицо.

– От моей... э-э... – Святые Марфа, Мария и Лазарь, как по-французски «мачеха»? – Э-э... жена моего... – Не знала она и как перевести «отчим»! – Жена моего отца, – нерешительно закончила она.

– Ты дочка моей милой подруги Клэр! – воскликнула монахиня. – И как она поживает?

– Бонни, э-э... то есть *bon*, когда я видела ее в последний раз, – ответила Джоан и потом попыталась что-то объяснить, но вокруг нее все говорили очень быстро по-французски, и она замолчала и взяла бокал вина, который предложила ей мать Хильдегарда. Так она станет пьяницей задолго до того, как примет постриг, подумала она и, пытаясь спрятать свое покрасневшее лицо, нагнулась и погладила крошечную собачку настоятельницы, пушистое, добродушное существо цвета жженого сахара по кличке Бутон.

Благодаря то ли вину, то ли доброте настоятельницы она немного успокоилась. Мать Хильдегарда приветствовала ее в общине и в конце трапезы поцеловала в лоб, а потом отправила с сестрой Евстасией осматривать монастырь.

И вот она лежала на узкой кровати в дортуаре, слушая дыхание дюжины других новициаток. Ей казалось, что она в коровнике – такой же теплый, влажный воздух, только без запаха навоза. Ее глаза наполнились слезами, когда внезапно и живо ей представился их каменный коровник в Балриггане. Но она прогнала слезы и плотно сжала губы. Несколько девушек тихонько рыдали, тоскуя по дому и семье, но она не хотела быть такой, как они. Она была старше многих из них – некоторым было не больше четырнадцати, – и она обещала Господу, что будет держаться.

День прошел неплохо. Сестра Евстасия была очень добра. Она провела ее и парочку других новеньких по территории монастыря, показала большой сад с лекарственными травами, фруктами и овощами для кухни, храм, где шесть раз в день служили молебны плюс мессу по утрам, хлевы и кухни, где они будут поочередно работать, и большую больницу Ангелов – главное место трудов в монастыре. Они видели больницу только снаружи, внутрь они пойдут завтра, когда сестра Мари-Амадеус объяснит им их обязанности.

Это было нелегко, конечно, – все-таки она понимала только половину того, что ей говорили люди, и была уверена по выражению их лиц, что они понимали еще меньше из того, что она пыталась им сказать, – но замечательно. Ей нравились духовная дисциплина, часы молитвы с ощущением покоя и единения, которое нисходило на сестер, когда они вместе пели и молились. Нравились строгая красота храма, потрясающая элегантностью, тяжелые линии гранита и грация резьбы по дереву, легкий запах ладана в воздухе, словно дыхание ангелов.

Новициатки молились вместе со всеми, только не пели. Их будут учить музыке – как чудесно! В юности мать Хильдегарда была, по слухам, знаменитой музыкантшей и считала музыку одной из самых важных форм молитвы.

Мысль о новых вещах, которые она увидела, и о тех, что еще предстояло увидеть, отвлекли ее – чуточку – от воспоминаний о голосе матери, о ветре с пустоши, о... Она тороп-

ливо прогнала такие мысли и взяла в руки новые четки, тяжелые, с гладкими деревянными бусинами, приятные на ощупь и успокаивающие.

Самое главное, тут был покой. Она совсем не слышала голоса, не видела ничего странного или тревожащего. Она была не настолько дурочкой, чтобы поверить, что она избавилась от своего опасного дара, но, по крайней мере, тут ей могли помочь, если... когда... все это вернется.

И по крайней мере, она уже знала достаточно латынь, чтобы правильно произносить святы молитвы. Ее тут научили.

– *Ave, Maria*, – прошептала она, – *gratia plena, Dominus tecum*,³⁶ – и закрыла глаза. Тоска по дому затихла, когда четки медленно и бесшумно заскользили под ее пальцами.

---

³⁶ [36] *Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с тобою (лат.)* – первая строка католической молитвы к Деве Марии.

На следующий день

Майкл Мюррей стоял в проходе винного склада, страдая от жестокого похмелья. Он проснулся с ужасной мигренью, потому что выпил накануне много всего на пустой желудок, и хотя головная боль уже отступила и лишь слабо пульсировала в затылке, ему все равно казалось, будто его растоптали и бросили умирать. Его кузен Джаред, владелец «Фрэзер *et Cie*», поглядел на него холодным взглядом бывшего человека, покачал головой, вздохнул, но ничего не сказал, лишь забрал список из его бесчувственных пальцев и стал считать сам.

Лучше бы уж Джаред упрекнул его. Все жалели его, ходили вокруг него на цыпочках. И словно мокрая повязка на рану, их забота лишь растревляла боль от потери Лили. Появление Леонии тоже не помогало – да, она была очень похожа на Лили внешне, но по характеру совсем другая. Она говорила, что они должны поддерживать и утешать друг друга, что она будет часто приезжать в его дом. А ему на самом деле хотелось, чтобы она просто исчезла, хотя он и стыдился такой мысли.

– Как там маленькая монахиня? – Голос Джареда, как всегда, сухой и деловитый, вырвал его из терзающих и туманных мыслей. – Ты проводил ее в монастырь? Все нормально?

– Угу. Ну... угу. Более-менее. – Майкл выдавил из себя слабую улыбку. Этим утром ему не слишком хотелось думать и о сестре Грегори.

– Что ты дал ей с собой? – Джаред протянул список Умберто, итальянцу, отвечавшему за этот склад, и пристально посмотрел на Майкла. – Надеюсь, не новую риюху, которая у тебя не пошла?

– А-а... нет. – Майкл старался сфокусировать внимание. У него кружилась голова от фруктовых испарений из бочек, в которых зрело вино. – Я пил мозель. В основном. И чуточку ромового пунша.

– О, понятно. – Старческие губы Джареда скривились. – Разве я не говорил тебе, чтоб ты не мешал вино с ромом?

– Ну, говорил раз двести, не больше. – Джаред шел по узкому проходу, и Майкл волея-неволей поспевал за ним. По обе стороны от них громоздились до потолка бочки.

– Ром – демон. А виски – виртуозное утешение, – изрек Джаред, останавливаясь возле стеллажа с небольшими черными бочонками. – Если виски хорошо сделано, оно никогда тебя не подведет. Кстати... – он постучал по доньшку одного бочонка, и он издал резонирующий и глубокий звук «*туннк*», говоривший, что бочонок полон, – что это? Он прибыл из доков сегодня утром.

– О, ай... – Майкл подавил отрыжку и болезненно улыбнулся. – Это, кузен, *uisge baugh*, в память о моем отце. Йен Аластер Роберт Маклеод Мюррей и дядя Джейми сделали его зимой. Они решили, что тебе понравится маленький бочонок для твоего персонального употребления.

Джаред поднял брови и бросил искоса быстрый взгляд на Майкла. Потом повернулся и посмотрел на бочонок, нагнулся и понюхал паз между крышкой и клепками.

– Я пробовал, – заверил его Майкл. – Не думаю, что ты отравишься. Но, пожалуй, его не мешает выдержать пару годков.

Джаред издал странный звук горлом, а его рука нежно погладила выпуклый бок бочонка. Так он постоял пару мгновений, словно молился, потом внезапно повернулся и обнял Майкла. Он хрипло дышал, охваченный горем. Он был на годы старше, чем отец Майкла и дядя Джейми, и знал обоих всю их жизнь.

– Мне жалко твоего отца, парень, – буркнул он и отпустил Майкла, похлопав его по плечу. Посмотрел на бочонок и горько вздохнул. – Скажу тебе, что виски получится отменное. – Он замолк, медленно дыша, потом кивнул, словно принял какое-то решение.

– Я тут вот что придумал, *a charaid*, дружище. После того как ты уехал в Шотландию, я все думал и прикидывал, и теперь, когда у нас родственница в монастыре, так сказать... Пойдем со мной в контору, и я расскажу тебе.

На улице было холодно, но в мастерской ювелира уютно, словно в чреве матери: фарфоровая печь пульсировала от жара, на стенах висели вязаные шерстяные драпировки. Ракоши поскорее развязал шерстяной шарф. Нельзя потеть в помещении: пот охлаждал, но когда ты снова выходил на улицу, то сразу понимал, что в лучшем случае у тебя будет грипп, а в худшем плеврит или пневмония.

Сам Розенвальд был в комфортной рубашке и сюртуке, но даже без парика – его голый череп согревал лиловый тюрбан. Короткие пальцы ювелира гладили изгибы подноса из восьми лепестков, перевернули его – и замерли. Ракоши почувствовал спиной холодок опасности и принял непринужденный, уверенный в себе вид.

– Могу я вас спросить, месье, откуда у вас эта вещь? – Розенвальд поднял на него глаза, но на лице старого ювелира не было и следа обвинения – только осторожный восторг.

– Наследство, – ответил Ракоши с серьезным и невинным видом. – Мне оставила его старая тетка – и еще несколько других вещиц. А что, поднос стоит больше, чем серебро, из которого он сделан?

Ювелир раскрыл рот, потом закрыл и посмотрел на Ракоши. «Интересно, честный ли он? – с интересом подумал Ракоши. – Он уже сказал мне, что это нечто особенное. Объяснит ли он мне почему, в надежде получить и другие предметы? Или солжет, чтобы купить поднос подешевле?» У Розенвальда была хорошая репутация, но ведь он еврей.

– Поль де Ламери, – с пиететом пояснил Розенвальд, проведя указательным пальцем по авторскому клейму. – Это изделие Поля де Ламери.

По позвоночнику Ракоши пробежал ужас. *Merde!*³⁷ Он принес на продажу не ту вещь!

– Правда? – спросил он, изображая любопытство. – Это что-то означает?

«Это означает, что я идиот», – подумал он и был уже готов выхватить у ювелира поднос и убежать. Но старик унес его под лампу, чтобы рассмотреть внимательнее.

– Де Ламери был одним из лучших ювелиров, работавших в Лондоне – возможно, и в мире, – пробормотал Розенвальд, словно говорил сам с собой.

– В самом деле? – вежливо отозвался Ракоши. Он все-таки вспотел. *Nom d'une pipe!* Черт побери! Впрочем, постой – Розенвальд сказал «был». Значит, де Ламери умер, слава те господи! Возможно, герцог Сандрингем, у которого я украл поднос, тоже умер? И он с облегчением перевел дух.

Он никогда не продавал что-либо приметное в течение ста лет после его приобретения – таков был его принцип. Он выиграл другой поднос в карты у богатого купца в Нидерландах в 1630 году, а этот украл в 1745 году – слишком недавно, чтобы не волноваться. И все же...

Его размышления прервал звон серебряного колокольчика над дверью: вошел молодой мужчина и снял шляпу, обнажив темно-рыжие волосы. Одет он был *à la mode* и обратился к ювелиру на превосходном французском с парижским акцентом, но на француза он не был похож. Длинноносый, с чуть раскосыми глазами. Лицо казалось знакомым, но все же Ракоши был уверен, что никогда прежде не видел этого человека.

– Пожалуйста, сэр, продолжайте, – сказал с вежливым поклоном молодой человек. – Я не хотел вас прерывать.

– Нет-нет, – ответил Ракоши, шагнув вперед, и показал мужчине на стойку ювелира! – Мы с месье Розенвальдом просто обсуждали стоимость этой вещицы. Мне еще надо подумать. – Он протянул руку и схватил поднос, почувствовав себя немного лучше. Он колебался: если он

³⁷ [37] Черт! (Фр.)

решит, что продавать поднос слишком рискованно, то сможет спокойно уйти, пока Розенвальд будет заниматься с рыжеволосым мужчиной.

Казалось, еврей удивился, но после секундного замешательства кивнул и повернулся к молодому человеку, который представился как Майкл Мюррей, виноторговец, партнер в «Фрэзер *et Cie*».

– Я полагаю, что вы знакомы с моим кузеном Джаредом Фрэзером?

Круглое лицо Розенвальда немедленно просияло.

– О, разумеется, сэр! Человек с самым изысканным вкусом и острым глазом. Я сделал по его заказу кувшин для вина с мотивом из подсолнухов, еще и года не прошло!

– Я знаю, – улыбнулся молодой человек; от улыбки его глаза прищурились, а на щеках появились морщинки, и в мозгу Ракоши снова зазвенел колокольчик узнавания. Но услышанное имя ничего ему не говорило – только лицо, да и то смутно. – У моего дяди есть еще один заказ, если вы не возражаете.

– Я никогда не отказываюсь от честной работы, месье. – Судя по удовольствию на румянном лице ювелира, честная работа, да еще хорошо оплаченная, его вполне устраивала.

– Что ж, тогда – позвольте? – Молодой человек вынул из кармана сложенный лист бумаги, но при этом посмотрел на Ракоши, вопросительно подняв брови. Ракоши кивнул ему, чтобы тот продолжал, а сам стал разглядывать музыкальный ящик, стоявший в комнате – массивный предмет величиной с коровью голову, украшенный почти обнаженной нимфой, одетой в легчайшую золотую тунику и танцующую на грибах и цветах в компании с большой лягушкой.

– Потир,³⁸ – объяснял Мюррей, положив бумагу на стойку. Краем глаза Ракоши увидел на нем список имен. – Это дар в храм монастыря Ангелов в память о моем покойном отце. Моя молодая кузина только что ушла в этот монастырь, – сообщил он. – Поэтому месье Фрэзер счел это место самым подходящим.

– Превосходный выбор. – Розенвальд взял список. – И вы хотите, чтобы на потире были написаны все эти имена?

– Да, если вы сможете.

– Месье! – Розенвальд обиженно всплеснул руками, ведь была задета его профессиональная честь. – Это дети вашего отца?

– Да, в самом низу. – Мюррей склонился над стойкой и, водя пальцем по строчкам, медленно и внятно прочел иностранные имена. – Наверху имена моих родителей: Йен Аластер Роберт Маклеод Мюррей и Джанет Флора Арабелла Фрэзер Мюррей. А теперь я – то есть мы – хотим вставить еще эти два имени: Джеймс Александер Малкольм Маккензи Фрэзер и Клэр Элизабет Бошан Фрэзер. Это мои дядя и тетя. Дядя был очень дружен с моим отцом, – пояснил он. – Почти как брат.

Он продолжал говорить что-то еще, но Ракоши не слушал. Он схватился за край стойки, в глазах у него все замелькало, даже показалось, что нимфа усмехнулась ему.

Клэр Фрэзер. Так звали ту женщину, а ее муж, Джеймс, был родом из Шотландии. Так вот кого напомнил ему этот молодой мужчина, хотя тот был не таким видным, как... Но *La Dame Blanche!*³⁹ Это была она, точно она.

И в следующее мгновение ювелир подтвердил это, резко отпрянув от листа с именами, словно одно из них могло выпрыгнуть из строки и укусить его.

– Это имя... принадлежит вашей тетке? А она и ваш дядя жили когда-нибудь в Париже?

– Да, – ответил Мюррей, слегка удивившись. – Может, лет тридцать назад – но совсем недолго. Вы знали ее?

---

³⁸ [38] Потир – церковная чаша на высокой ножке для освящения вина и принятия причастия.

³⁹ [39] Белая леди (*фр.*) – призрак женщины в белой одежде, образ которой встречается в англосаксонской, германской, славянской и других фольклорных традициях.

– Э-э, не скажу, что я был лично знаком, – ответил Розенвальд с хитрой улыбкой. – Но она была... известна в городе. Люди называли ее *La Dame Blanche*.

Мюррей заморгал, явно удивленный.

– Правда? – Он выглядел скорее огорченным.

– Да, но это было очень давно, – поспешно проговорил Розенвальд, явно подумав, что сказал лишнее. Он махнул рукой на заднюю комнату: – Минуточку, месье. Вообще-то, у меня уже есть потир, не желаете ли взглянуть? И еще дискос.⁴⁰ Если вы возьмете обе вещи, мы можем договориться о скидке. Они делались для клиента, который неожиданно скончался, я тогда еще не успел закончить потир, так что там почти нет декора – много места для имен. Может, мы напишем хм... ваших дядю и тетю на дискосе?

Мюррей кивнул, заинтересовавшись, и, следуя жесту Розенвальда, обогнул стойку и прошел за стариком в заднюю комнату. Ракоши сунул поднос из восьми лепестков под мышку и тихо вышел. В его голове роились бесчисленные вопросы.

Джаред поглядел на Майкла, покачал головой и склонился над своей тарелкой.

– Я не пьян! – выпалил Майкл и опустил пылающее лицо. Но даже так он чувствовал, как глаза кузена сверлили его макушку.

– Сейчас нет. – Голос Джареда звучал спокойно, почти ласково, в нем не слышалось обвинений. – Но ты напился накануне. Ты не прикоснулся к обеду, да и лицо у тебя будто испорченный воск.

– Я... – Слова застряли в его глотке. Угри под чесночным соусом. Запах от этого кушанья. Он вскочил со стула, не зная, то ли его стошнит, то ли из его глаз хлынут слезы.

– У меня нет аппетита, кузен, – с трудом проговорил он и отвернулся. – Прости.

Он хотел уйти, но колебался слишком долго, ему не хотелось подниматься в спальню, где больше нет Лили, но и не хотелось выбежать на улицу, чтобы не показаться вздорным. Джаред встал и с решительным видом подошел к нему.

– Я и сам не слишком голоден, *a charaid*, дружище, – сказал Джаред, взяв его под руку. – Пойдем, посиди со мной немного, выпьешь. Это успокоит твою душу.

Ему не очень хотелось, но больше он ничего не мог придумать и через несколько минут уже сидел перед душистым огнем, в котором потрескивали поленья из старых яблонь, с бокалом отцовского виски, и тепло от обеих приятностей растворяло стеснение в его груди и глотке. Он понимал, что это не лечило его горе, но зато позволяло ему дышать.

– Хорошая штука, – сказал Джаред, осторожно, но одобрительно нюхая виски. – Даже в таком виде, без выдержки. А уж через пару лет вообще будет чудо.

– Угу. Дядя Джейми знает в этом толк. Он сказал, что много раз делал виски в Америке. Джаред засмеялся.

– Твой дядя Джейми всегда знает свое дело, – сказал он. – Вот только это знание не спасает его от неприятностей. – Он поерзал, устраиваясь поудобнее в своем старом кожаном кресле. – Если бы не восстание, он скорее всего остался бы тут, со мной. Да-а... – Старик вздохнул с сожалением и поднял свой бокал, рассматривая его содержимое. Жидкость все еще была почти такая же светлая, как вода – ее выдерживали лишь несколько месяцев, – но у нее был чуть вязкий вид хорошего, крепкого спирта, словно она могла ненароком выползти из бокала.

– Если бы он остался, тогда меня, думаю, тут бы не было, – сухо заметил Майкл.

Джаред удивленно посмотрел на него.

---

⁴⁰ [40] Дискос – церковный сосуд, представляющий собой круглое металлическое блюдо на невысокой ножке, используется во время литургии.

– Ох! Я вовсе не имел в виду, что ты плохая замена для Джейми, парень. – Он лукаво улыбнулся, и у него увлажнились глаза. – Во все нет. Ты самое лучшее, что у меня было. Ты и милая малышка Лили и... – Он кашлянул. – Я... ну, я не могу сказать что-либо, что может помочь, ясное дело. Но... так будет не всегда.

– Не всегда? – уныло пробормотал Майкл. – Что ж, посмотрим. – Между ними повисло молчание, нарушавшееся только шипением и потрескиванием огня. Упоминание Лили было для него болезненным, словно когти совы впивались в его грудную клетку, и он сделал большой глоток виски, чтобы заглушить боль. Может, Джаред был прав, посоветовав ему именно виски. Оно помогало, но недостаточно. И его действие длилось недолго. Он устал просыпаться с горем и головной болью.

Прогнав мысли о Лили, он заставил себя переключиться на дядю Джейми. Он тоже потерял жену, и это, судя по всему, что Майкл видел потом, разорвало пополам его душу. Потом она вернулась к нему, и он преобразился. Но в промежутке... он выдержал. Он нашел способ выжить.

Мысль о тете Клэр принесла ему легкое утешение: сейчас он старался не думать о том, что она сказала семье, кем была и где пропадала те двадцать лет, когда исчезла. Братья и сестры говорили потом между собой об этом. Молодой Джейми и Китти не поверили ни одному слову, Мэгги и Дженет сомневались – но Молодой Йен верил всему, и это много значило для Майкла. А она глядела на него – прямо на него, – когда рассказывала, что случится в Париже. И сейчас, вспоминая, он испытывал такой же легкий трепет ужаса. «*Террор. Вот как это будет называться и вот что будет. Людей будут арестовывать без вины и обезглавливать на площади Согласия. Улицы обгалятся кровью, и никто – никто – не будет в безопасности*».

Он взглянул на кузена. Джаред был старый человек, но все еще достаточно крепкий. Майкл понимал, что он ни за что не сможет убедить Джареда покинуть Париж и продать свой бизнес. Но пока еще остается какое-то время – если тетя Клэр была права. Не нужно сейчас об этом думать. Но она, кажется, так уверенно, словно ясновидящая, говорила обо всем, словно смотрела на все случившееся уже из более позднего, безопасного времени.

И все же она вернулась из того безопасного времени, чтобы снова быть с дядей Джейми.

Тут его посетила безумная фантазия, что Лили не умерла, а лишь улетела в далекое время. Он не мог ее видеть, прикасаться к ней, но знал, что она жива и что-то делает... может, именно такая вера, уверенность и помогли дяде Джейми держаться. Он с трудом сглотнул.

– Джаред, – сказал он, прочистив глотку. – Что ты думаешь о тете Клэр? Когда она жила тут?

Джаред удивился, но опустил бокал на колени и в раздумье выпятил губы.

– Она была красавицей, скажу я тебе, – ответил он. – Очень красивая. А язык как бритва, если она выступала против чего-то. И она умела убеждать. – Он кивнул дважды, словно что-то вспоминая, и внезапно усмехнулся. – Здорово умела убеждать!

– Правда? Ювелир – ну, Розенвальд, ты знаешь – упомянул о ней, когда я пришел заказать потир, и он увидел ее имя на листе бумаги. Он назвал ее *La Dame Blanche*. – Последняя фраза звучала не как вопрос, но он все же слегка добавил вопросительную интонацию, и Джаред кивнул, а легкая улыбка превратилась в широкую ухмылку.

– О, угу, я помню! Так назвал ее Джейми. Она временами оказывалась без него в опасных местах – ты сам знаешь, какие бывают негодяи и что могло случиться, – и он пустил слух, что она *La Dame Blanche*. Ты знаешь ведь про Белую Леди, да?

Майкл торопливо перекрестился, Джаред последовал его примеру и кивнул:

– Угу, вот так. Чтобы какой-нибудь мерзавец, задумавший нехорошее, дважды подумал. Белая Леди может лишиться зрения или сделать пустой кошонку, да и еще много чего, если захочет. И я буду последним, кто скажет, что Клэр Фрэзер не могла бы это сделать, если бы

захотела. – Джаред, задумавшись, поднес к губам бокал, сделал слишком большой глоток и закашлялся, прыснув каплями мемориального виски на пол.

Майкл засмеялся, к собственному ужасу.

Джаред вытер губы, все еще откашливаясь, потом выпрямился и поднял бокал, где еще осталось немного.

– За твоего отца. *Slainte mhath!* Будем здоровы!

– *Slainte!* Будем! – эхом отозвался Майкл и допил остаток. Потом решительно поставил пустой бокал и встал. Сегодня он больше не будет пить.

– *Oidhche mhath, mo brathair-athar no mathar.* Доброй ночи, кузен!

– Доброй ночи, парень, – сказал Джаред. Дрова в камине уже догорали, но все еще отбрасывали теплый, красноватый свет на лицо старика. – До свидания.

На следующий вечер

Майкл несколько раз ронял ключ, прежде чем наконец сумел повернуть его в старинном замке. Он не был пьян, после ужина с бокалом вина он больше не выпил ни капли. Вместо этого он прогулялся по всему городу в обществе лишь своих собственных мыслей. Все его тело дрожало от усталости, но зато он был уверен, что сможет заснуть. По его приказу Жан-Батист не закрыл дверь на засов, но один из лакеев растянулся на кушетке в вестибюле и храпел. Майкл слабо улыбнулся.

– Закрой дверь на засов и ступай к себе, Альфонс, – прошептал он, наклонившись, и потряс парня за плечо. Лакей пошевелился и всхрапнул, но Майкл не стал ждать, когда тот проснется. На лестничной площадке горела крошечная масляная лампа, круглый стеклянный шар в ярких красках Мурано. Лампа стояла там уже много лет, с первого дня, когда он приехал из Шотландии к Джареду, ее вид успокоил его, и он устремил свое усталое тело к широкой, темной лестнице.

По ночам, как это водится во всех старых домах, их дом потрескивал и разговаривал сам с собой. Хотя сегодня он молчал: тяжелая крыша с медными швами остыла, массивные стропила уснули.

Майкл снял с себя одежду и голый забрался в постель. Кружилась голова. Несмотря на усталость, его тело пульсировало, ноги дергались как у насаженной на вертел лягушки. Наконец он расслабился и нырнул в кипящий котел ожидавших его сновидений.

Конечно, она была там. Смеялась, играла со своей смешной собачкой. Гладила его по лицу, шее, ладонью, полной желания, прижималась всем телом ближе и ближе. Потом они оказались в постели, холодный ветер шевелил легкие занавески, слишком холодный, он замерз, но потом ее тепло приблизилось, прижалось к нему. Он страшно хотел ее, но одновременно боялся. Она была ужасно знакомой и ужасно чужой – и такая смесь вызывала в нем восторг.

Он потянулся к ней, но понял, что не мог поднять руку, не мог пошевелиться. И все-таки она была рядом, медленно извиваясь от желания, жадная и соблазнительная. Как водится в снах, он был одновременно перед ней, за ней, дотрагивался до нее и смотрел издали. Отсвет свечи на обнаженной груди, тени на пышных ягодицах, на откинутой белой простыне, одна нога, округлая и крепкая, выдвинулась вперед, мягко раздвинув его ноги. Мягко и требовательно.

Она свернулась за его спиной, целовала затылок, шею, и он потянулся, желая потрогать ее, но руки были тяжелые, неловкие, они беспомощно скользили по ней. Зато ее руки были решительные, более чем решительные – она взяла его за член и ласкала его. Ее рука работала быстро и жестко. Он брыкался, выгибал спину и внезапно освободился из трясины сна. Она ослабила хватку, пыталась отодвинуться, но он накрыл своей рукой ее руку и с радостной свирепостью быстро двигал их вверх и вниз, исходя конвульсиями, выбрасывая горячие, густые струи на свой живот, на сцепленные пальцы.

Она фыркнула от отвращения, он открыл глаза и увидел жуткую, как у горгульи, пасть, полную крошечных, острых зубов, и пару огромных выпученных глаз. Он взвизгнул.

Мопс соскочил на пол и стал с истеричным лаем носиться по комнате. За ним лежало чье-то тело. Майкл соскочил с кровати, запутался во влажных, липких простынях, споткнулся и в панике упал.

– Господи, господи, господи!

Стоя на коленях, он задыхался, тер ладонями лицо, тряс головой. И никак не мог понять, что все это значило. Не мог.

– Лили, – причитал он. – Лили!

Но заливавшаяся слезами женщина в его постели была не Лили. Он понял это и застонал от мучительного страдания новой потери.

– О, господи!

– Майкл, Майкл, пожалуйста, пожалуйста, прости меня!

– Ты... что... ради бога...

Леония бурно рыдала, протягивая к нему руки.

– Я не могла сдержаться. Я так одинока. Я так хотела тебя!

Плонплон перестал лаять и теперь подбежал к Майклу и нюхал его голую спину, обдавая ее взрывами горячего, влажного дыхания.

– *Va-t'en!* Уходи!

Песик попятился и снова залаял, выпучив глаза от обиды.

Не в силах найти слова, подходящие к ситуации, он схватил Плонплон и закутал его в простыню, чтобы не слышать его лая. Потом, пошатываясь, встал на ноги, все еще держа извивавшуюся собаку.

– Я... – начал он. – Ты... я имел в виду... о Господи Иисусе! – Он наклонился и осторожно поставил собачку на кровать. Плонплон мгновенно выпутался из простыни, бросился к Леонии и трепетно лизнул ее. Майкл уже думал о том, что надо отдать ей песика после смерти Лили, но почему-то это казалось ему предательством по отношению к прежней его хозяйке. При мысли об этом он был готов разрыдаться.

– Я не могу, – сказал он просто. – Никак не могу. Ты ступай спать, дева. Мы поговорим об этом позже, ладно?

Он вышел, осторожно ступая, словно очень пьяный, и осторожно закрыл за собой дверь. Прошел по коридору к главной лестнице и лишь там сообразил, что он голый. Он остановился там, ничего не соображая, и глядел, как меркли цвета муранской лампы с наступлением рассвета. Наконец его увидел Роберт и, прибежав, закутал в плащ и уложил в постель в одной из гостевых комнат.

Любимым игорным клубом Ракоши был «Золотой Петушок». Стена в главном салоне была покрыта гобеленом с изображением петуха. Вытканый золотой нитью, с распростертыми крыльями и распушенным горлом, он с триумфом кукарекал над разложенными перед ним выигрышными картами. Место было веселое, там встречались богатые торговцы и аристократы средней руки, а воздух был пряным от запахов свечного воска, пудры, парфюма и денег.

Ракоши собирался зайти в контору «Фрэзер *et Cie*», поговорить под каким-нибудь предлогом с Майклом Мюрреем и как-нибудь вывести разговор на тетку молодого человека. Впрочем, поразмыслив, решил, что это может насторожить Мюррея – и, не исключено, как-нибудь дойдет до женщины, если она где-то здесь, в Париже. А этого ему хотелось меньше всего.

Пожалуй, лучше было начать расспросы с более безопасного расстояния. Он узнал, что Мюррей время от времени появлялся в «Петушке», хотя сам он никогда не видел его там. Но если так говорят...

Прошло несколько вечеров с игрой, вином и беседами, прежде чем он познакомился с Шарлем Пепеном. Пепен был щеголем, безрассудным игроком и любителем поболтать. И выпить. Еще он был близким другом молодого виноторговца.

– О, та монахиня! – сказал он, когда Ракоши – после второй бутылки – упомянул, что слышал, будто у Мюррея есть молодая родственница, которая недавно ушла в монастырь. Пепен засмеялся, его красивое лицо зарделось.

– Я еще никогда не видел девицы, которая бы так не годилась в монахини – попка такая, что сам парижский архиепископ забудет про свои обеты, а ему уже восемьдесят шесть. Почти не говорит по-французски, бедняжка, – девица, не архиепископ. Впрочем, я бы и не стал вести с

ней долгие беседы, если бы она была со мной, ну, вы понимаете... Она из Шотландии, ужасный акцент...

– Говорите, из Шотландии? – Ракоши задумчиво подержал в руке карту, потом положил ее. – Она кузина Мюррея – так, может, она дочь его дяди Джеймса?

Пепен за миг задумался.

– Я не очень... о да, точно! – Он весело рассмеялся и положил на стол свои проигравшие карты. – Господи. Да, она точно говорила имя отца – Джейми, так говорят шотландцы, значит, Джеймс.

Ракоши почувствовал, как по его спине пробежал холодок предвкушения. *Да!* Ощущение триумфа мгновенно сменилось потрясающим открытием. Девушка была дочерью *La Dame Blanche*.

– Понятно, – небрежно проговорил он. – Так, вы говорите, в какой монастырь ушла девушка?

К его удивлению, Пепен неожиданно пронзил его подозрительным взглядом:

– Зачем вам это надо знать?

Ракоши небрежно пожал плечами, а сам торопливо придумывал ответ.

– Пари, – сказал он с усмешкой. – Если она такая соблазнительная, как вы говорите... Я ставлю пятьсот луи, что затащу ее в постель, прежде чем она примет первый обет.

Пепен насмешливо фыркнул.

– О, да никогда! Она аппетитная, но не сознает этого. И она добродетельная, клянусь. И если вы думаете, что сумеете соблазнить ее в стенах монастыря...

Ракоши откинулся в кресле и показал на еще одну бутылку.

– В таком случае... что вы теряете?

На следующий день

Она почувствовала запах больницы задолго до того, как маленькая группа новициаток подошла к двери. Они шли по двое, скромно опустив глаза, но она не удержалась и бросила быстрый взгляд на трехэтажное здание, изначально дворец, который – по слухам – был отдан матери Хильдегарде ее отцом, как часть наследства, когда она посвятила себя церкви. Он стал монастырским домом и постепенно все больше и больше принимал больных, а монахи переселились в новый дом, построенный в парке.

Снаружи это был приятный старинный дом. Но запах болезни, мочи, кала и рвоты висел в нем как липкая завеса, и Джоан надеялась, что ее не стошнит, что она удержится. Маленькая послушница рядом с ней, сестра Милосердие Божие (которую все называли просто Мерси), была блее, чем ее вуаль, ее глаза были направлены на землю, но явно ничего не видели: она наступила на слизья и вскрикнула от ужаса, раздавив его сандалией.

Джоан поспешно отвела взгляд. Она никогда не научится смиренно опускать глаза, это точно. И не научится смирению в мыслях.

Ее обеспокоил и встревожил не вид пациентов. Она и прежде видела больных, и они тут не ждали от нее ничего, кроме мытья и кормления; с этим она справилась бы без труда. Она боялась увидеть тех, кому суждено скоро умереть – потому что в больнице наверняка будет много таких. И что тогда ей скажут голоса?

Однако голоса молчали. И через некоторое время она уже почти не нервничала. Она *могла* выполнять эту работу и фактически, к ее удивлению, даже наслаждалась своим умением облегчить чью-то боль, с радостью уделяла больным внимание – и если они смеялись над ее французским, то и пусть, зато они ненадолго забывали про боль и страх.

Были и такие, кто лежал под серым покровом смерти. Правда, их было совсем немного, и они пугали ее гораздо меньше, чем дома сынишка Вэйри Фрэзера или тот молодой самоубийца на судне. Может, дело было в смирении или во влиянии ангелов, в честь которых была названа больница, Джоан не знала, но обнаружила, что ей не страшно дотрагиваться до тех, кто, как она видела, скоро умрет, не страшно говорить с ними. Она замечала, что другие сестры и даже санитарки были ласковыми к таким людям, и ей пришло в голову, что тут не нужно провидческого дара, чтобы знать, что долго болевший человек, исхудавший так, что остались кожа да кости, не жилец на этом свете.

«Дотронься до него, – сказал тихий голос в ее голове. – Утешь его».

«Ладно», – вздохнула она. Как можно утешить такого больного, она не знала, но помыла его как можно ласковее и уговорила съесть несколько ложек каши. Потом она уложила его в постель, поправила ночную рубашку и тонкое одеяло.

– Спасибо, сестра, – сказал он и, взяв ее руку, поцеловал ее. – Спасибо за твои сладкие прикосновения.

В тот вечер она вернулась в дортуар задумавшись, но со странным ощущением, что она находится на пороге какого-то важного открытия.

В ту ночь

Ракоши лежал с закрытыми глазами, положив голову на грудь Мадлен, вдыхал запах ее тела и чувствовал между своих ладоней всю ее медленно пульсирующую световую сущность. Она была нежно-золотая, со светящимися голубыми венами, глубоко в груди под его ухом билось ее лазуритовое сердце, живой камень. И глубоко внутри была ее красная матка, раскрытая, нежная. Пристанище и помощь. Обещание.

Мелизанда когда-то показала ему основы сексуальной магии, и он прочел об этом с большим интересом в некоторых древних алхимических текстах. Впрочем, он никогда не применял ее на проститутках – и фактически не пытался и в этот раз. И все-таки это случилось. Он видел волшебство, медленно разворачивавшееся перед ним, под его руками.

Как странно, сонно думал он, глядя, как тонкие следы зеленой энергии распространялись по ее матке, медленно, но неуклонно. Раньше он думал, что это происходит мгновенно, что мужское семя прорастает в женщине, и все. Но все было не так. Теперь он увидел, что было *два* типа семени. У нее было одно, он ясно это чувствовал, бриллиантовое пятнышко света, сверкавшее словно пронзительное, крошечное солнце. Его собственное – маленькое, зеленое, простейшее – притягивалось к этому крошечному солнцу, готовое к жертвоприношению.

– Доволен, *chéri*? – прошептала она, глядя его волосы. – Тебе было хорошо со мной?

– Я невероятно счастлив, дорогая. – Он предпочел бы, чтобы она не раскрывала рот, но неожиданный прилив нежности к ней заставил его сесть и улыбнуться. Она тоже приподнялась и потянулась за чистой тряпочкой и спринцовкой, но он положил руку ей на плечо, заставляя лечь.

– Не мойся на этот раз, *ma belle*, – сказал он. – Сделай мне одолжение.

– Но ведь... – Она растерялась: обычно он настаивал на чистоте. – Ты хочешь, чтобы я забеременела? – Потому что перед этим он не велел ей пользоваться губкой, пропитанной вином.

– Да, конечно, – удивленно ответил он. – Разве мадам Фабьен не сказала тебе?

У нее раскрылся рот.

– Нет, не сказала. А что – зачем, ради бога? – Разволновавшись, она высвободилась из его рук и свесила ноги с кровати, собираясь накинуть платок. – Что ты собираешься с ним сделать?

– С ним сделать? – удивленно переспросил он. – Что ты имеешь в виду?

Она накинула платок на плечи и попятилась к стене, прижав руки к животу и глядя на него с нескрываемым страхом.

– Ты маг – это всем известно. Ты берешь новорожденных детей и используешь их кровь для колдовства!

– Что? – довольно глупо переспросил он. Протянул руку за кюлотами, но передумал. Вместо этого встал, подошел к ней и положил руки ей на плечи.

– Нет, – сказал он, наклоняясь и глядя ей в глаза. – Нет, я не делаю таких вещей. Никогда. – Он использовал всю силу искренности, какую мог продемонстрировать, и почувствовал, как она немного заколебалась, уже менее уверенная в своих страхах.

Он улыбнулся ей.

– Кто тебе сказал, что я маг, бога ради? Я философ, *chérie*, изучаю загадки природы, вот и все. И я клянусь тебе моей надеждой попасть на небо... – Вообще-то оно не существует, но зачем спорить и придирается? – ...что я никогда, ни разу не использовал в моих исследованиях ничего, кроме водички мальчиков.

– Что, мочу маленьких мальчиков? – спросила она с усмешкой. Он слегка расслабил руки, но все еще не убирал их с ее плеч.

– Конечно. Это самая чистая вода, какую можно отыскать. Собрать ее немного трудно, заметить... – она улыбнулась, это хорошо, – ...но процесс не причиняет ни малейшего вреда младенцу, который все равно извергает из себя воду, использует ее кто-то там или нет.

– О! – Она стала немного успокаиваться, но ее руки все еще были прижаты к животу, словно она уже чувствовала, что там растет ребенок. *Еще нет*, подумал он, прижимая ее к груди и осторожно проникая мыслью в ее тело. *Но скоро!* Нужно ли ему остаться с ней до тех пор? Чувствовать, что происходит внутри нее – стать интимным свидетелем творения самой жизни? Но он не знал, как поведет себя его семья, и не мог сказать, как долго это протянется, может, день или два.

Да, магия, в самом деле!

«Почему мужчины никогда не думают об этом?» – удивился он. Большинство мужчин – в том числе и он сам – рассматривают зачатие детей как необходимость, в случае нужды в наследнике или в других случаях как помеху, но *тут*... Впрочем, большинство людей никогда не знают того, что теперь знал он, и не видят того, что он видел.

Мадлен постепенно успокоилась и наконец убрала свои ладони с живота. Он поцеловал ее с реальным ощущением нежности.

– Он будет красивым, – шепнул он ей. – И когда я пойму, что у тебя действительно будет ребенок, я выкуплю твой контракт у Фабьен и заберу тебя отсюда. Я куплю тебе дом.

– Дом? – Ее глаза сделались круглыми. Они были зелеными, глубокими, чистыми как изумруд, и Ракоши снова улыбнулся ей, отступив назад.

– Конечно. Теперь ступай и спи, моя дорогая. Я приду завтра.

Она обхватила его руками, и он, смеясь, с трудом выпутался из ее объятий. Обычно он покидал ложе проститутки безо всяких ощущений, не считая физического облегчения. Но то, что он сделал, соединило его с Мадлен так, как ни с какой другой женщиной, кроме Мелизанды.

Мелизанда. Внезапная догадка промелькнула в нем, словно искра из лейденской банки. *Мелизанда.*

Он пристально посмотрел на счастливую Мадлен, голую, с белым телом. Теперь она сбросила с плеч платок и забралась в постель. Эта попа, глаза, мягкие светлые волосы, золотисто-белые, будто свежие сливки.

– *Chérie*, – поинтересовался он как можно небрежнее, натягивая кюлоты, – сколько тебе лет?

– Восемнадцать, – ответила она без колебаний. – А что, месье?

– А-а. Замечательный возраст, чтобы стать матерью. – Он натянул через голову рубашку и с облегчением послал ей воздушный поцелуй. Он знал Мелизанду Робишо в 1744 году. Значит, у него не было инцеста с собственной дочерью.

Лишь когда он проходил через гостиную мадам Фабьен, направляясь к выходу, ему пришло в голову, что Мадлен вполне могла оказаться его внучкой. Эта мысль его остановила, но ему было некогда размышлять над ней, поскольку в дверях появилась Фабьен и поманила его к себе.

– Весточка, месье, – сказала она, и что-то в ее голосе было такое, отчего по его спине пробежал холодок.

– Да?

– *Мэтр Гренуй* просит оказать ему честь и составить компанию завтра в полночь. На площади перед Нотр-Дам де Пари.

На рынке им не нужно было скромно опускать глаза. Сестра Жорж – величественная монахиня, руководившая такими экспедициями, – ясно предупредила всех, чтобы они не позволяли себя обвесить, зорко следили за ценой и остерегались карманников.

– Карманников, сестра? – удивилась Мерси, взмахнув светлыми ресницами. – Но мы ведь монахини – более или менее, – торопливо добавила она. – У нас нечего красть!

Большое красное лицо сестры Жорж покраснело еще сильнее, но она сохраняла терпение.

– В обычных условиях так и есть, – согласилась она. – Но у нас – или, вернее, у меня – есть с собой деньги, на которые мы покупаем продукты, и когда мы все купим, вы это понесете. Карманники крадут, чтобы поесть, *n'est-ce pas?*⁴¹ Им все равно, деньги это или продукты, и большинство из негодяев настолько ожесточились, что охотно украдут у самого Господа Бога, не говоря уж о парочке глупеньких послушниц.

Что до Джоан, то ей хотелось увидеть *все*, включая карманников. К своему восторгу, она узнала тот самый рынок, через который они проезжали с Майклом в первый день, когда она приехала в Париж. Правда, его вид напомнил ей о страхах и сомнениях того дня – но пока что она задвинула их подальше и окунулась следом за сестрой Жорж в потрясающий круговорот цветов, запахов и криков.

Джоан шла за сестрой Жорж и сестрой Матильдой по рыбным рядам. Запомнив особенно занятное выражение, она собиралась спросить у сестры Филомены его смысл. Сестра Филомена была чуть старше ее, но болезненно робкая и с такой нежной кожей, что вспыхивала словно яблоко при малейшем поводе. Сестра Жорж торговалась за большие закупки камбалы, морского гребешка, маленьких, серых, прозрачных креветок и огромного морского лосося. Бледный весенний свет переливался на рыбной чешуе розовыми, синеватыми, серебристыми искорками, а для других оттенков Джоан даже не знала названий – рыбы были так прекрасны даже в смерти, что у Джоан перехватило дыхание от восторга перед чудом творения.

– Ой, сегодня у нас буйабес! – тихонько воскликнула Мерси. – *Délicieuse!*⁴²

– Что такое буйабес? – шепнула ей Джоан.

– Рыбная похлебка – тебе понравится, вот увидишь! – Джоан и не сомневалась в этом. Она росла на Шотландском нагорье в бедности, постигшей страну после Восстания, и ее потрясли новые, восхитительно вкусные да и просто обильные монастырские блюда. Даже по пятницам, когда все постились в течение дня, ужин был простым, но вкусным – острый сыр на ржаном ореховом хлебе с ломтиками яблок.

К счастью, лосось был таким огромным, что сестра Жорж договорилась с торговцем о доставке его в монастырь вместе с другой купленной рыбой, таким образом, у них оставалось в корзинах место для свежих овощей и фруктов, и монахини перешли из царства Нептуна во владения Деметры. Джоан надеялась, что она не совершила кощунство, вспомнив о греческих богах, но не могла забыть книгу мифов с замечательными, раскрашенными от руки иллюстрациями, которую отец читал ей и Марсали в детстве.

В конце концов, сказала она себе, нужно знать греков, раз ты изучаешь медицину. Она немного боялась работы в больнице, но Бог повелел людям заниматься такими вещами и, раз такова Его воля, то...

Она не успела додумать эту мысль, потому что увидела изящную, темную треуголку с закругленным голубым пером, медленно плывшую через людскую толпу. Кто это? Да, Леония! Сестра покойной жены Майкла Мюррея. Движимая любопытством, Джоан взглянула на сестру Жорж, которая внимательно разглядывала огромный развал грибов. «Господи, неужели люди едят *такие* вещи?» – мимоходом подумала она и скользнула за тележку с салатной зеленью.

Она решила подойти к Леонии, попросить ее сказать Майклу, что ей надо с ним поговорить. Может, он придумает, как посетить монастырь... Но не успела Джоан подойти к ней, как Леония оглянулась через плечо, словно опасалась, что ее увидят, и нырнула за занавеску, висевшую на небольшом фургоне.

---

⁴¹ [41] Не так ли? (Фр.)

⁴² [42] Очень вкусный! (Фр.)

Джоан и раньше видела цыган, хоть и редко. Возле фургона слонялся темнокожий парень, разговаривал с группой других цыган. Их глаза равнодушно скользнули по ее монашеской одежде, и она вздохнула с облегчением. Быть монахиней – все равно что носить шапку-невидимку, подумала она.

Она поискала глазами своих спутниц и увидела, что сестра Матильда с кем-то из послушниц разглядывала большой и бугристый ком, похожий на экскременты серьезно больного борова. Ладно, значит, она может задержаться еще на минуту.

На самом деле ждать пришлось меньше. Леония выскользнула из фургона, держа в руке маленькую корзинку. Впервые за все это время Джоан поразило, что Леония одна, без служанки, отправилась что-то покупать, да еще на городской рынок, и теперь проталкивалась сквозь толпу и сама несла покупку. Во время плавания Майкл рассказывал о своем хозяйстве – как мадам Гортензия, повариха, ходит на рынок на рассвете, чтобы купить самый свежий товар. Что же такая аристократка, как Леония, покупает сама продукты, да еще одна?

Джоан пробиравалась мимо рядов торговцев, следуя за покачивавшимся голубым пером. Внезапно Леония остановилась возле цветов и взяла букетик белых нарциссов, и это позволило Джоан подойти к ней.

Неожиданно ей пришло в голову, что она не знает полного имени Леонии, но сейчас ей было не до вежливости.

– Э-э... мадам? – нерешительно проговорила она. – Мадемуазель, я хотела сказать. – Леония резко обернулась с бледным лицом и вытаращенными глазами. Увидев перед собой монахиню, она смущенно заморгала.

– Э-э... это я, – робко сказала Джоан, борясь с желанием приподнять вуаль. – Джоан Маккимми. – Ей самой было странно это говорить, словно «Джоан Маккимми» была не она, а кто-то еще. Прошло несколько мгновений, прежде чем Леония поняла, кто перед ней, и тогда ее плечи немного расслабились.

– О! – Она приложила руку к груди и растянула губы в слабой улыбке. – Кузина Майкла. Конечно. Я не... э-э... Очень приятно! – Маленькая складочка сморщила кожу между ее бровями. – Вы... одна?

– Нет, – торопливо проговорила Джоан. – И мне нельзя останавливаться. Вот только я вас увидела и хотела попросить... – Ситуация стала еще глупее, чем полминуты назад, но ничего не поделаешь. – Передайте, пожалуйста, месье Мюррею, что я должна с ним поговорить, хорошо? Я знаю что-то... что-то важное... и должна ему сказать.

– *Soeur Gregory?* – Зычный голос сестры Жорж перекрыл пронзительный шум рынка, заставив Джоан вздрогнуть. Она видела голову сестры Матильды с большими белыми парусами, крутившуюся по сторонам в напрасном поиске.

– Мне надо идти, – сказала она удивленной Леонии. – Пожалуйста. Пожалуйста, скажите ему! – Ее сердце учащенно билось, и не только от неожиданной встречи. Она бросила взгляд на корзинку Леонии и увидела там бутылку из коричневого стекла, полуприкрытую толстым пучком растения, в котором Джоан узнала черную чемерицу. Милые чашечки цветов жутковатого зеленовато-белого цвета – и смертельный яд.

Она побежала через рынок и, запыхавшись и извиняясь, остановилась возле сестры Матильды, обдумывая увиденное... Она мало общалась с женой отца – но *слышала*, как та, записывая в книгу рецепты, говорила с отцом и упоминала черную чемерицу как средство, которое используют женщины, чтобы вызвать выкидыш. Если Леония беременная... Святая Матерь Божия, может, у нее ребенок *Майкла*? Эта мысль ударила ее под дых.

Нет. Нет, она не могла в это поверить. Ведь он любил жену, это было ясно видно, но, если даже и нет, она готова была поклясться, что он был не из тех... Но что, в конце концов, она знала про мужчин?

Что ж, она спросит его, когда увидит, решила она, поджав губы. А до этого... Ее рука дотронулась до четок на груди, и она мысленно проговорила быструю молитву за Леонию. На всякий случай.

Когда она упорно торговалась на своем ломаном французском за шесть баклажанов (гадая про себя, что это такое, лекарство или еда?), кто-то встал возле ее локтя. Красивый мужчина средних лет, ростом выше ее, в прекрасно сшитом голубино-сером сюртуке. Он улыбнулся ей и, дотронувшись до одного из этих странных овощей, сказал на медленном, простом французском:

– Не берите большие. Они жесткие. Возьмите те, что мельче, вот такие. – Длинный палец постучал по небольшому баклажану, вдвое меньше тех, которые навязывал ей торговец, и тот разразился злобной тирадой, заставившей Джоан испуганно попятиться.

Дело было не в выражениях торговца – она не поняла и десятой их части, – а потому что голос на чистом английском только что отчетливо проговорил: «*Скажи ему, чтобы он не делал этого*».

Ее бросило в жар, потом в холод.

– Я... э-э... *je suis...* м-м... *merci beaucoup, monsieur!* – выпалила она и, повернувшись, побежала, лавируя между грудками луковиц нарциссов и душистыми стеблями гиацинтов, поскользываясь на раздавленных листьях.

– *Soeur Grerory!* – Сестра Матильда появилась перед ней так внезапно, что она чуть не врезалась в массивную монахиню. – Что вы делаете? Где сестра Милосердие?

– Я... о... – залепетала Джоан, собираясь с духом. – Вон там, – с облегчением сообщила она, заметив маленькую головку Мерси на фоне толпы перед телегой с мясными пирогами. – Я позову ее! – выпалила она и торопливо убежала, прежде чем сестра Матильда успела что-то сказать.

«*Скажи ему, чтобы он не делал этого*» – так говорил голос про Шарля Пепена. «Что происходит?» – гадала она. Или месье Пепен участвует в чем-то ужасном вместе с тем человеком в голубино-сером сюртуке?

Мысль о том человеке словно разбудила голос, и он зазвучал снова.

«*Скажи ему, чтобы он не делал этого*, – повторял голос у нее в голове, казалось, с особенной настойчивостью. – *Скажи ему, что он не должен это делать!*»

– Благодатная Мария, Господь с тобой, благословенна ты в женах... – Джоан сжимала четки и бормотала слова молитвы, чувствуя, как кровь отливает от ее лица. Он стоял там, мужчина в голубино-сером сюртуке, и с любопытством взирал на нее через лоток с голландскими тюльпанами и ветками желтой форсайтии.

Не чувствуя под собой ног, она пошла к нему. «*Я должна, – думала она. – И не важно, если он примет меня за сумасшедшую...*»

– Не делайте этого, – выпалила она, остановившись перед удивленным джентльменом. – Вы не должны этого делать!

После этого она повернулась и побежала, держа в руке четки, вуаль взмывала за ней, будто крылья.

Ракоши невольно думал о соборе Парижской Богородицы, как о живом существе. Как об огромной версии одной из собственных горгулий собора, скрюченных чудовищ, взиравших с высоты на город. Защищали они его? Угрожали?

Черная громада собора возвышалась над площадью, заслоняя свет звезд, красоту ночи. Символично. Да, он всегда считал, что церковь заслоняет Бога. Тем не менее, несмотря на теплый плащ, при виде чудовищного каменного исполина его бросило в дрожь, когда он проходил в его тени.

Может, сами камни собора вызывали ощущение угрозы? Он остановился, мгновение постоял, потом подошел к стене и прижал ладонь к холодному песчанику. Сначала он ничего не почувствовал, кроме холодной, грубой поверхности камня. Импульсивно закрыв глаза, он попытался проникнуть чувствами в камень. Опять ничего. Но он ждал, настойчиво повторяя вопрос: *ты там?*

Он был бы в ужасе, если бы получил ответ, но сейчас был разочарован. Впрочем, когда он наконец открыл глаза и убрал руки с камня, он увидел следы голубого света, еле заметные, кратко мелькнувшие между его пальцами. Это испугало его, и он поспешил прочь, спрятав руки в плащ.

Конечно же нет, заверил он себя. Он делал это и раньше, вызывал свечение, когда держал самоцветы, отобранные им для путешествия во времени, и произносил над ними слова – его собственную версию освящения. Он не знал, нужны ли слова, но Мелизанда их говорила, и он боялся, что без них ничего не получится. Он почувствовал тут *что-то*. Нечто тяжелое, инертное. Ничего похожего на мысль, не говоря уж о речи, слава богу. Он невольно перекрестился, потом тряхнул головой, напуганный и раздраженный.

Но это было что-то. Что-то чудовищно огромное и очень древнее. Может, у Бога голос камня? Такая мысль еще больше нервировала его. Камни там, в известняковой каменоломне, гул, который они издавали, – неужели там все-таки был Бог или он был там, в пространстве между временами?

В тени кто-то пошевелился, и все его мысли мгновенно исчезли. Мэтр Гренуй! Лягушка! Сердце Ракоши сжалось в кулак.

– Месье граф, – проговорил удивленный суровый голос. – Как я вижу, годы были милосердны к вам.

Раймонд с улыбкой вышел на звездный свет. Его вид привел графа в замешательство: Ракоши так давно ждал этой встречи, что реальность, как ни странно, разочаровала его. Невысокий, широкоплечий, с длинными распущенными волосами, откинутыми назад от массивного лба. Широкий, почти безгубый рот. Раймонд Лягушка.

– Почему вы здесь? – воскликнул Ракоши.

Брови мэтра Раймонда были черными – а тридцать лет назад они, кажется, были седыми? Одна бровь удивленно поползла кверху.

– Мне сообщили, что вы ищете меня, месье. – Он развел руками с добродушным видом. – Я и пришел!

– Благодарю вас, – сухо ответил Ракоши, постепенно приходя в себя. – Я имел в виду – почему вы в Париже?

– Любой человек должен где-то находиться, не так ли? Люди не могут быть все в одном месте. – Эти слова могли показаться добродушной насмешкой, но прозвучали серьезно, словно утверждение научного принципа, и Ракоши счел это тревожным знаком.

– Вы пришли, чтобы отыскать меня? – прямо спросил он. Он подошел чуть ближе, чтобы лучше рассмотреть этого человека. Он был почти уверен, что тот казался *моложе*, чем в прошлый раз. Длинные волосы стали несомненно темнее, шаг более упругим. Искра восторга вспыхнула в его груди.

– Вас? – Месье Гренуй, казалось, удивился. – Нет, я ищу потерянную дочь.

Ракоши был поражен и сбит с толку.

– Вашу?

– Более или менее. – Раймонд явно не собирался ничего объяснять. Он отошел чуть в сторону и прищурил глаза, пытаясь разглядеть в темноте лицо Ракоши. – Значит, вы умеете слышать камни, верно?

– Я – что?

Раймонд кивнул на фасад собора:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.